

М. Т. Товкайло

Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард

Keywords: South-West Ukraine, Southern Bug basin, settlement Gard, Neolithic, Bug-Dniester culture, Neolithisation, chronology.

Cuvinte cheie: Ucraina de Sud-Vest, regiunea Bugului, aşezarea de la Gard, neolitic, cultura Bugo-Nistreană, neolitizare, cronologie.

Ключевые слова: Юго-Западная Украина, Побужье, поселение Гард, неолит, буго-днестровская культура, неолитизация, хронология.

M. T. Tovkaylo

Neolithization of South-West Ukraine in the Light of New Researches of Gard Settlement

The article presents the results of new research (2006—2011) on the Neolithic settlement of Gard, located in the steppe zone of the Southern Bug river basin. The early and late Neolithic are characterized. Basing on the inventory of the strata, the key problems of the neolithisation of South-Western Ukraine, genesis of the Bug-Dniester culture and the so-called “steppe Neolithic” are discussed. A detailed analysis of the data about the chronology and periodisation of sites is also made. A special emphasis is drawn on the analysis of the Mediterranean and Balkan impulses and their influence on the process of the neolithisation of the region. Also, the aspects of the interrelations between local population and early farming communities of Starcevo-Criş, LBK and Precucuteni-Tripolye A are being discussed.

M. T. Tovkaylo

Neolitizarea Ucrainei de Sud-Vest în lumina noilor cercetări pe situl de la Gard

În articol sunt prezentate rezultatele noilor cercetări dintre anii 2006 și 2011 pe situl neolitic de la Gard, amplasat în partea sudică a bazinului râului Bug. Sunt caracterizate straturile neoliticului timpuriu și târziu, iar analiza inventarului acestor nivele este realizată în contextul problemelor cruciale ale neolitizării Ucrainei de Sud-Vest, genezei culturii Bugo-Nistrene și așa-numitului „neolitic stepic”. Sunt prezentate datele privind cronologia și periodizarea siturilor. O atenție aparte este dedicată analizei influenței impulsurilor culturale mediterane și balcanice asupra procesului de neolitizare a regiunii. De asemenea, sunt discutate aspectele interrelațiilor dintre populația autohtonă și comunitățile agricultorilor timpurii Starcevo-Criş, cultura ceramicii liniare și Precucuteni-Tripolie A.

M. T. Товкайло

Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард

В статье представлены результаты новых исследований 2006—2011 гг. неолитического поселения Гард, расположенного в Степном Побужье. Дана характеристика слоев раннего и позднего неолита, исходя из инвентаря которых рассматриваются ключевые проблемы неолитизации Юго-Западной Украины, генезиса буго-днестровской культуры и так называемого «степного неолита». Проведен разбор данных по хронологии и периодизации памятников. Особое внимание уделяется анализу влияния культурных импульсов из Средиземноморья и Балкан на процесс неолитизации региона. Также рассматриваются аспекты взаимодействия местного населения с раннеземледельческими обществами Старчево-Криш, КЛК и Пренукутень-Триполье А.

Введение

В 2006 г. возобновились исследования многослойного поселения и могильника Гард, открытого еще в 1930 г. Памятник расположен в степной зоне Южного Буга (Степном Побужье), географически относящейся к Северо-Западному Причерноморью. Новые исследования поселения кардинально измени-

ли наше представление об этом памятнике. Особенно важными оказались материалы неолита — кроме обнаруженного ранее культурного слоя эпохи позднего неолита, исследован мощный ранненеолитический слой с многочисленными очагами, отражающий начальный этап неолитизации региона. По полноте и уровню исследования, объему добытых материалов Гард занимает ведущее место

среди неолитических памятников Южной Украины, а его богатейший материал позволяет по-новому взглянуть и на процессы неолитизации Северо-Западного Причерноморья, Побужья и Среднего Поднестровья.

1. История исследований

Открытие памятника связано с работой Богесовской археологической экспедиции, организованной в связи с планами строительства в районе южнобужских порогов, между городами Первомайск и Вознесенск. До начала работ экспедиции этот район оставался фактически белым пятном на археологической карте Украины. По плану полевых работ экспедиции предполагалось поэтапно провести археологическую разведку в районе будущего затопления и развернуть разведывательные раскопки в местах выявления главных памятников (Козубовский 1933: 19). В 1930 г. правобережная группа, которую возглавил Т. Мовчановский, открыла ряд разновременных и разнотипных археологических памятников, в том числе — в окрестностях знаменитого урочища Гард. Здесь, в трех местах, экспедицией были обнаружены разновременные археологические материалы (Козубовский 1933: 28—34):

1) между двумя байрачными балками в верхней части «Гардового клина»;

2) «на склоне к Гарду» — посредине клина между плёсом и верхним плато (возле «каменных ворот»);

3) на краю ограниченного двумя балками террасовидного, частично подмытого рекой, составленного из отложений пролювия и делювия уступа правого берега реки. Именно здесь и находятся многослойное поселение и могильник, утвердившиеся в археологической литературе под названием «Гард», материалы которого рассматриваются в этой статье.

В нижней части террасовидного уступа были заложены три траншеи (№1—3). Схематическое расположение траншей зафиксировано на одном из планов поселения, сохранившихся в научном архиве Института археологии, опубликованного Ф. А. Козубовским: траншея №1 — у выхода на плёс с южной балки; участок №2 — в обрыве клина в устье Осокоровой балки; участок №3 — посредине Гардового клина, от плёса реки вверх по склону на 24 м. По моим подсчетам, сделанным по записям в дневнике Т. Мовчановского, траншея 1 имела площадь 45 м², участок 2 — 6 м², участок 3 — 15 м² (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 327/24). Во всех траншеях было

добыто большое количество кремневых изделий, обломков керамики, костей животных и т. д., а на участке №2, кроме того, обнаружены остатки человеческого захоронения. Экспедиция зафиксировала в траншее №1 несколько скоплений камней (Козубовский 1933: 29—31; НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 327/24). Исходя из вполне фрагментарного напечатанного позже отчета, в 1930 г. в траншеях было обнаружено 2098 кремневых изделий. Кроме того, тогда же на «Гардовом плёсе и клине» было собрано еще несколько сот образцов кремневой индустрии и фрагментов посуды (Козубовский 1933: 29—31).

Все археологические материалы из раскопок и разведок экспедиции 1930 не сохранились. Кое-какие материалы из своих исследований, вместе с графическим и фотоматериалом, экспедиция подала на отчетную выставку в Одессе, которую впоследствии перевезли на Всеукраинскую археологическую выставку ВУАН (Козубовский 1933: 46). Последняя состоялась в августе — сентябре 1931 г. на территории музейного городка (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 380. Л. 33—34). Согласно соглашению с Первомайским окружным исполкомом, экспедиция, после научной обработки материалов и использования для отчетных выставок, обязывалась передать их в Первомайский музей (Козубовский 1933: 19). Вероятно, после выставок они и были переданы Первомайскому музею. Дальнейшая судьба этих материалов неизвестна. В. Н. Даниленко считал, что материалы из раскопок Гарда и Миколиной Бряжки (черноташлыкской станции) погибли во время Второй мировой войны (Даниленко 1969: 134, 140). Хотя они могли погибнуть и раньше, в середине 1930-х годов, во время погромов украинских музеев представителями коммунистической власти.

В 1931 г. раскопки поселения под руководством Т. Мовчановского продолжил И. Н. Луцкевич. Раскоп размером 3 × 12 м пришелся уже на самый склон террасы (Козубовский 1933: 60). Материалы этого раскопа, а именно коллекция кремня, насчитывающая 852 изделия, и небольшая коллекция бугоднострессовской, раннетрипольской и позднетрипольской керамики, костей животных и крупных рыб (Товкайло 2005: 63—64), хранятся в Национальном музее истории Украины (коллекция №А183).

Работами 1930 и 1931 гг. Богесовская экспедиция открыла новый этап в исследовании археологических памятников в Побужье: выявлен ряд разновременных и разнотипных памятников, позволивших по-новому взглянуть на древнюю историю Степного Побужья.

Важное место здесь занимает исследование многослойного поселения и могильника Гард. Уже тогда на Гарде был получен массовый археологический материал, установлен характер памятника, стратиграфия геологических и культурных наслоений. Большинство из полученных здесь материалов исследователи отнесли к неолиту, меньшую часть — к «энеолиту в репрезентации остатков трипольской эпохи» (Козубовський 1933: 31—32). Уделяя особое внимание раскопкам Гарда, авторы отчета отмечали его особую роль в «решении проблемы родового общества над Бугом» (Козубовський 1933: 60). Неолитический слой памятника они отнесли к типу позднего неолитических стоянок с определенными местными отличиями, проводя аналогию с такими неоднородными неолитическими памятниками, как Почайна-Куренивка в окрестностях Киева, Юркова Гора у Слободки и др. (Козубовський 1933: 34, 90).

Конечно, первые раскопки неолитических памятников Южного Буга не могли в полной мере выявить их культурную специфику, причиной чего был, в первую очередь, низкий уровень развития неолитоведения в целом в Северном Причерноморье. Поэтому продолжение археологических исследований на Буге, в том числе на Гарде, планировалось и в следующих 1932, 1933 и даже 1934 годах (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 372. Л. 11; Козубовський 1933: 47). По результатам исследований археологической экспедиции НКО на территории Богеса между городами Первомайском и Вознесенском в 1931 г. готовился сборник статей, для которого Т. М. Мовчанівський должен был подать статью «Правим берегом р. Богу» (Товкайло 2007; НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 574), однако этим планам не суждено было осуществиться: в 1932 г. начался погром украинской археологической науки. Уже подготовленные к печати статьи были уничтожены, а сами исследователи репрессированы. Зато успела выйти в свет монография Ф. А. Козубовського «Археологічні дослідження на території Богесу» — фактически это печатный отчет экспедиции (НА ИА НАНУ. Ф. ВУАК. Д. 493-а. Л. 9; Козубовський 1933).

Из-за погрома украинской археологической науки и физического истребления самих археологов материалы по исследованиям Гарда не были должным образом опубликованы; изданный в 1933 г. отчет экспедиции является далеко не полным и, кроме того, содержит ошибки. Погибло и большинство материалов, чертежи и фотографии. Долгое время об исследовании Гарда нигде не упоминалось, а его материалы не использовались.

В 1949 г. В. Н. Даниленко, возглавив Бугскую экспедицию АН Украины, возобновил исследования Гарда, в ходе которых заложил траншею размером 1×10 м и провел сборы материалов на поверхности в береговой части поселения (Даниленко 1969: 140). Судя по коллекционной описи, в траншее было обнаружено 205 предметов; еще 75 предметов собрано на поверхности (материалы хранятся в фондах Института археологии, коллекционный №144).

Во всех своих хронологических построениях В. Н. Даниленко относил неолитический слой Гарда к поздней, савранской фазе БДК (Даниленко 1957: 48; 1969: 139—142), несмотря на найденные на поселении карандашевидные нуклеусы и вкладыши кукрекского типа (Даниленко 1969: 140), которые он, однако, не выделял из числа позднего неолитических изделий. И действительно, известная в то время буго-днестровская керамика и абсолютное большинство кремневого инвентаря из Гарда датируются именно поздним, савранским периодом БДК. Отдельные находки кремневых изделий кукрекского типа этого поселения отмечали и другие исследователи (Товкайло 2003: 197; 2005: 27, рис. 33: 9; Гаскевич 2005: 35). Поскольку до последнего времени на Гарде ранне-неолитическая керамика не была известна, поздним периодом БДК датировал это поселение в своих работах и автор настоящей статьи (Товкайло 2003; 2005).

В 1980 г. началось систематическое исследование первобытных памятников Степного Побужья Николаевской новостроечной экспедицией Института археологии АН УССР, возглавляемой О. Г. Шапошниковой. Эти работы проводились в связи со строительством энергокомплеса Южно-Украинской АЭС и сооружением водохранилищ на Южном Буге и его притоке — Ташлык. Еще в ходе разведочных работ 1980 г., которыми был открыт ряд поселений, относящихся к различным археологическим периодам, Николаевская экспедиция обследовала поселение Гард и собрала на его поверхности коллекцию материалов неолитического времени, состоящую из 212 кремневых изделий (табл. 1) и небольшого количества керамики (Товкайло 2003; 2005). В течение 1981—1988 гг. в урочище Гард и вокруг него экспедиция провела исследования многослойных поселений, в их числе позднего неолитических памятников Великий Остров (укр. Великий Острів), Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4, Клепана Балка, Ташлык 2, Ташлык 3, большую часть которых исследовал автор. В процессе этих работ, в 1985 г., автор также

произвел шурфование поселения Гард и сбор материалов на поверхности (Товкайло 2003; 2005). Неолитические материалы упомянутых поселений стали предметом диссертационного, а позже и монографического исследований автора, посвященных неолиту Степного Побужья (Товкайло 2005). В этих работах неолитические материалы Гарда, при отсутствии в то время раннеолитической керамики, вслед за В.Н. Даниленко были отнесены к позднему периоду БДК (Товкайло 2005: 36).

В 2006 г. Николаевская экспедиция Института археологии, возглавляемая В.Н. Фоменко, возобновила раскопки поселения Гард в его прибрежной части, на так называемом «Гардовом клине» (работы автора). Возобновление раскопок было связано с поднятием весной 2006 г. уровня воды в Александровском водохранилище, в результате чего вода достигла подножия террасы, на которой расположено поселение и могильник Гард. Раскоп площадью 36 м², заложенный в северо-восточном конце террасы, принес неожиданные результаты, так как в нижней части культурного слоя было обнаружено несколько обломков раннеолитической керамики, ранние формы трапеций и кремневые изделия кукрекского типа. И хотя соотношение этой керамики с группой кремневых изделий кукрекского типа оставалось неясным, новые исследования позволили отойти от сложившегося представления о датировке неолитических материалов Гарда исключительно поздним неолитом и выделить на поселении раннеолитический горизонт (Товкайло 2008: 151).

В последующие 2007—2009 гг. работы были продолжены в юго-восточной и частично в центральной части террасы, где, кроме позднеолитического, был обнаружен мощный раннеолитический слой с многочисленными очагами (Фоменко и др. 2007; 2009а; 2009б). Как показали исследования, нижний слой характеризуется залеганием двух групп раннеолитической буго-днестровской керамики с выразительными чертами культуры Старчево-Криш и кремневым инвентарем смешанного кукрекско-гребениковского типа, подтверждающего участие носителей кукрекской и гребениковской культур в процессе неолитизации Побужья (Товкайло 2010: 213).

Дальнейшие исследования Гарда 2010—2011 гг., с одной стороны, подтвердили предыдущие выводы по стратиграфии и культурной атрибуции поселения, а с другой — дали новые результаты. Особенно важными оказались стратиграфические данные поселения в центральной части террасы. Значительно возрос объем материалов эпохи неолита. Едва ли

не важнейшим достижением исследований 2011 г. было открытие, впервые на Южном Буге, могильника мариупольского типа, залегающего под культурным слоем эпохи раннего неолита.

В течение 2006—2011 гг. мы исследовали 360 м² площади поселения. Около 120 м² было раскопано предшественниками. Общая исследованная площадь Гарда составляет, таким образом, около 480 м².

Итак, новые раскопки Гарда кардинально изменили наше представление об этом памятнике. По этим данным, неолитический памятник Гард представляет собой двухслойное поселение с материалами буго-днестровской культуры раннего и позднего периодов. По полноте и уровню исследования, объему добытых материалов, отражающих исторические процессы в течение эпохи неолита, Гард занимает ведущее место среди неолитических памятников Южной Украины. Исследования, проведенные в последнее десятилетие, дали богатейший материал, который позволяет по-новому взглянуть и на процессы неолитизации Побужья, Среднего Поднестровья и Северо-Западного Причерноморья.

2. Расположение, топография и стратиграфия, объекты

Многослойное поселение и могильник Гард находятся на правом берегу р. Южный Буг, на расстоянии в 2,5 км южнее с. Богдановка Доманевского района Николаевской области, напротив Клепаного (Гардового) острова, которым завершается один из крупнейших на Южном Буге порогов, и скалы Пугач, образующих как бы ворота в Гард. Памятник расположен в нижней части клиновидного склона, ограниченного двумя байрачными балками с ручьями, на краю террасовидного уступа правого берега реки, высотой 4—14 м над летним уровнем воды. Частично подмытый рекой уступ имеет вид наклонной к берегу (около 7°) площадки, длина которой от берегового края к подножию скалы около 75 м, ширина в средней части — 65 м. Поверхность террасы задернована.

Современные жители села Богдановка называют это место Сокури, с ударением на последнем слоге. В отчете Богосовской экспедиции одна из балок имеет названия Осогорова, а также Гардова. Авторы отчета предоставили новооткрытому поселению имя «Гард», хотя именно урочище Гард находится немного выше по Бугу и связывается с местоположением Старого, или Казацкого гарда (укр. Козацькій гард), находившегося напротив се-

верного конца Клепаного (Гардового) острова (Товкайло 2003).

В 2008 г. сотрудники Института географии НАН Украины — заведующий отделом палеогеографии, доктор географических наук Ж.Н. Матвишина и научный сотрудник С.П. Дорошкевич — провели в археологических разрезах южной части поселения педологические исследования голоценовых отложений, включающие подробное макроморфологическое описание голоценовых почв и микроморфологический анализ шлифов грунта с ненарушенной структурой. По их выводам, терраса сложена из трех голоценовых почв, нижний из которых составлен на аллювиальных отложениях надпойменной террасы (рис. 1). Далее приводим описание отложений по результатам работ этих исследователей. Археологический возраст отложений определен автором.

1. Верхний голоценовый грунт (0—0,28 м) — дерновый грунт на песчаных отложениях с генетическими горизонтами Н_д, Н, Pal, светло-серого и серого цвета, в верхней части задернованный, в нижней залегает слой мелкозернистого песка. Представлен маломощным слоем современного дернового легкосуглинистого грунта, сформированного на супесчаных делювиальных отложениях балки. Незначительная мощность профиля объясняется крутизной склона балки и постоянным поверхностным смывом материала. Он содержит отдельные материалы современности.

2. Второй голоценовый грунт (0,28—1,5 м) — дерново-луговой грунт, серая, темно-серая супесь (темная сверху, бодем светлая внизу), слоистый. Сверху вниз прослеживаются генетические горизонты Н, Н_р, Ph, P(h), Pgl. Переход между горизонтами постепенный. Этот грунт формировался на протяжении долгого временного интервала, а отдельные его генетические горизонты содержат остатки находок разновременных культур. В частности, в верхней части горизонта Н (0,28—0,6 м), который характеризуется как темно-серая неоднородная супесь, зернисто-комковатая, с обломками гранита, гравием и дресвой, с большим количеством остатков корешков и червоточинами, наполненными темным грунтовым материалом, залегают материалы XVII—XIX вв. и античного времени. С поверхности этого горизонта также была выкопана полуземлянка и погребальные ямы могильника, датированные концом XVIII — первой половиной XIX вв.

В горизонте Н_р (0,6—0,8 м) — коричневатосерая, рыхлая комковато-зернистая супесь

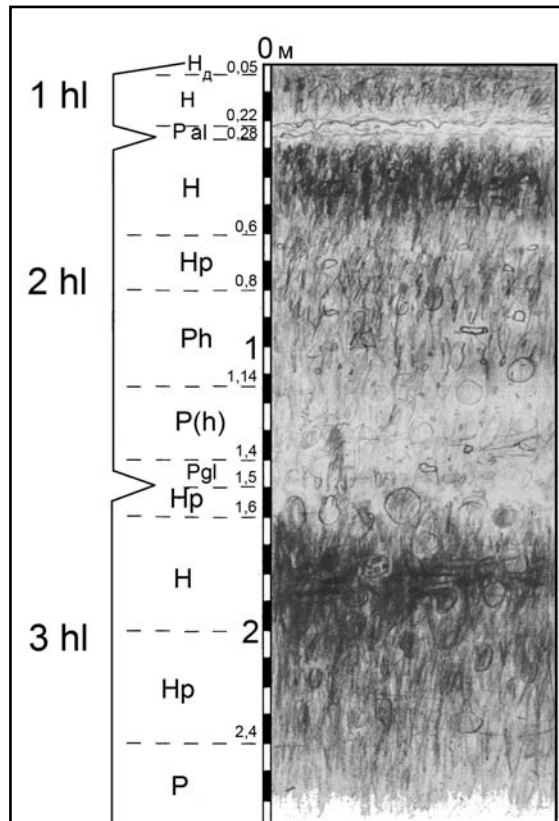

Рис. 1. Гард. Стратиграфический разрез (рисунок Ж.Н. Матвишиной).

Fig. 1. Gard. Stratigraphic section (drawing by Zh. Matviishina).

с включением обломков гранитов и дресвы — залегают материалы эпохи бронзы (катакомбная, бабинская и сабашиновская культуры). В северной части террасы, на месте расположения могильника усатовского типа, этот горизонт достигает толщины до 0,3 м, вероятно, за счет погребальных сооружений этого могильника и возможных грунтовых насыпей над отдельными захоронениями.

В верхней части горизонта Ph (0,8—1,14 м), который характеризуется как светло-серый (значительно светлее предыдущего), горизонтально-слоистый, комковатый песоко-супесь с включениями большого количества обломков гранита размером 1—5 см и дресвой, с многочисленными светлыми червоточинами, залегают материалы эпохи энеолита (культуры Триполье этапов B1, B2, C1, C2 и Средний Стог 2), в нижней — материалы эпохи позднего неолита — раннего энеолита (буго-днестровская культура и Триполье А).

Следующий горизонт P(h) (1,14—1,4 м) определен как буровато-светло-серый комковато-рассыпчатый, слоистый песок-супесь с отдельными крупными обломками гранита и дресвы. Под ним залегает горизонт Pgl

(1,4—1,5 м) — в сухом состоянии грязно-белесая, в свежем состоянии желтовато-светло-серая, рыхлая, комковато-рассыпчатая супесь, с червоточинами и отдельными обломками гранитов и дресвы. Это горизонт застоя вод и частичного оглеения. Переход постепенный, четко прослеживается в сухом состоянии.

Как показали дальнейшие раскопки поселения в 2009—2011 гг. на центральной части террасы, последние два горизонта выглядят очень выразительно, в целом достигая здесь толщины до 0,45—0,5 м. В направлении берегового края террасы они утончаются, а еще ближе к берегу — выклиниваются совсем. Мои наблюдения показали, что при формировании горизонтов P(h) и Pgl терраса не была заселена людьми. Однако эти грунтовые отложения не являются стерильными в археологическом отношении, поскольку в них в большом количестве встречаются находки керамики и кремня, проникших сюда из верхних культурных слоев по многочисленным норам грызунов. Подтверждением в пользу незаселенности террасы при формировании этих грунтовых отложений является отсутствие следов гумусации и артефактов культурного слоя в местах, где породы не были повреждены ходами грызунов. Итак, горизонты P(h) и Pgl, залегающие в нижней части второго голоценового грунта, разделяют культурные наслоения эпохи позднего и раннего неолита. По заключению исследователей, второй голоценовый грунт, сформировавшийся на супесчаном материале, относится к щелочно-дерновым.

3. Третий голоценовый грунт (1,5—2,7 м) — грунт с генетическими горизонтами Hр, H, Hр и P. В отложениях присутствуют остроугольные обломки подстилающих пород.

Hр (1,5—1,6 м) — гумусовый горизонт, который переработан материнской породой залегающей выше почвы: буровато-серый слабо уплотненный песок с дресвой и обломками гранитов. По поверхности грунта прослежены слои с угольками. Переход постепенный.

H (1,6—2,0 м) — буровато-темно-серая, комковато-рассыпчатая супесь с корнями растений. В толще двух последних отложений залегают материалы раннего периода бугднестровской культуры, многочисленные очаги, вкрапления древесного угля, причем наибольшей интенсивностью отличается нижняя часть культурного слоя.

Hр (2,0—2,4 м) — желтовато-буровато-серая комковатая супесь с червоточинами и затеками гумуса. Переход постепенный.

В этом горизонте залегают захоронения обнаруженного в 2011 г. могильника мариупольского типа.

P (2,4—2,7 м) — серовато-желтовато-бурая рыхлая скрытнослоистая супесь. Это аллювий террасы, на котором и сформирован грунт. В целом, третий голоценовый грунт является переходным между дерновыми и луговыми — дерново-луговым.

Все эти отложения и составили наклонную в сторону реки террасу, но их угол наклона разный: генетические горизонты первого и три верхние горизонта второго (H, Hр и Ph) голоценовых грунтов залегают под углом около 7° к линии горизонта; нижние горизонты (P(h) и Pgl) второго голоценового грунта в центральной части террасы имеют толщину до 0,5 м, в направлении береговой линии они выклиниваются; горизонты третьего голоценового грунта залегают под углом 3—4°.

Подытоживая стратиграфический очерк, отмечу, прежде всего, что в центральной части террасы на основе прямой стратиграфии удалось разделить отдельные культурные слои ранней и поздней поры неолита. Первый из них залегают в верхней части третьего голоценового грунта, второй в средней части второго голоценового грунта. Зато в прибрежной части террасы культурные слои ранней и поздней поры неолита залегают друг на друге. Поэтому здесь кремневые изделия эпохи неолита получены без формального разделения на ранне- и поздненеолитические. Конкретная принадлежность к ранне- и поздненеолитическому или поздненеолитическому периодам тех или иных изделий, кроме стратиграфических данных, установлена на основе типологии.

Несмотря на достаточно четкую стратиграфию литологических слоев и связанных с ними культурных наслоений, имеем некоторое смешивание разнокультурных и разновременных материалов. Преимущественно прослеживается «проваливание» в нижние литологические слои более поздних материалов, которые в стратиграфическом отношении залегают выше, и реже — наоборот. Это касается преимущественно мелких фрагментов керамики и мелких кремней. В частности, за редким исключением, не зафиксировано перемещения ранне-неолитической керамики в верхние слои почвы.

Распыление находок по вертикали обусловлено несколькими факторами, среди которых не последнюю роль играют причины, связанные с природными процессами, и прежде всего с деятельностью землеройных животных, чьи многочисленные норы, а также скелеты самих животных, прослеже-

Таблица 1.

Сводная типолого-статистическая таблица сохранившихся кремневых изделий раннеолитического (1) и позднеолитического (2) слоев за 1931, 1949, 1980, 1985, 2006—2011 годы исследований

Номенклатура изделий	1931	1949	1980	1985	2006—2011	Всего
Нуклеусы: карандашевидные	2	1			23	26
конические	4	1		1	65	71
призматические	1			1	31	33
плоские и сплюсненные	1				59	60
аморфные	3		1		34	38
дисковидные					12	12
Обломки нуклеусов	8	2	1		69	80
Нуклевидные обломки	4	3	1		37	45
Пластины, их обломки, сечения	88	41	33	30	5212	5404
Микропластины, их обломки, сечения	16	5	2	5	885	913
Отщепы и обломки кремня	547	108	146	111	12575	13487
Изделия с ретушью						
Кукрекские вкладыши	4				48	52
Абузовские остря					1	1
Фатьма-Кобинские остря					3	3
Пластинки с притупленным краем					15	15
Трапеции	1				86	87
Трапеции со строганой спинкой					21	21
Параллелограммы					16	16
Прямоугольники				1	3	4
Пластины со скошенным концом				1	32	33
Пластины с прямосрезанным концом					2	2
Микрорезцы					3	3
Сверла, проколки и развертки	4		1	1	139	145
Скребки на отщепах: округлые высокие					4	4
округлые обычные	4	2			92	92
подокруглые	15	4	2	3	313	337
стрельчатые	1	3	2	4	107	117
концевые	3	3	2	4	157	169
боковые	21	12	5	9	912	959
неустоявшейся формы, обломки скребков	13	2	4	16	394	429
Скребки концевые на пластинах	2				36	38
Резцы	5		2	2	26	35
Ножевидные пластины и микропластины с ретушью	95	8	3	5	1129	1240
Отщепы с ретушью	29	8	3	6	387	433
Пластины с выемками	1	1	4		69	75
Ретушеры	2				5	7
Всего	874	204	212	200	23002	24492

ны по всей площади раскопа. Такие норы, диаметром в 0,1—0,12 м, пронизывают всю толщу голоценовых отложений. Допускаем перемещение материалов и по склону террасы водными потоками, но оно менее выражено. Другими причинами нарушения стратиграфии и перемещения материалов были хозяйственная деятельность поселенцев и расположение на площади поселения могильни-

ков эпохи энеолита и позднего средневековья. Поэтому при культурном разделении добытых материалов, кроме данных стратиграфии, применен и типологический метод.

За все время раскопок на поселении добыто огромное количество разнообразных материалов, из которых материалы раскопок 1930 г. считаются утерянными. Из сохранившихся материалов самыми массовыми являются

кремневые изделия (24492 единицы), которые отражены в сводной типолого-статистической таблице 1. В эту таблицу не включены изделия с двусторонней сплошной ретушью (наконечники стрел, копий и дротиков, большинство которых относится уже к энеолиту).

3. Раннеолитический культурный слой

Раннеолитический культурный слой залегает в двух верхних генетических горизонтах третьей голоценовой почвы на различной глубине: от 1,5 до 2,0 м в центральной части и 0,9—1,2 м в прибрежной части террасы. Наибольшей интенсивностью отличается нижняя часть культурного слоя.

В культурном слое исследованы остатки 27 очагов, залегающих на разных глубинах и отражающих разные этапы существования поселения. На фоне почвы они выделяются красной или светло-коричневой окраской и комковатой структурой спекшейся почвы. По форме они бывают округлыми, диаметром в 0,2—0,4 м, или овальными, с размерами в 0,3—0,85×0,4—0,5 м. В зависимости от уровня температуры грунт бывает слабо прокаленным на глубину до 5—7 см, тогда он имеет красный цвет, при действии высоких температур почва спекается и образует в верхней части печину толщиной до 8 см, сверху белого или серого, а снизу ярко-красного цвета, при этом толщина линзы очага может достигать 0,1—0,15 м. В нескольких случаях вокруг очагов прослежены вкопанные на торец или положенные плашмя группы камней, которые могли использоваться для сидения.

3.1. Кремневые изделия

Для характеристики кремневых изделий раннеолитического времени ценную информацию дают материалы, обнаруженные в западной части раскопа, где на основе данных стратиграфии удалось выделить раннеолитический и позднеолитический культурные слои. По этим данным к раннеолитическому периоду отнесены кремневые изделия, залегающие в толще двух верхних генетических горизонтов третьего голоценового грунта, за исключением отдельных изделий, попавших из верхних культурных слоев, которые удалось вычленивать типологически.

Сырьем для их изготовления послужил местный кремний невысокого качества, однотипный, с различными оттенками, цветовая гамма которого колеблется от темно-серого до светло-серого, розового и красного

цветов с белесыми вкраплениями, проявляющимися в большей или меньшей степени. Довольно много кремня (как заготовки, так и готовые орудия) пережжено в огне, после чего он приобретает светло-серый или молочный цвет, растрескивается и вылущивается. Встречаются также находки сильнопатинированных пластинчатых сколов позднеолитического облика, очевидно, занесенных из расположенного где-то поблизости позднеолитического местонахождения.

Подавляющее большинство нуклеусов имеет небольшие (3—5 см) размеры. Среди них выделяются конические с круговой огранкой или с односторонним скалыванием, обратная сторона которых сохраняет желвачную корку или обработана поперечными сколами (рис. 2: 1—9). Некоторые из них использовались в качестве отбойников, свидетельством чего являются забитые и залощенные конусная вершина и боковые грани ударной площадки. Карандашевидные нуклеусы представляют собой крайнюю степень износа конических нуклеусов (рис. 2: 10—18). Призматические и неправильнопризматические нуклеусы одноплощадочные, прямо- и косоплощадочные, с круговой огранкой и односторонние (рис. 3: 1—4). Производными от них являются плоские и уплощенные нуклеусы. Они использовались для изготовления широких призматических пластинок прямого профиля, поэтому имеют фронтальное скалывание. Они преимущественно одноплощадочные (рис. 3: 5—13), хотя встречаются и двухплощадочные. Тыльная сторона покрыта желвачной коркой или обработана поперечными сколами. Присутствуют дискообразные (рис. 2: 19—21) и аморфные нуклеусы с двумя или тремя смежными плоскостями и разнонаправленным скалыванием отщепов. Один из нуклеусов кубовидный по форме. Многие нуклеусы найдены в обломках. Изделия, отдаленно напоминающие нуклеусы, отнесены к группе нуклеидных обломков.

Среди сколов в коллекции преобладают отщепы. Пластинчатые сколы разделены на две категории: пластинки и микропластинки. К первой из них отнесены сколы шириной 0,9 см и больше, ко второй — шириной менее 0,9 см. Пластинки преимущественно правильно огранные, с параллельными краями, трапециевидные и треугольные в сечении. Большинство из них найдено в обломках.

Обращаясь к характеристике изделий со вторичной обработкой отметим, что большинство из них изготовлено на отщепках.

Микролиты геометрических форм представлены трапециями (рис. 4: 14—63) и па-

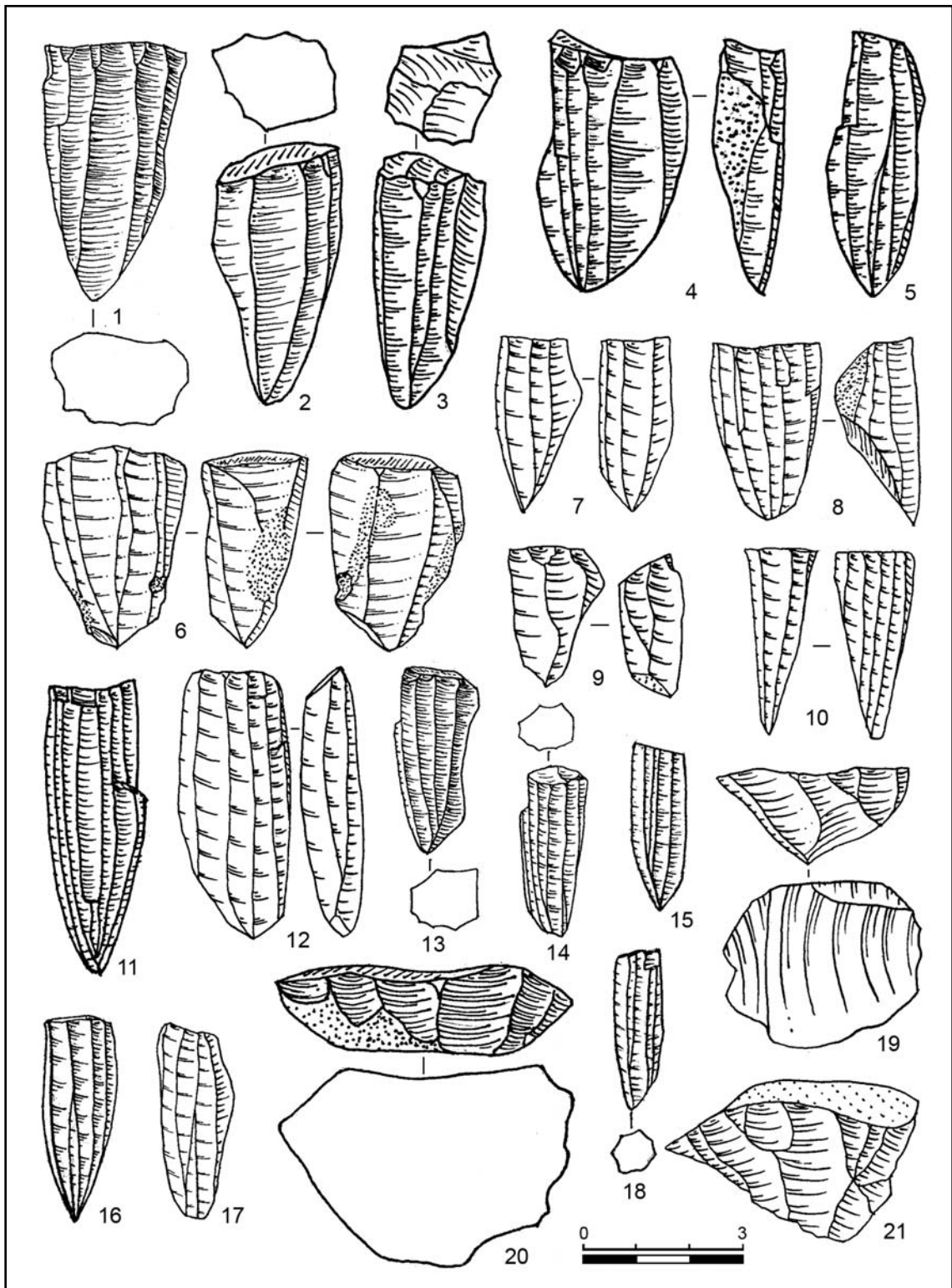

Рис. 2. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Нуклеусы.

Fig. 2. Gard. Early Neolithic layer. Cores.

раллелограммами (рис. 4: 64—70). Среди трапеций преобладают средневисокие, симметричные, изготовленные из сечений пластинок шириной 0,9—1,5 см и оформленные крутой ретушью (рис. 4: 14—51). Меньшая часть

изделий имеет более пологую ретушь (рис. 4: 40, 43, 44, 51). Асимметричные изделия встречаются реже (рис. 4: 52—63). В отдельных случаях ретушью дополнительно обработаны нижняя или верхняя основы трапеций (рис. 4:

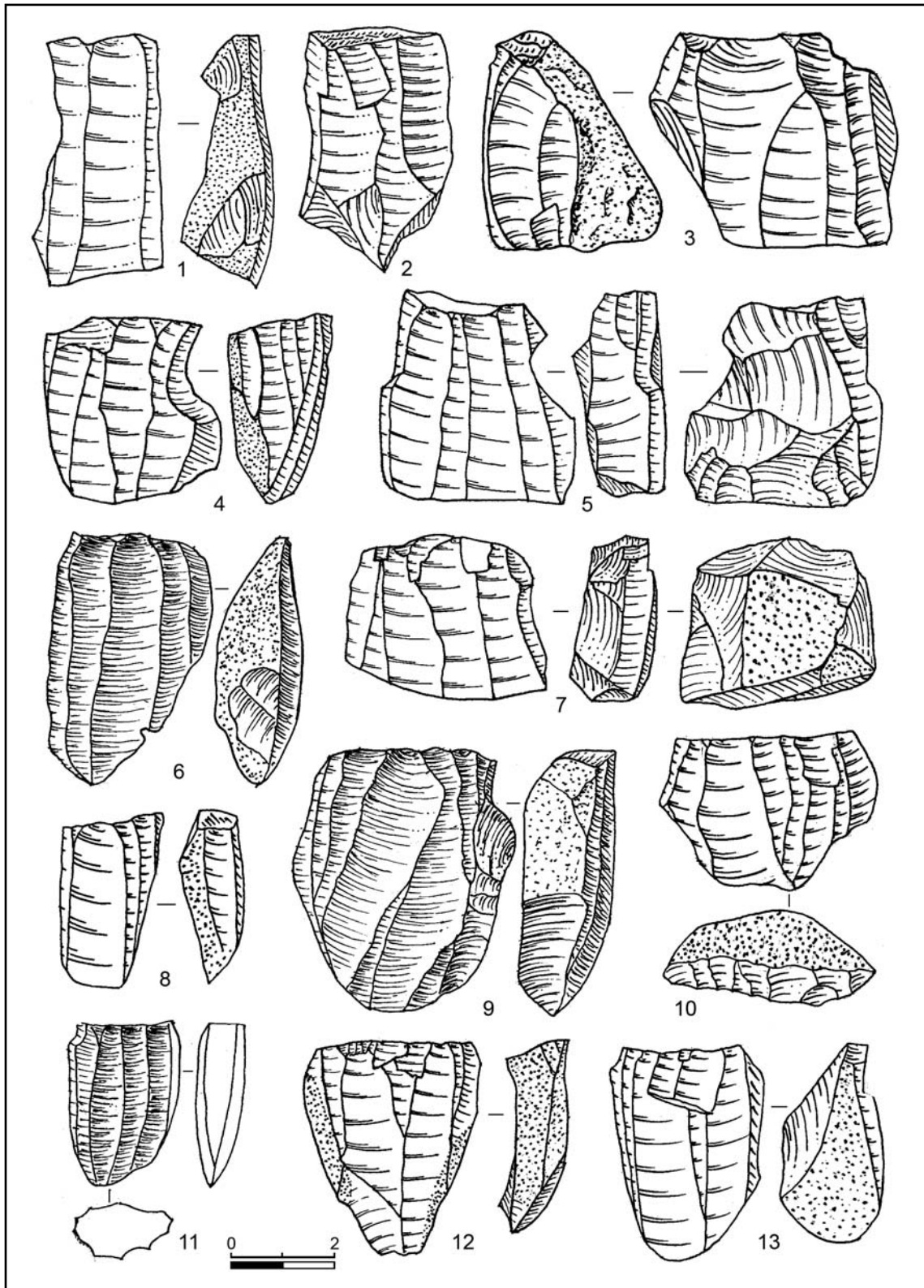

Рис. 3. Гард. Раннеолитический культурный слой. Нуклеусы.

Fig. 3. Gard. Early Neolithic layer. Cores.

23, 24, 51, 53, 58, 59). Три трапеции имеют низкие формы (рис. 4: 23, 35, 48). Одна трапеция с вогнутыми боками изготовлена из массивной пластинки и обработана достаточно поло-

гой ретушью со спинки и брюшка (рис. 4: 53). Часть изделий повреждена: это макросколы на верхней основе (рис. 4: 15, 41, 49) или обломанные углы (рис. 4: 19, 21, 34—36, 42).

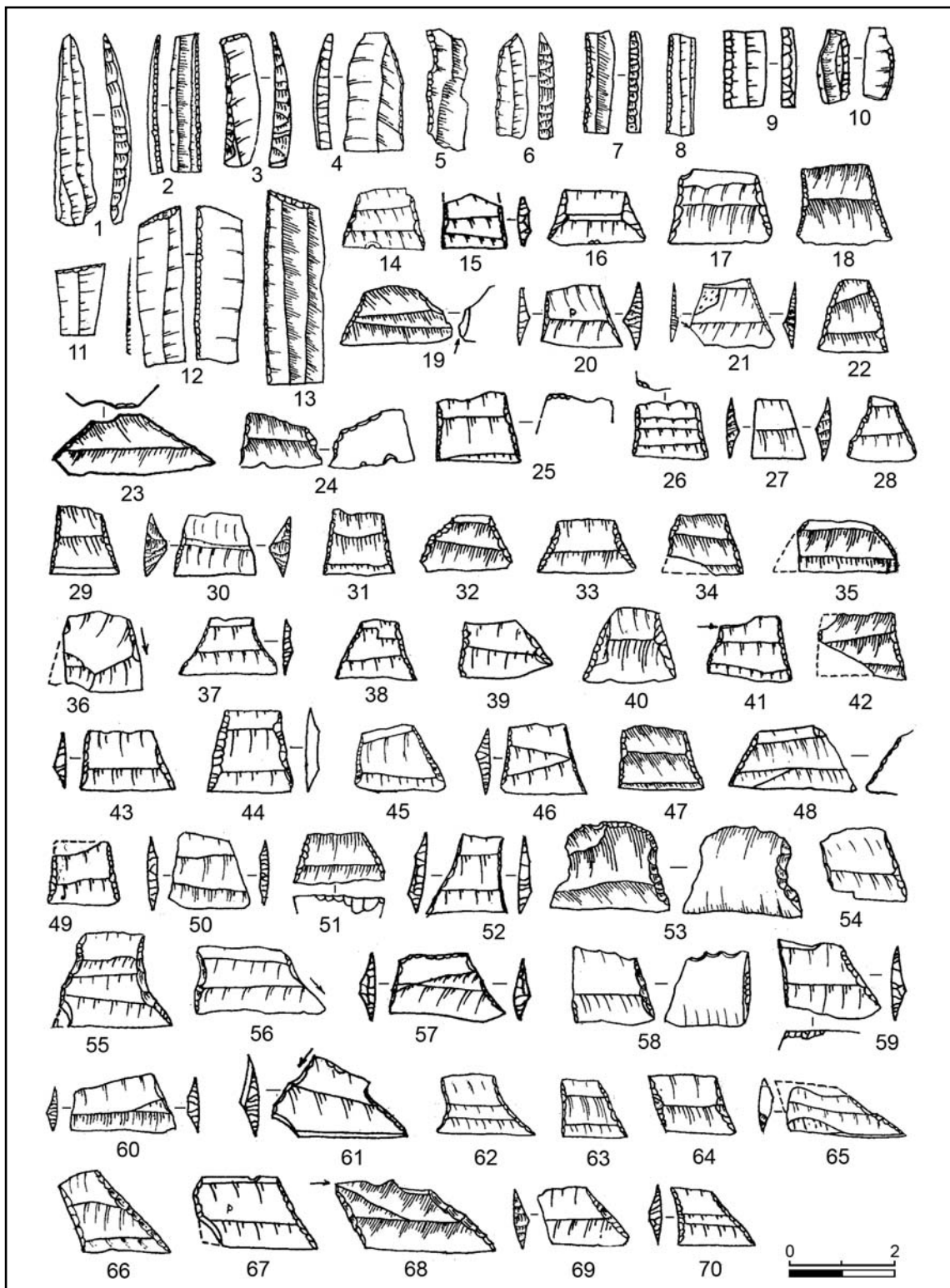

Рис. 4. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 4. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

Параллелограммы также оформлены крутой или полукрутой ретушью (рис. 4: 64—70).

Негеометрические микролиты представлены большой серией кукрекских вкладышей

(рис. 5), пластинками с притупленным краем (рис. 4: 2—5, 7—10), абузовскими (рис. 4: 1, 6) и фатьяма-кобинскими (рис. 4: 11—13) остриями и пластинками со скошенным или прямо-срезанным концом (рис. 6: 1—13), часть кото-

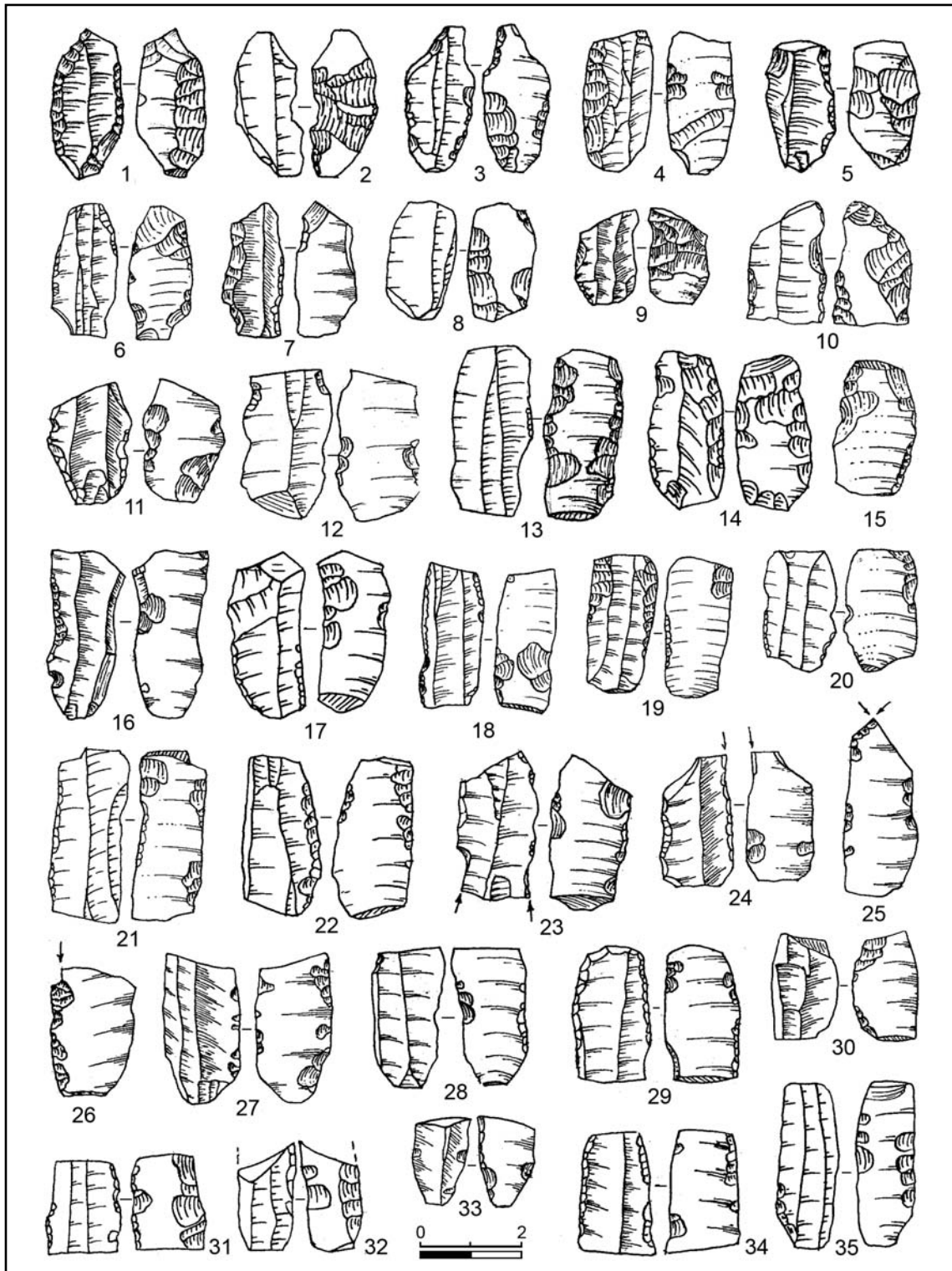

Рис. 5. Гард. Раннеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 5. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

рых, возможно, является заготовками или обломками трапеций.

Вероятно, в качестве вкладышей пазовых наконечников использовались и пластинки с вентральной ретушью, оформленные полукруглой ретушью, нанесенной с брюшка

по одному или обоим краям. Изготовленные из узких пластинок, они напоминают пластинки с притупленным краем.

Скребки — самая многочисленная категория орудий со вторичной обработкой. Абсолютное большинство из них изготов-

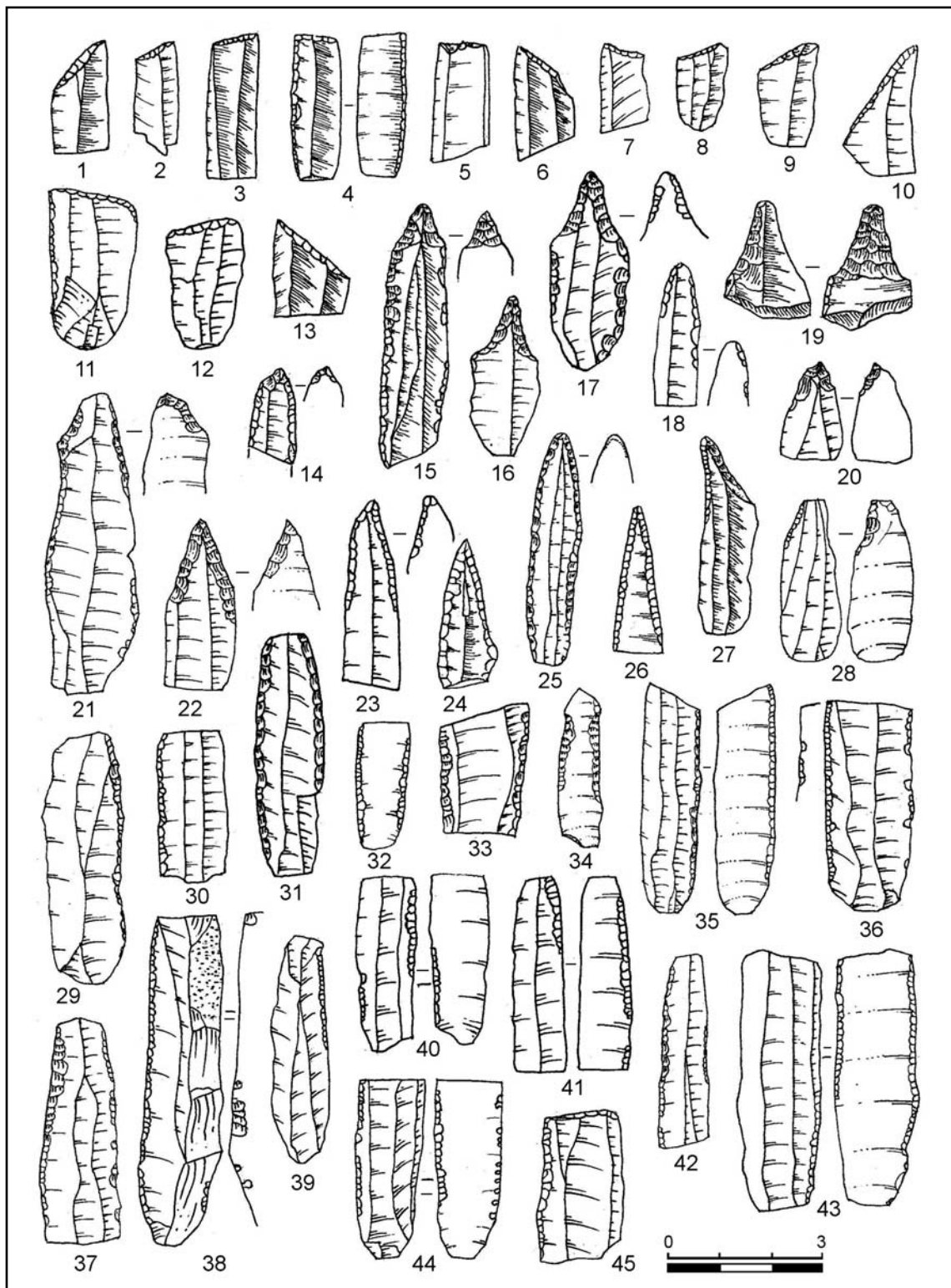

Рис. 6. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 6. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

лено на отщепах и пластинчатых отщепах и оформлено характерной скребковой ретушью, нанесенной, как правило, со стороны спинки. Изредка, при необходимости, рабочие лезвия этих орудий подтесывались

и со стороны брюшка. Среди скребков встречаются округлые высокие и обычные (рис. 7: 10, 15—19), подокруглые, в том числе и миниатюрные (рис. 7: 11—13, 20—22), стрельчатые (рис. 7: 23—26), концевые (рис. 7: 31,

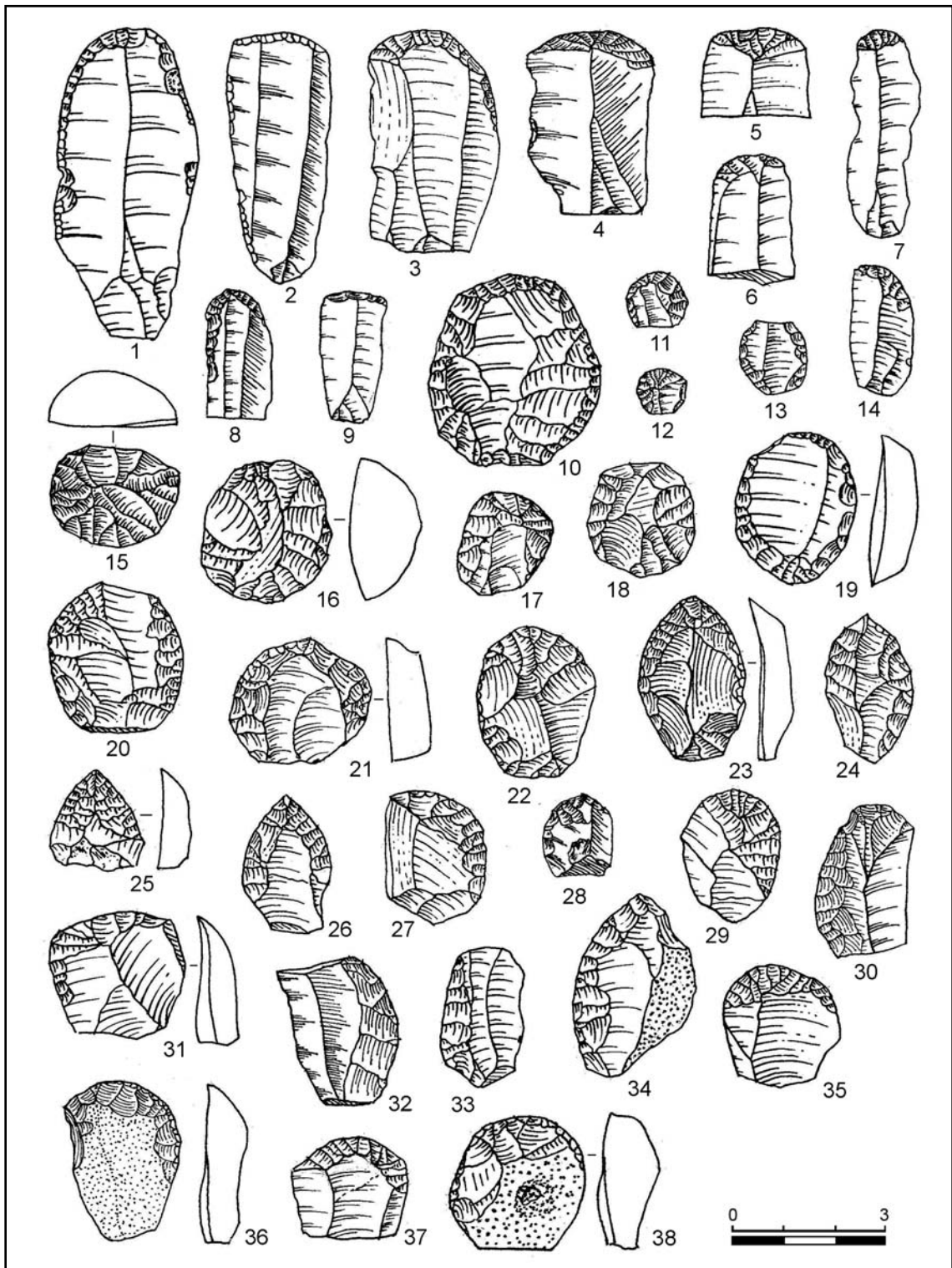

Рис. 7. Гард. Ранненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 7. Gard. Early Neolithic layer. Flint artifacts.

35—38) и боковые (рис. 7: 27—30, 32—34). Часть скребков изготовлена на отщеплах неустоявшейся формы, а многие орудия найдены в обломках.

Концевые скребки, изготовленные на пластинах, немногочисленны. В них скребко-

вой ретушью, нанесенной со спинки, оформлен закругленный конец пластинки, а на части орудий ретушь заходит на боковые края пластинок (рис. 7: 1—9, 14).

Выразительные серии составляют ножевидные пластины и микропластины с рету-

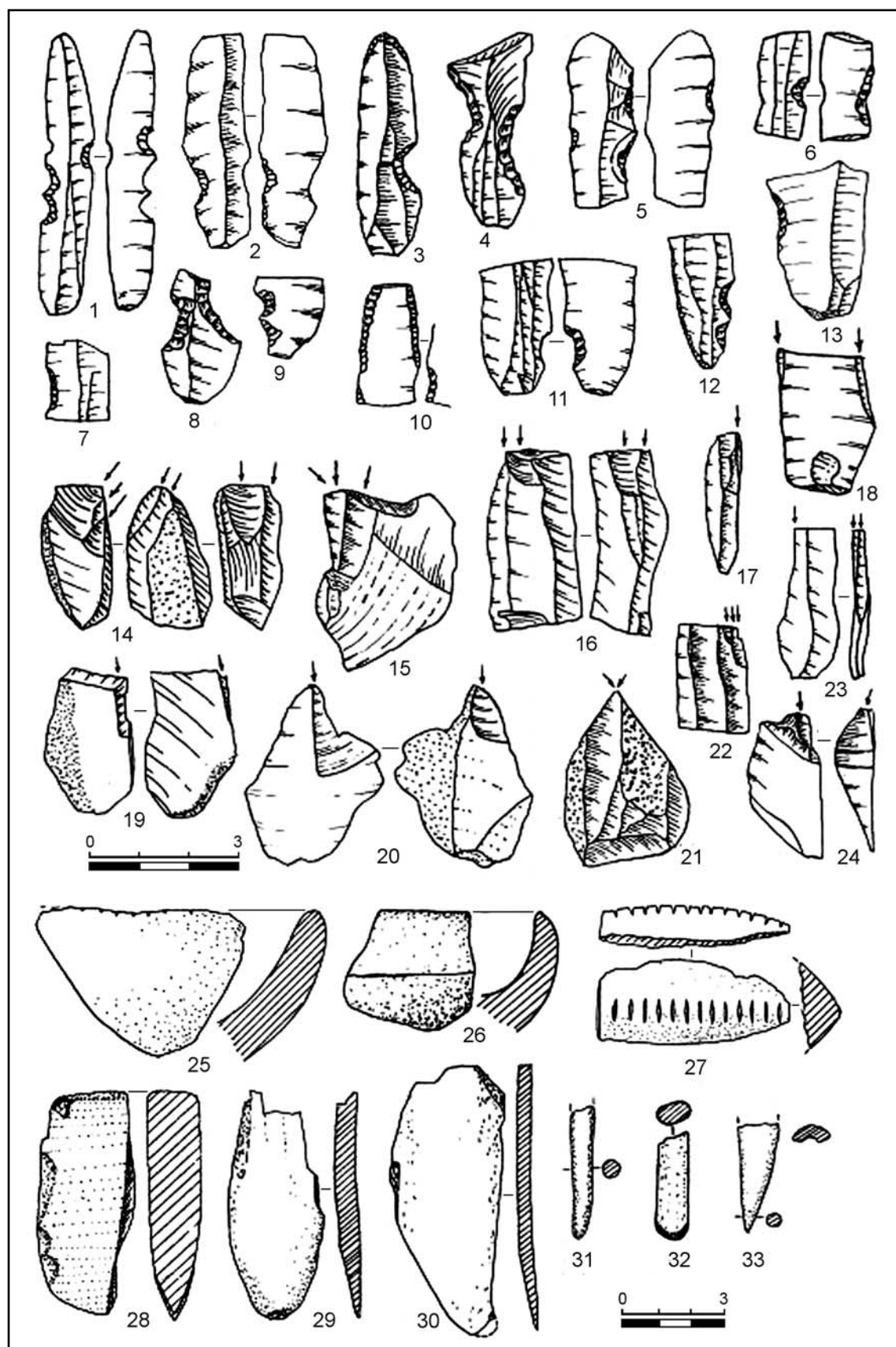

Рис. 8. Гард. Ранненеолитический культурный слой. 1—24 — кремневые изделия; 25—27 — обломки каменных сосудов; 28 — каменный топор; 29—33 — костяные изделия.

Fig. 8. Gard. Early Neolithic layer. 1—24 — flint artifacts; 25—27 — fragments of stone containers; 28 — stone axe; 29—33 — bone artifacts.

шью (рис. 6: 29—45), а также сверла, проколки и развертки (рис. 6: 14—28), абсолютное большинство которых изготовлено из пластин и редко — из отщепов. В части изделий невооруженным глазом видно зашлифованное жало. По способу оформления рабочего жала они делятся на несколько типов: с противоположащей ретушью (рис. 6: 21, 28), нанесенной со спинки (рис. 6: 16, 24, 25, 27) или брюшка (рис. 6: 26), со смежной ретушью (рис. 6: 14, 15, 17—20, 22, 23).

Пластинки с выемками (скобели) немногочисленны, но весьма разнообразны. Среди них изделия с одной, двумя или тремя отдельными выемками, нанесенными со спинки (рис. 8: 3, 4, 7, 8, 12, 13), с брюшка (рис. 8: 9—11), со спинки и брюшка (рис. 8: 1, 2, 5, 6).

Резцы немногочисленные и маловыразительные, среди них — угловые и боковые на пластинах (рис. 8: 17, 18, 22, 23), срединные и угловые на отщепах (рис. 8: 19—24) и отщеповые резцы кукрекского типа (рис. 8: 14, 15). Резцовые сколы имеют и некоторые кукрекские вкладыши (рис. 5: 23, 26).

Большую серию изделий составляют отщепы с ретушью.

В качестве отбойников и ретушеров использовались массивные пластины, сработанные нуклеусы или просто обломки кремневой гальки.

3.2. Изделия из других пород камня

Прежде всего, отметим уникальные для БДК находки двух обломков венчиков каменных сосудов неопределенных форм, изготовленных из мягкой породы. По округленному краю венчика одного из них нанесены поперечные насечки (рис. 8: 25). На другом сосуде венчик несколько заостренный (рис. 8: 26). Еще один ребристый обломок какого-то предмета с поперечными насечками (возможно, также сосуда) изготовлен из той же породы камня (рис. 8: 27). Широкое использование каменной посуды — характерная черта раннего периода сурской культуры (Телегин 1984; Тубольцев 2013). Находки каменной посуды на Гарде свидетельствуют о существовании контактов между раннеолитическим населением Степного Побужья и Надпорожья.

Наиболее распространенными среди изделий из других пород камня является гранитная речная галька округлой или овальной формы, размером от 2—3 до 14,5 см, которая использовалась, вероятно, в качестве отбойников. На торцевых краях этих орудий прослеживаются следы использования в виде забитостей и мелких сколов. Некоторые из них

расколоты на части. Встречаются также и плитковидные обломки гранитной породы толщиной от 1—1,5 до 4 см. Выявлен также обломок топора, изготовленный из глинистого песчаника (рис. 8: 28), и кусок сланца размером 7×6×2 см. Не исключено, что эти изделия могли попасть сюда из поздненеолитического культурного слоя.

3.3. Охра

Выявлено значительное количество кусков охры преимущественно вишневого цвета. В большинстве случаев они бесформенные, но есть два кусочка охры с несколькими сточенными гранями.

3.4. Изделия из кости

Со сколов больших трубчатых костей изготовлено два ложила, внешняя поверхность и острые сколы которых залощены (рис. 8: 29, 30), и две проколки с заостренными и зашлифованными концами (рис. 8: 31, 33). Найден также обломок тонкой кости со сточенным и закругленным концом (рис. 8: 32).

3.5. Буго-днестровская керамика

Выделены две технологические группы керамики. Количественное соотношение фрагментов керамики обеих групп и различных элементов орнамента выражено в таблице 2, разработанной на основе подсчета массовых материалов из раскопок 2006—2011 гг. Подавляющее большинство добытой керамики относится к *первой технологической группе*. Эта посуда изготовлена с примесью травы, песка и дресвы. Масса плотная. Наружная и внутренняя поверхности заглаженные, иногда подлощенные, темно-серого, серого, коричневого и красного цветов. В меньшей части посуды этой группы с внутренней стороны прослеживаются следы расчесов.

По форме выделяются сосуды с немного зауженными слабопрофилированными венчиками, край которых закругленный или прямосрезанный (рис. 10: 13; 12: 8; 11: 1) и горшки S-образного профиля (рис. 9: 9). Доньшки плоские (рис. 10: 14) или немного вогнутые (рис. 9: 21). В одном случае зафиксировано острое доньшко (рис. 9: 23).

В отделке посуды использовались линейный, накольчатый и зашипный элементы орнамента и вовсе отсутствуют отпечатки гребенчатого штампа. Количественное соотношение различных элементов орнамента и их сочетание отражено в таблице 2. Абсолютное

Таблица 2.

**Соотношение элементов орнамента по количеству фрагментов
разных групп ранне- и поздненеолитической буго-днестровской керамики
из раскопок 2006—2011 гг.**

Элементы орнамента	Ранне-неолитическая керамика		Поздне-неолитическая керамика				
	Группа 1	Группа 2	Группа 1			Группа 2	Группа 3
			1а	1б	1в		
Линейно-проглаженный	659	11	892	106	185	6	8
Гребенчатый			106	43	152	3	1
Накольчатый	40	2	73	57	45	4	8
Линейно-проглаженный и гребенчатый			17	5	11	14	47
Линейно-проглаженный и накольчатый	33	3	28	9	26	1	18
Гребенчатый и накольчатый				3	3		
Защипы	30						
Отпечатки края ракушки <i>Cardium</i>						7	
Без орнамента	410	10	826	121	263	173	
Всего фрагментов керамики	1172	26	1942	344	685	208	82

большинство из обнаруженной посуды орнаментировано исключительно проглаженными по сырой глине линиями — горизонтальными, вертикальными, косыми и волнистыми, которые, сочетаясь, образуют различные композиции, в том числе елочные (рис. 9: 1, 9, 16), паркетные (рис. 9: 22), диагональную сетку (рис. 9: 24) и другие. Орнамент также образует довольно сложные меандроволютовые композиции в виде заштрихованных зон, границы которых очерчены лентами, состоящими из наколов округлого штампа, чередующихся с неорнаментированными зонами (рис. 10: 13). Такие же наколы штампа есть и по срезу венчика (рис. 10: 13). Подобное композиционное решение известно по находкам посуды в нижних слоях Базькова Острова (укр. Базьків Острів), Митькова Острова (укр. Митьків Острів), Сокольцев (укр. Сокольці) 1 и Сокольцев 2 (Даниленко 1969: рис. 24: 1, 4, 6; 34: 1; 42: 1; 43: 1, 6; 47: 7; 63: 1; 66). Сочетание прямых и волнистых линий образует отдельные центры с размещением в них ромбов, обозначенных вертикальной чертой (рис. 11: 1). Подобный способ орнаментации находим в ранне-неолитической слое Сокольцев 2 (Даниленко 1969: рис. 41: 1). На одном из горшков орнамент образует композицию в виде вертикальных полос, состоящих из волнистых линий, дополненных в верхней части двумя рядами округлых наколов (рис. 11: 2).

Такие же сложные линейные композиции встречаем и на других сосудах из Гарда (рис. 9: 19, 20). В отделке посуды используется накольчатый орнамент, который образует ряды подтреугольных, подпрямоугольных или округлых оттисков, выполненных раз-

личными штампами по сырой глине (рис. 10: 1—7, 11). Довольно часто имеем сочетание линейного и накольчатого орнаментов (рис. 9: 8; 10: 8—10).

Часть посуды орнаментирована пальцевыми защипами или отпечатками ногтя, причем они могут образовывать как горизонтальные, так и вертикальные ряды (рис. 12: 1—7). Реконструирована верхняя часть горшка, орнаментированного горизонтальными рядами пальцевых защипов (рис. 12: 1), которые, судя по находке обломка придонной части (рис. 12: 7), вероятно, покрывали всю поверхность сосуда от венчика до дна.

Часть посуды дополнительно украшена рядами глубоких округлых ямок под венчиком (рис. 9: 2, 4, 6, 10, 14); иногда это сквозные отверстия (рис. 9: 1). Просверленные конусообразные отверстия (рис. 9: 12, 22), размещенные, как правило, в верхней части сосудов, являются результатом ремонта. Развал нижней части горшка с лощеной внешней поверхностью не орнаментирован (рис. 10: 14). Другие фрагменты лощеной керамики имеют схожие с описанными выше мотивы орнаментации.

Посуда второй группы изготовлена с примесью травы, песка и крупнотолченой ракушки. Наружная и внутренняя поверхности посуды заглаженные, часть керамики снаружи залощена. В орнаментации этой посуды использованы те же приемы и мотивы, в частности, линейно-ленточная композиция (рис. 12: 10, 11), елка (рис. 12: 8), округлые наколы (рис. 12: 9) или сочетания различных элементов (рис. 12: 12, 13).

Обе группы керамики принадлежат буго-днестровской культуре и относятся к ее

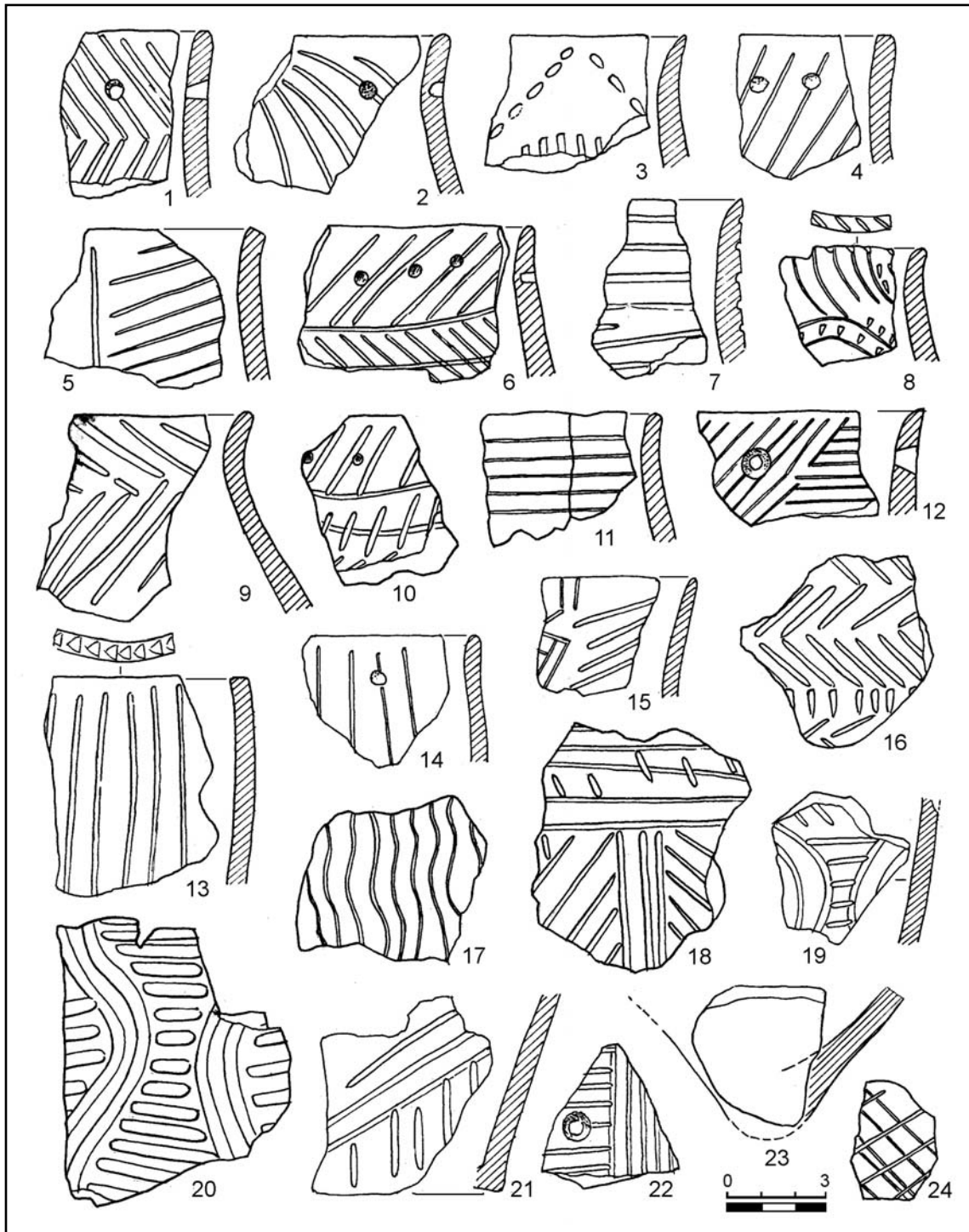

Рис. 9. Гард. Раннеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы.

Fig. 9. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group.

раннему периоду, характерными признаками которого являются, в частности, примеси крупнотолченой ракушки и грубой растительной примеси, залощенность внешней поверхности посуды, абсолютное преимущество линейно-проглаженного и отсутствие гребенчатого орнамента. По форме и орнаментации данная посуда сопоставляется с ке-

рамикой раннеолитических слоев поселений Южного Буга и Днестра, таких, как Базьков Остров, Митьков Остров, Сокольцы 2 и 6, Печера, Сороки 1, слой 1, горизонт б и Сороки 3. Эти памятники В.Н. Даниленко относил к скибинецкой, соколецкой и печерской фазам, В.И. Маркевич — ко второй и третьей фазам развития БДК Днестра.

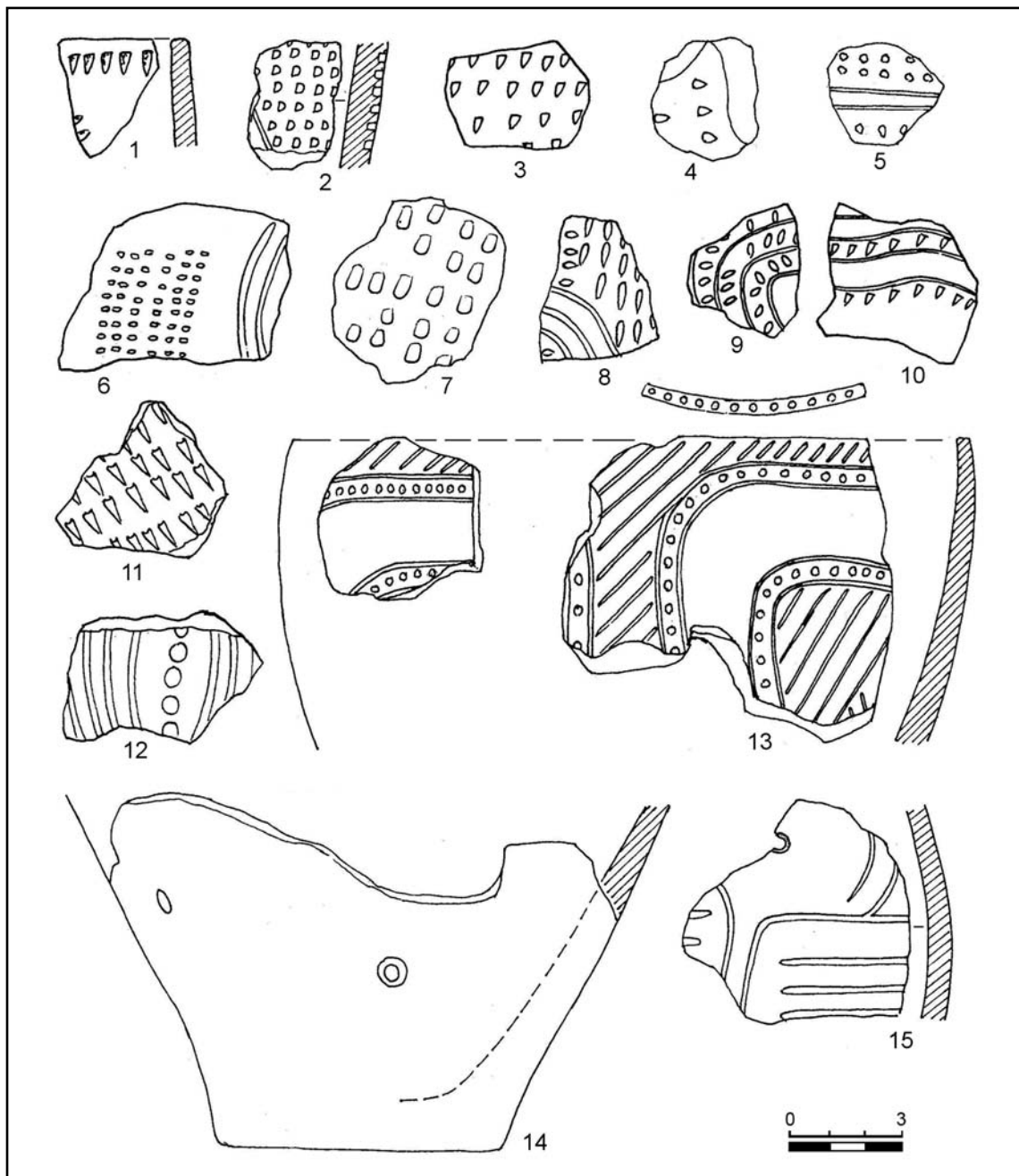

Рис. 10. Гард. Раннеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы.

Fig. 10. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group.

Определенные различия наблюдаются разве что в соотношении между обеими группами керамики и в отсутствии на Гарде импортной посуды культуры Криш.

3.6. Посуда культуры линейно-ленточной керамики

В верхней части раннеолитического слоя, но в том месте поселения, где культурные слои неолита не разделены грунтовыми горизонтами P(h) и Pgl, а залегают друг

на друге, обнаружена чаша КЛЛК. Она шаровидной формы с невыделенным венчиком и небольшим невыразительным доньшком, относится к столовой посуде, изготовлена из хорошо промешанной формовочной массы без видимых примесей. Поверхность посуды тщательно заглажена, пятнистая, серого и коричневого цветов. Орнамент углубленный, линейно-геометрический, дополненный углубленными ямками овальной формы («нотами»). Под венчиком нанесена сплошная горизонтальная линия, ниже которой дана ком-

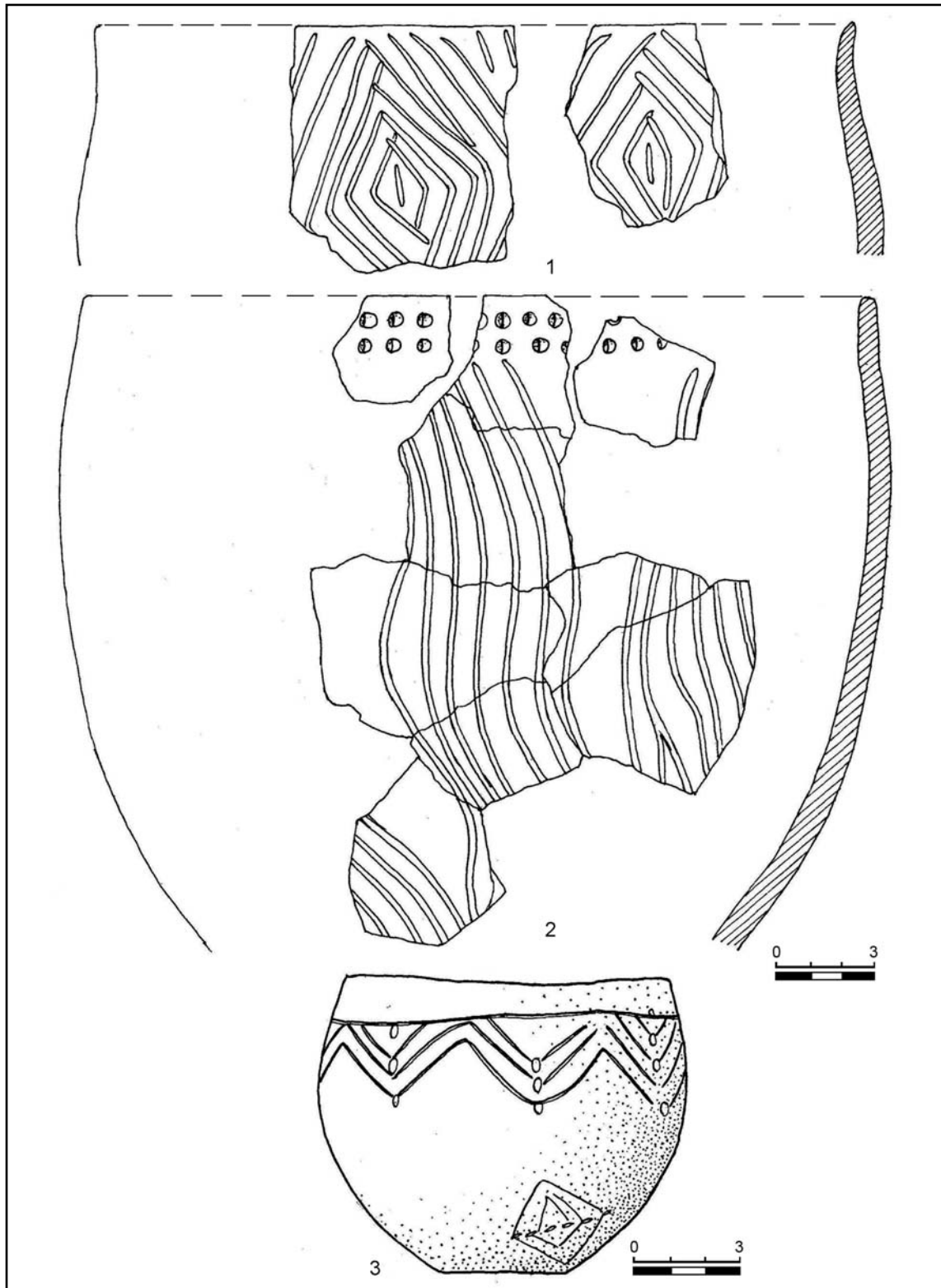

Рис. 11. Гард. Раннеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы (1, 2) и керамика КЛЛК (3).

Fig. 11. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group (1, 2) and LBK pottery (3).

позиция в виде непрерывного пояса из 3 или 4 простых, соединенных вершинами углов, вписанных друг в друга. Ямками обозначены горизонтальная линия и вершины углов.

Еще одна фигура из вписанных друг в друга ромбов, углы которых также обозначены ямками, нанесена на придонную часть чаши (рис. 11: 3).

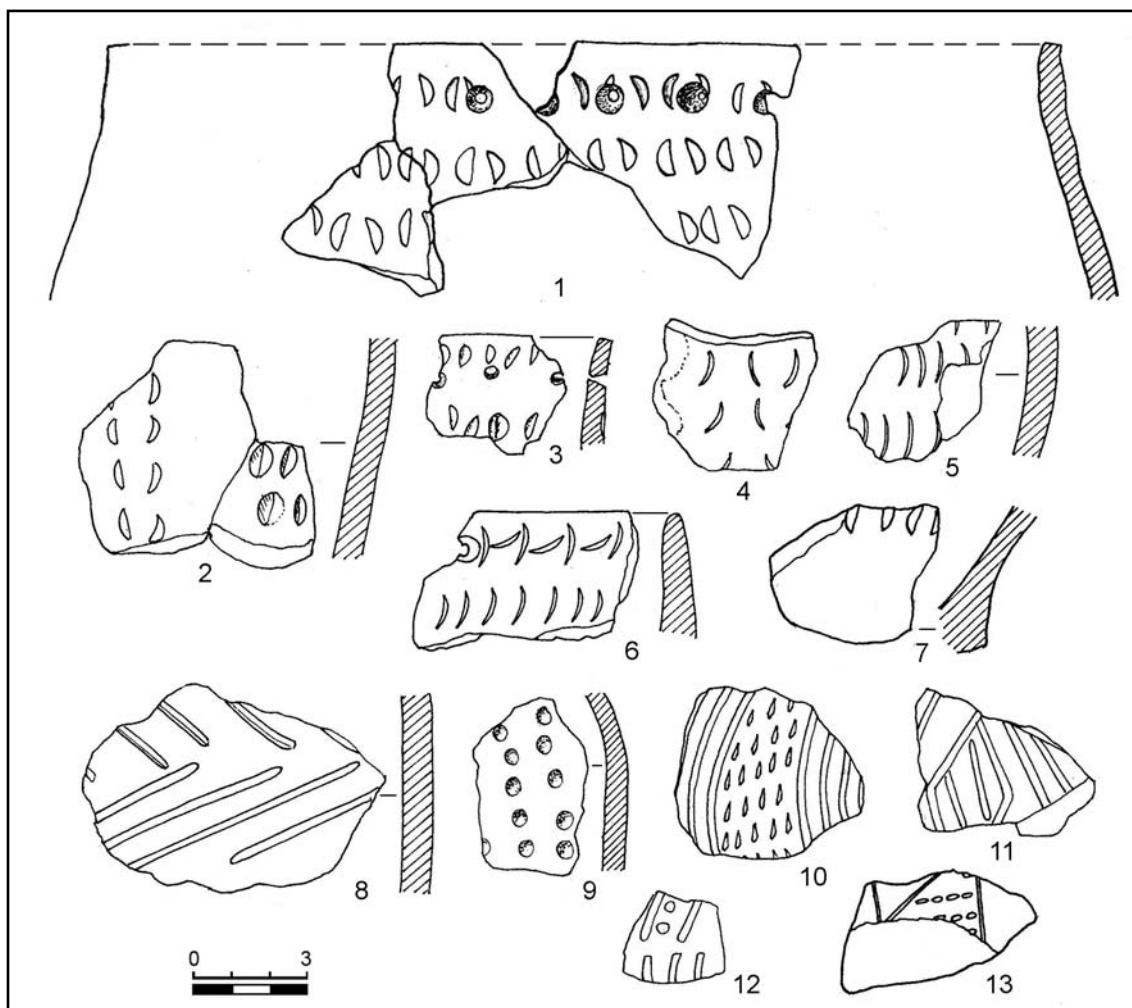

Рис. 12. Гард. Раннеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика 1-й группы (1—7); 2-й группы (8—13).

Fig. 12. Gard. Early Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1 group (1—7); pottery of 2 group (8—13).

Это единственная в Степном Побужье находка керамического импорта из области КЛЛК. Подобная посуда характерна для группы памятников типа Дэнчень, самой ранней в Пруто-Днестровском междуречье, определяющей первый этап освоения территории населением КЛЛК (Ларина 1999: 100). Нахождение такой керамики в верхней части раннеолитического слоя Гарда подтверждает мнение румынских археологов о доживании позднекришского населения Карпато-Поднестровья до начального этапа заселения этой территории общинами пришедшей КЛЛК, которые частично вытесняют, а частично ассимилируют местное население (Comşa 1987: 31; Marinescu-Bîlcu 1983: 122). В результате взаимодействий обеих этнических групп возникли взаимовлияния, что нашло отражение в кришской (Marinescu-Bîlcu 1983: 122) и линейно-ленточной керамике (Ursulescu 1984: 40). Кришское влияние в виде орнаментальных

рядов пальцево-ногтевых защипов прослеживается и на керамике ряда поселений Пруто-Днестровского междуречья: Флорешть I, Гура Каменчий VI, Сынжерей I и XI (Ларина 1999: 70, рис. 50: 14), но, как считает О.В. Ларина, этот орнамент пришел в КЛЛК опосредованно через культуру Винча-Турдаш (Ларина 1999: 99). Впрочем, возможно, мы имеем дело с нарушением стратиграфии неолитических слоев Гарда, поскольку все имеющиеся до сих пор данные позволяли сопоставлять КЛЛК с самчинской и савранской фазами БДК.

Итак, нижний культурный слой эпохи неолита характеризуется залеганием двух групп раннеолитической буго-днестровской керамики с выразительными чертами культуры Старчево-Криш и кремневого инвентаря смешанного кукрекско-гребениковского типа, свидетельствующего об участии носителей кукрекской и гребениковской культур в процессе неолитизации Побужья. Последний ха-

рактируется набором признаков, присущих как для памятников кукрекской культурной традиции, а именно, присутствием карандашевидных нуклеусов, кукрекских вкладышей, абузовских острий, пластинок с притупленным краем, отщеповых резцов с плоскими сколами, так и обязательным присутствием плоских или уплощенных призматических нуклеусов, симметричных трапеций и параллелограммов на средних пластинках, мелких ногтевидных скребков, которые присущи гребениковской культуре. Такое сочетание раннеолитической буго-днестровской керамики и кремня смешанного кукрекско-гребениковского типа обнаружено на всех раннеолитических памятниках Побужья с более-менее представительными коллекциями кремневого инвентаря. Это, прежде всего, Мельничная Круча (укр. Мельнична Круча), Печера (Даниленко 1969: 109, 116, рис. 76) и недавно открытая и полноценно исследованная группа стоянок Добрянка 1, 2 и 3 (Залізник 2002; 2005; Залізник, Манько 2004; Залізник, Товкайло, Журавльов 2005: 96—116, рис. 3—7; Залізник, Товкайло, Кухарчук 2005; Залізник, Товкайло 2007; Залізник, Товкайло, Степанчук, Ветров 2007; Залізник и др. 2013). Например, в Печере, ставшей эпонимным памятником, параллельно использовались уплощенные подпризматические и микролитические карандашевидные нуклеусы; серии кукрекских вкладышей и отщеповых резцов с плоскими сколами сочетаются с правильными трапециями, а скребки представлены как кукрекскими, так и гребениковскими формами (Залізник, Товкайло, Журавльов 2005: 102—103, рис. 8). На других раннеолитических поселениях Южного Буга, таких, как Базьков Остров и Гайворон-Полижок (укр. Гайворон-Поліжок) (Даниленко 1969: 66—69, 112, рис. 17; 21; 81), кукрекская составляющая представлена только кукрекскими вкладышами и карандашевидными нуклеусами, и опять же, здесь имеются симметричные трапеции и параллелограммы. Между тем, изделия кукрекского типа совсем не обнаружены в раннеолитических комплексах Сокольцев 1, 2 и 6, Митькова Острова и других памятников, но все они имеют немногочисленные коллекции кремневого инвентаря.

4. Позднеолитический культурный слой

Позднеолитический культурный слой залегает в средней части второго голоценового грунта на глубине 0,9—1,14 м от поверхности. В центральной части террасы он отделен

от раннеолитического культурного слоя двумя генетическими горизонтами. Характерной особенностью культурного слоя является совместное залегание материалов буго-днестровской культуры и Прекукутень III — Триполье А. Никаких жилых или хозяйственных объектов не зафиксировано.

4.1. Кремневые изделия

Сюда включены кремневые изделия, сформировавшиеся в течение позднего периода буго-днестровской культуры, включая материалы раннего Триполья, которые невозможно отделить от собственно буго-днестровских. Большинство из них обнаружено в толще нижней части литологического горизонта Ph, горизонтов P(h) и Pgl, а также нижних и верхних литологических горизонтов, куда позднеолитические материалы попали в результате деятельности людей и землеройных животных. Все эти материалы отражены в типологостатистической таблице 1.

Характеристики кремневого сырья такие же, как и для нижнего раннеолитического слоя, что удостоверяет использование в позднеолитическом периоде БДК того же сырья, тогда как в технологии расщепления кремня и номенклатуре изделий происходят значительные изменения. Фактически выходят из употребления плоские и широкие нуклеусы с фронтальным скалыванием широких пластинок. Исчезают карандашевидные нуклеусы, употреблявшиеся раньше для получения микропластинок. Но в целом сохраняется характер индустрии, для которого свойственен высокий уровень пластинчатой техники при преимущественно одностороннем скалывании, что характерно как для позднего периода БДК, так и для раннего Триполья бассейна Южного Буга. Вместе с тем увеличиваются размеры самих нуклеусов. Среди них выявлены конусообразные с круговым скалыванием или скалыванием на 2/3 или 3/4 периметра (рис. 13: 1—6, 9, 10), призматические (рис. 13: 7, 8) и аморфные (рис. 13: 12). Как и ранее, нуклеусы использовались в качестве отбойников (рис. 13: 1). Какая-то часть нуклеусов обнаружена в обломках, один из которых переделан в скребок (рис. 13: 11). Как и в раннем неолите, среди сколов преобладают отщепы, и именно на них изготовлено большинство изделий со вторичной обработкой.

Среди микролитов геометрических форм обнаружены трапеции, параллелограммы и прямоугольники. Средневысокие трапеции, в основном симметричные, изготовлены из сечений пластинок шириной

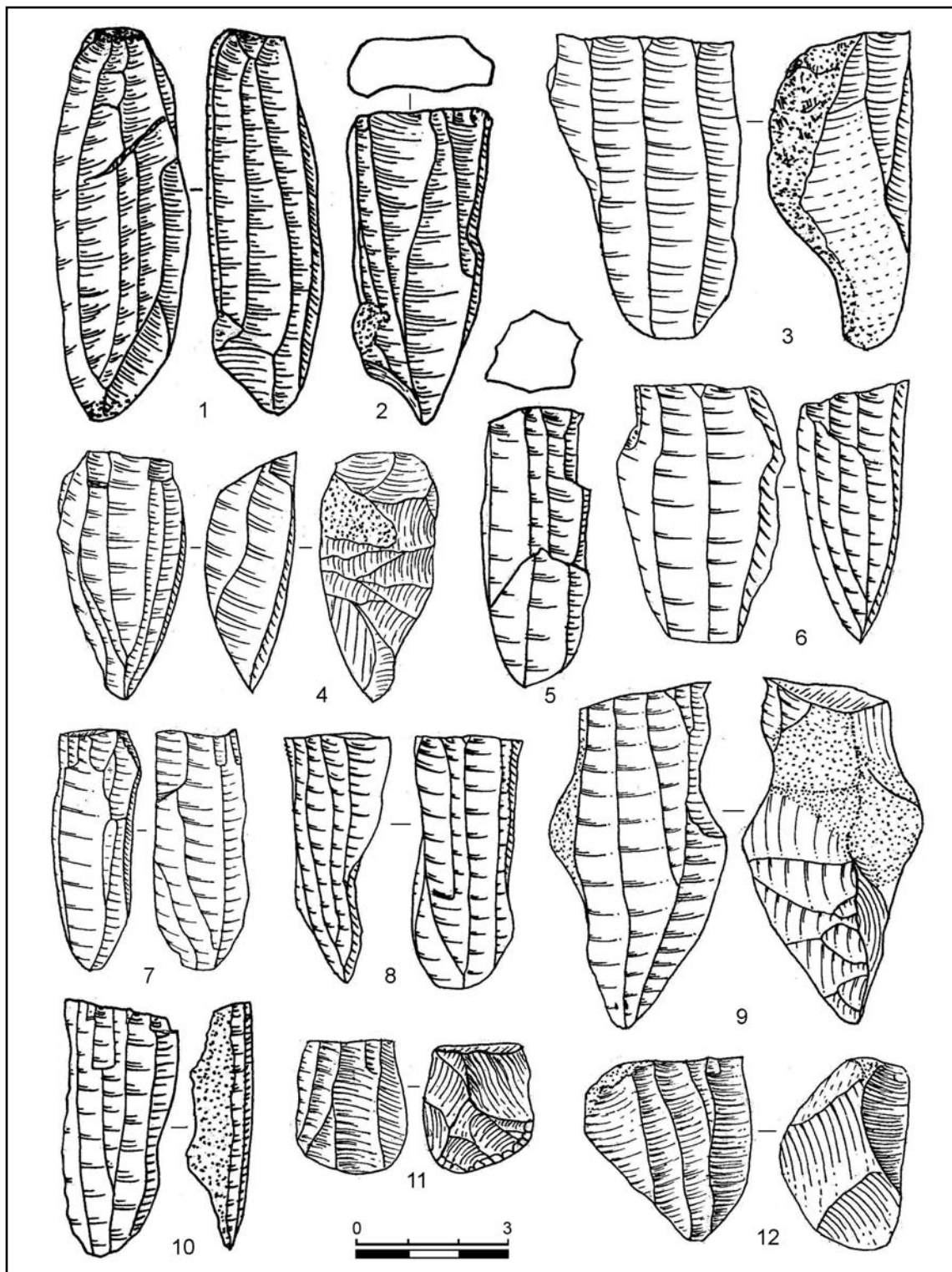

Рис. 13. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Нуклеусы.

Fig. 13. Gard. Late Neolithic layer. Cores.

1,2—1,5 см и оформлены преимущественно пологой ретушью (рис. 14: 1—22), на других ретушь заходит на спинки (рис. 14: 23—31). Представительна серия трапеций со строганой спинкой (рис. 14: 32—50). Параллелограммы изготовлены из сечений

широких пластинок и оформлены пологой ретушью (рис. 14: 51—55). Единичные прямоугольники изготовлены из тонких пластинок, ретушью со спинки или брюшка обработаны два боковых края и один из концов пластинок (рис. 14: 66). Изменения происходят

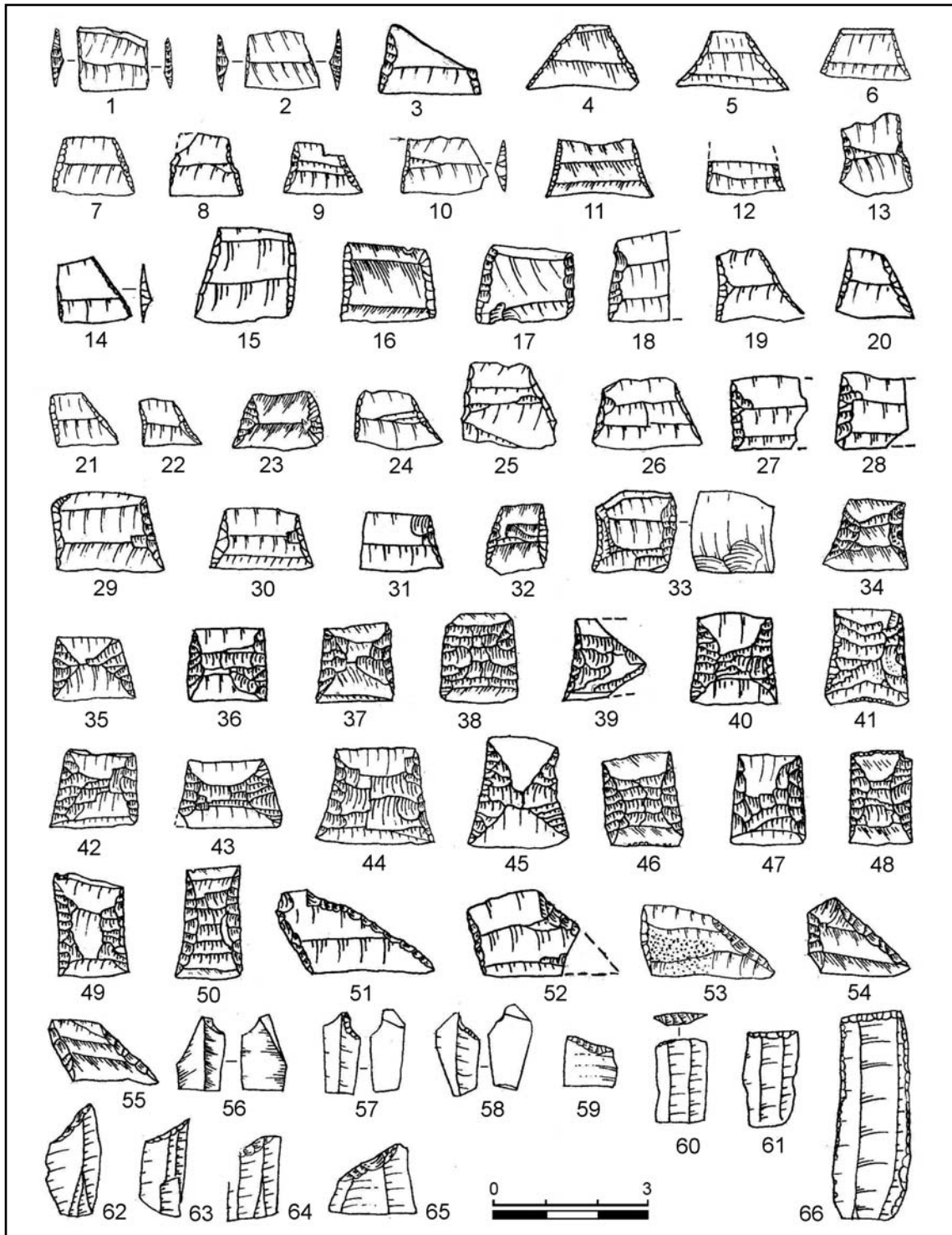

Рис. 14. Гард. Позднеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 14. Gard. Late Neolithic layer. Flint artifacts.

и в составе негеометрических микролитов. Больше не применяются кукрекские вкладыши, пластинки с притупленным краем, абзовские и фатьяма-кобинские острия, но продолжают бытовать пластинки с косо- или прямосрезанным концом (рис. 14: 59—65) и появляются микрорезцы (рис. 14: 56—58).

По-прежнему скребки являются самой многочисленной категорией орудий со вторичной обработкой. Все они изготовлены на отщепках и пластинчатых отщепках и оформлены характерной скребковой ретушью, нанесенной, как правило, со стороны спинки. Больше не применяются концевые

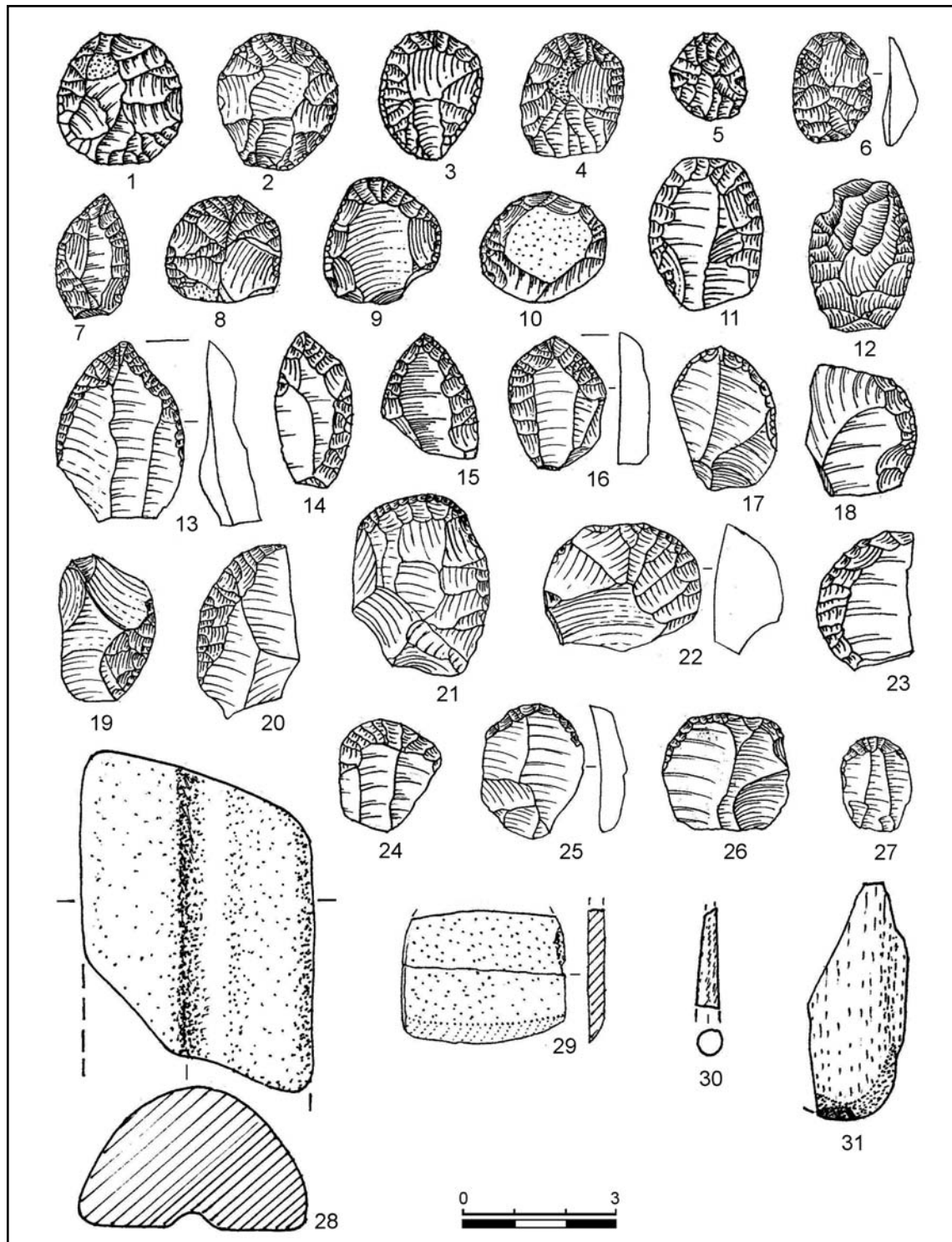

Рис. 15. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Изделия из кремня (1—27), песчаника (28), сланца (29) и кости (30—32).

Fig. 15. Gard. Late Neolithic layer. Flint (1—27), sandstone (28), shale (29) and bone (30—32) artifacts.

скребки на пластинах. Среди скребков встречаются округлые (рис. 15: 1—6), подокруглые (рис. 15: 8—11), стрельчатые (рис. 15: 7, 14—17), концевые (рис. 15: 21, 22, 24—27) и боковые (рис. 15: 12, 18—20, 23). Часть скребков изготовлена на отщепах неустояв-

шейся формы, а многие орудия найдены в обломках.

Достаточно выразительные серии составляют ножевидные пластины и микропластины с ретушью (рис. 16: 14—21, 23—26). Широко употребляемыми являются пла-

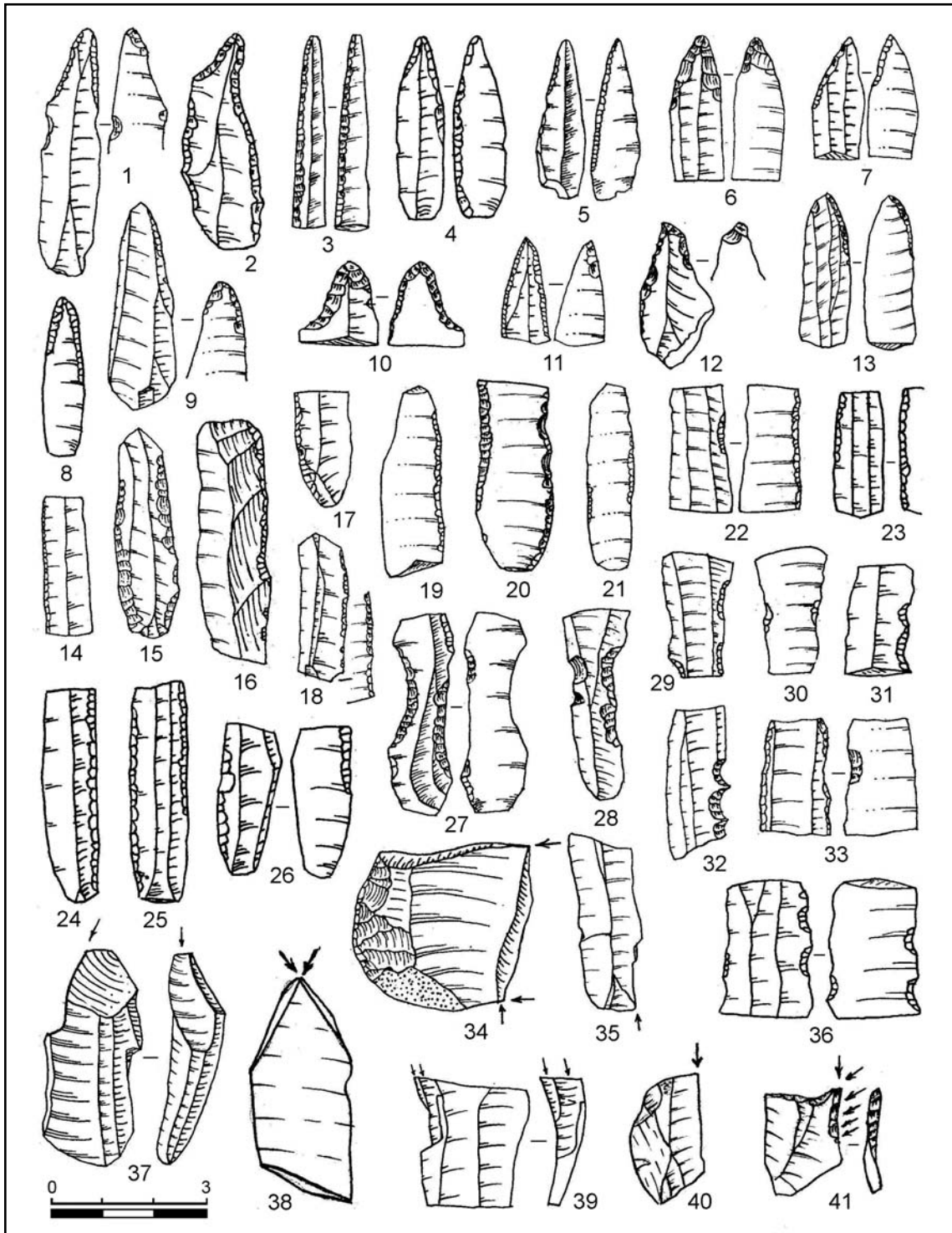

Рис. 16. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Кремневые изделия.

Fig. 16. Gard. Late Neolithic layer. Flint artifacts.

стины с выемками (скобели), с несколькими отдельными выемками, нанесенными со спинки и брюшка (рис. 16: 22, 27—33, 35). Хорошо представлены сверла, проколки и развертки, в подавляющем большинстве изготовленные на пластинках (рис. 16: 1—13). Резцы малочисленные, угловые, бо-

ковые и срединные на пластинках и отщепах (рис. 16: 35, 37—41). Значительную серию изделий составляют отщепы с ретушью. Найден ретушер.

К позднему неолиту относится и несколько наконечников ромбической формы со срезанной основой, которые характерны как для

поздненеолитической БДК, так и для раннего Триполья.

4.2. Изделия из других пород камня

Коллекция изделий из других пород камня представлена, прежде всего, гранитной речной галькой. По форме и размерам она не отличается от таких же изделий из ранне-неолитического слоя и также использовалась в качестве отбойников. Кроме галек, встречаются обломки гранитных плиток с заглаженными поверхностями, толщиной от 3,3 до 4,5 см. Их форма не определена, но один из них может происходить от плитки подромбической формы. Другую группу изделий составляют плитки песчаника с обточенными гранями. Выявлен также абразив, который имеет вид удлиненной плитки песчаника с одной плоской поверхностью и на ней желобком, шириной 1 см (рис. 15: 28). Найдено поврежденное в процессе эксплуатации сланцевое тесло (рис. 15: 29).

4.3. Охра

Как и в раннем неолите, продолжают использовать охру. Все найденные куски охры бесформенные, преимущественно вишневого цвета.

4.4. Изделия из кости

Обнаружен обломок стенки большой трубчатой кости с закругленным и заполированным с обеих сторон концом (рис. 15: 31). Подобные орудия, служившие лопатками, обнаружены на поздне-неолитических поселениях гардовской группы. Кроме того, найден обломок костяного шила (рис. 15: 30).

4.5. Буго-днестровская керамика

Выделены три технологические группы керамики. К *первой группе* относится посуда, изготовленная с примесью растительности, песка, дресвы и графита. Масса плотная. Поверхность заглаженная, темно-серого, серого, темно-коричневого и серебристого цветов, на внутренней поверхности — горизонтальные следы расчесов. В рамках первой группы в соответствии с процентным содержанием дресвы, песка или графита при стабильной растительной примеси выделяются три подгруппы; отмечу, что между подгруппами нет четкого разделения. Критерием их выделения послужило относительное преобладание тех или иных примесей. Справедливость такого

подхода подтверждается и другими данными (толщина стенок и формы посуды, система орнамента):

а) посуда, изготовленная с преобладающими примесями растительных волокон, дресвы, крупного и мелкого песка. Примесь графита незначительная или вовсе отсутствует. Толщина стенок 0,5—1 см (рис. 17; 18);

б) посуда, отличающаяся насыщенностью керамической массы графитом, отсутствием или скудным содержанием песка, тонкостенностью (0,3—0,8 см), тщательной обработкой поверхности и в целом сравнительно меньшими размерами сосудов (рис. 19; 20);

в) подгруппа «в» является переходной между вышеописанными: примеси песка и графита распределяются примерно поровну; грубые примеси отсутствуют. Толщина стенок 0,5—1 см (рис. 21; 22).

Для орнаментации посуды использовался исключительно углубленный узор в виде проглаженных линий, оттисков гребенчатого и ряда других накольчатых штампов. Количественное соотношение различных элементов орнамента и их сочетание выражено в таблице 2, в которой представлены массовые материалы из раскопок 2006—2011 гг.

Керамический материал очень измельченный, поэтому целых форм не удалось реконструировать. Для подгруппы 1а можем говорить только о больших широкогорлых плоскодонных горшках с отогнутым или прямым венчиком, край которого преимущественно закруглен (рис. 17: 1, 2, 5, 7, 9—11, 13—15, 19; 18: 1, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 22, 25, 26), прямо- или наискось срезан (рис. 17: 3, 12, 18; 18: 2—4, 10, 14). Встречается посуда с желобчатыми венчиками (рис. 18: 17, 23, 24) и гофрированным краем (рис. 18: 14, 17). Донышки плоские (17: 20) или несколько вогнутые (рис. 17: 16, 23; 18: 20). Один из сосудов имеет воротниковое утолщение венчика (рис. 18: 7).

Посуда подгруппы 1а орнаментирована преимущественно проглаженными линиями, составляющими горизонтальные, вертикальные и косые ряды (рис. 17: 2, 3, 9, 11, 15), дуги (рис. 17: 4, 5), диагональную сетку (рис. 17: 7), елочные (рис. 17: 14, 24) и паркетные (рис. 17: 17) композиции. Также распространены сложные композиции, которые сочетают различные мотивы (рис. 17: 8, 19, 25). Реже встречаются оттиски гребенчатого (рис. 18: 1—7) и накольчатого (рис. 18: 23—26, 28, 29) штампов, которые выступают иногда в сочетании с проглаженными линиями (рис. 18: 8—11, 14, 15, 18, 22, 27, 30). Есть сочетание оттисков гребенчатого штампа и горизонтальной полосы,

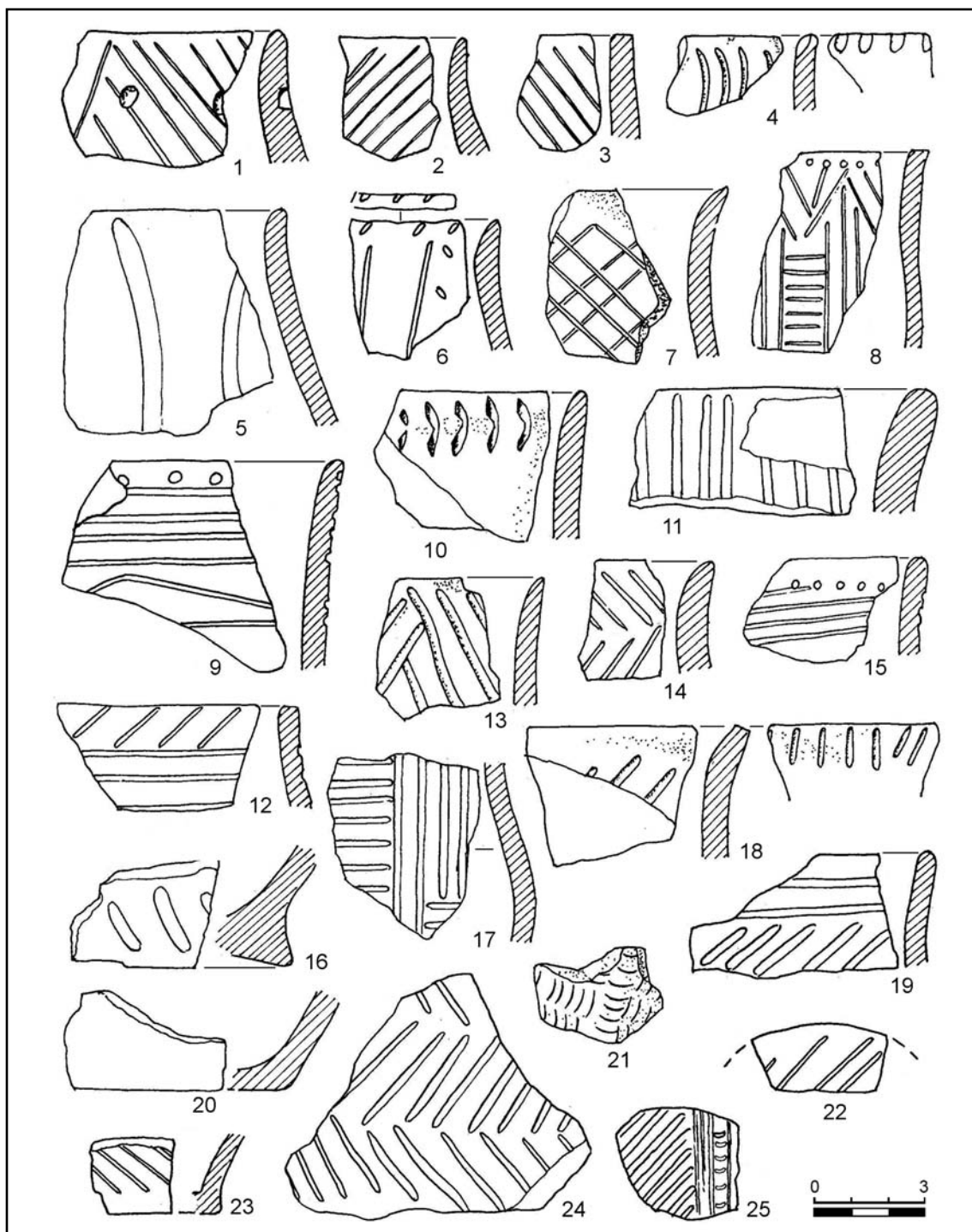

Рис. 17. Гард. Позднеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1а.

Fig. 17. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1a subgroup.

нанесенной тем же штампом (рис. 18: 12, 16). Встречается сочетание оттисков гребенчатого и накольчатого штампов, которое дополняется вертикальными насечками, нанесенными как с внутреннего, так и внешнего краев венчика, что придает венчику гофрированный вид (рис. 18: 17).

Для части посуды свойственна орнаментация внутреннего края венчика (рис. 17: 4,

18; 18: 7, 9, 12, 17). Поперечными или косыми насечками, оттисками гребенчатого и накольчатого штампов орнаментировался также срез венчика (рис. 17: 6; 18: 1, 2, 8—10, 4). Как и раньше, под венчиком иногда наносились ряды глубоких ямок округлой формы (рис. 17: 1).

Посуда подгруппы 1б отличается меньшей толщиной стенок и большим разнообразием

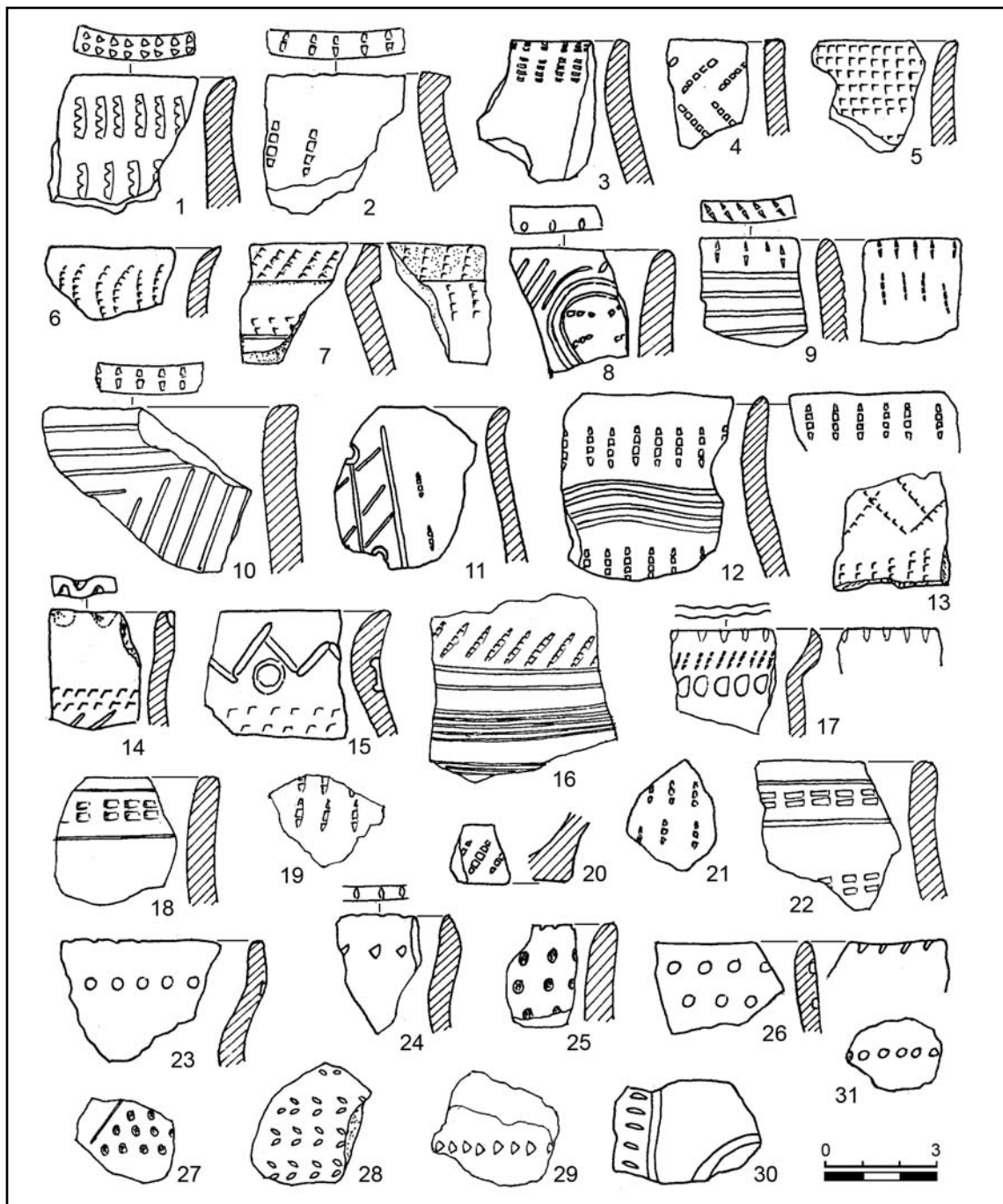

Рис. 18. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1а.

Fig. 18. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1a subgroup.

форм. Венчики прямые или отогнутые с закругленным краем (рис. 19: 1, 5, 11, 12, 7, 13, 14), срезанные прямо или наискось (рис. 19: 2; 20: 6, 9, 15). Один сосуд имеет чуть утолщенные края в виде воротника (рис. 19: 14). Встречаются сосуды с гофрированными венчиками (рис. 20: 8, 12). Доньшки — несколько вогнутые (рис. 19: 10). Найден обломок венчика миски (рис. 20: 21). Пять сосудов подражают форме раннетрипольского столового горшка (рис. 20: 1—5).

В целом, орнаментация этой посуды значительно богаче и разнообразнее: проглаженные линии (рис. 19: 1—10, 15), отпечатки гребенчатого (рис. 19: 13, 18, 20, 22) и накольчатого (рис. 20: 6—9, 11—16, 21—25) штампов, их сочетание с проглаженными линиями (рис. 19: 11, 14, 16, 17; 20: 17—19) или между собой (рис. 19: 12, 19, 23). Орнаментируется также и внутренний край (рис. 19: 1—5, 8; 20: 21) и срез (рис. 20: 10, 14, 15) венчика. Один из горшков не имеет орнамента (рис. 19: 21).

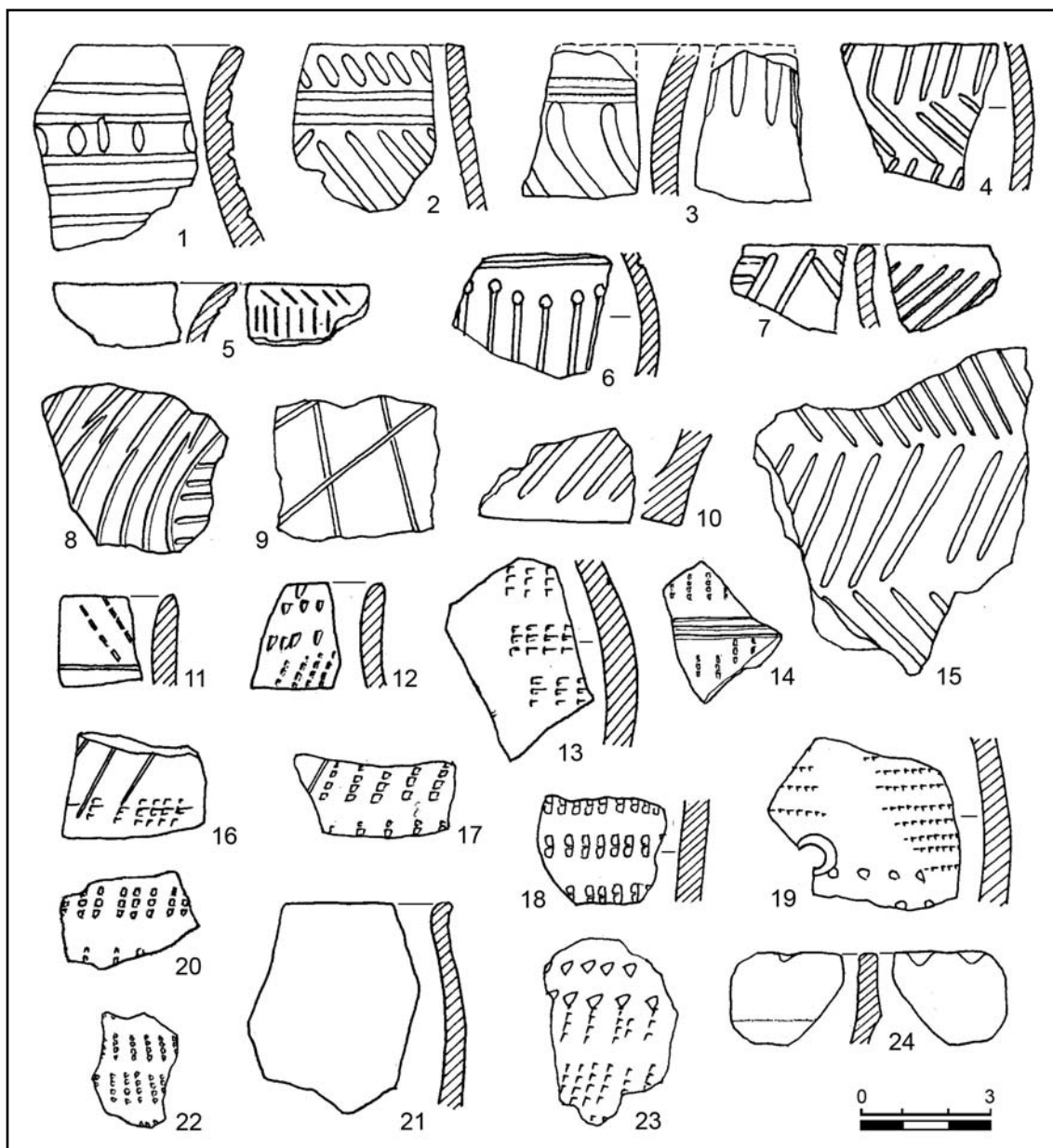

Рис. 19. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 16.

Fig. 19. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 16 subgroup.

Для посуды подгруппы 16 (переходной) реконструированные формы также отсутствуют. В подавляющем большинстве венчики чуть отогнутые, а их край закругленный (рис. 21: 1—3, 6, 7, 16, 17, 20, 22; 22: 1, 2, 11, 15, 16), прямо (рис. 21: 8, 19; 22: 17—19) или косо (рис. 22: 6) срезанный. Реже встречаются сосуды с желобчатыми (рис. 21: 21) или гофрированными (рис. 22: 25) венчиками. Доньшки плоские (рис. 22: 24) или немного вогнутые (рис. 21: 13, 15).

В орнаментации, как и в предыдущих подгруппах, преобладают проглаженные линии, составляющие различные композиции (рис. 21: 1—15), но чаще, по сравнению

с группой 1а, используются отпечатки гребенчатого (рис. 21: 6—17) и накольчатого (рис. 22: 11—12, 20—22, 24, 27, 31) штампов. Проглаженные линии используются в сочетании с отпечатками гребенчатого (рис. 22: 1—9, 13, 14) и накольчатого (рис. 22: 16—19, 23, 28—30) штампа. Встречается сочетание гребенчатого и накольчатого штампов (рис. 22: 15, 25, 26). Орнамент переносят и на внутренний край венчика (рис. 21: 4, 25; 22: 3, 18, 28), а по его срезу наносят поперечные или диагональные насечки или отпечатки гребенки (рис. 21: 19; 22: 5, 6, 10, 19). Одно доньшко покрыто рядами оттисков накольчатого штампа (рис. 22: 24). Посуда часто ремонтировалась,

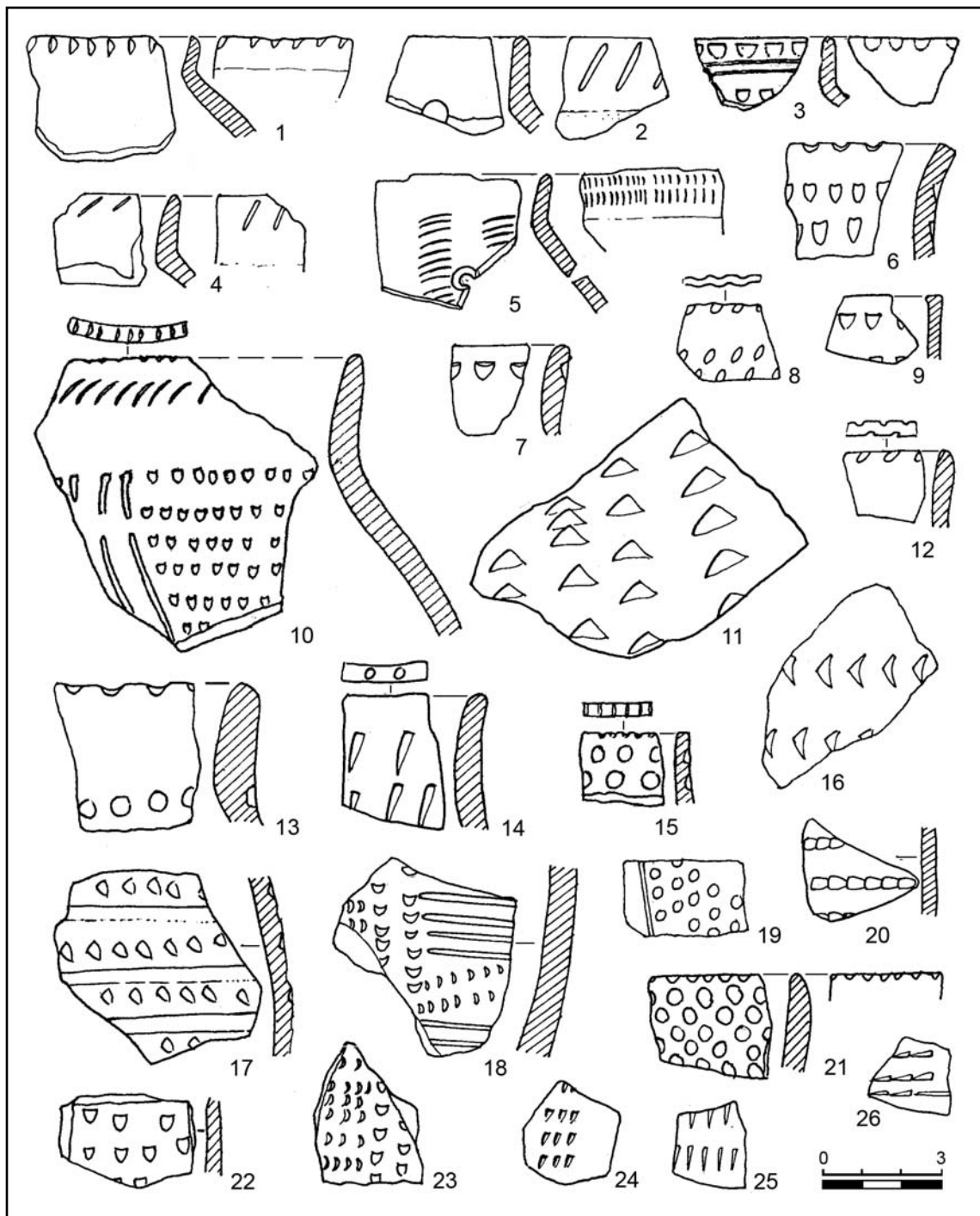

Рис. 20. Гард. Позднеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 16.

Fig. 20. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 16 subgroup.

свидетельством чего являются многочисленные просверленные отверстия (рис. 21: 11).

В целом посуда 1 группы отражает продолжение местной традиции в керамическом производстве, появившейся еще в раннем периоде неолита (первая технологическая группа). В позднем неолите это наиболее отчетливо прослеживается в посуде подгруппы 1а. Однако на новом этапе развития в техно-

логии керамического производства происходят значительные изменения: если в раннем периоде эта посуда заглажена и даже подощена, то в позднем при обработке поверхностей, особенно внутренней, преимущественно применяются расчески. Исключается из употребления керамика с примесью крупнотолченой ракушки (группа 2), зато в качестве отощителя широко используется графит. Появляются но-

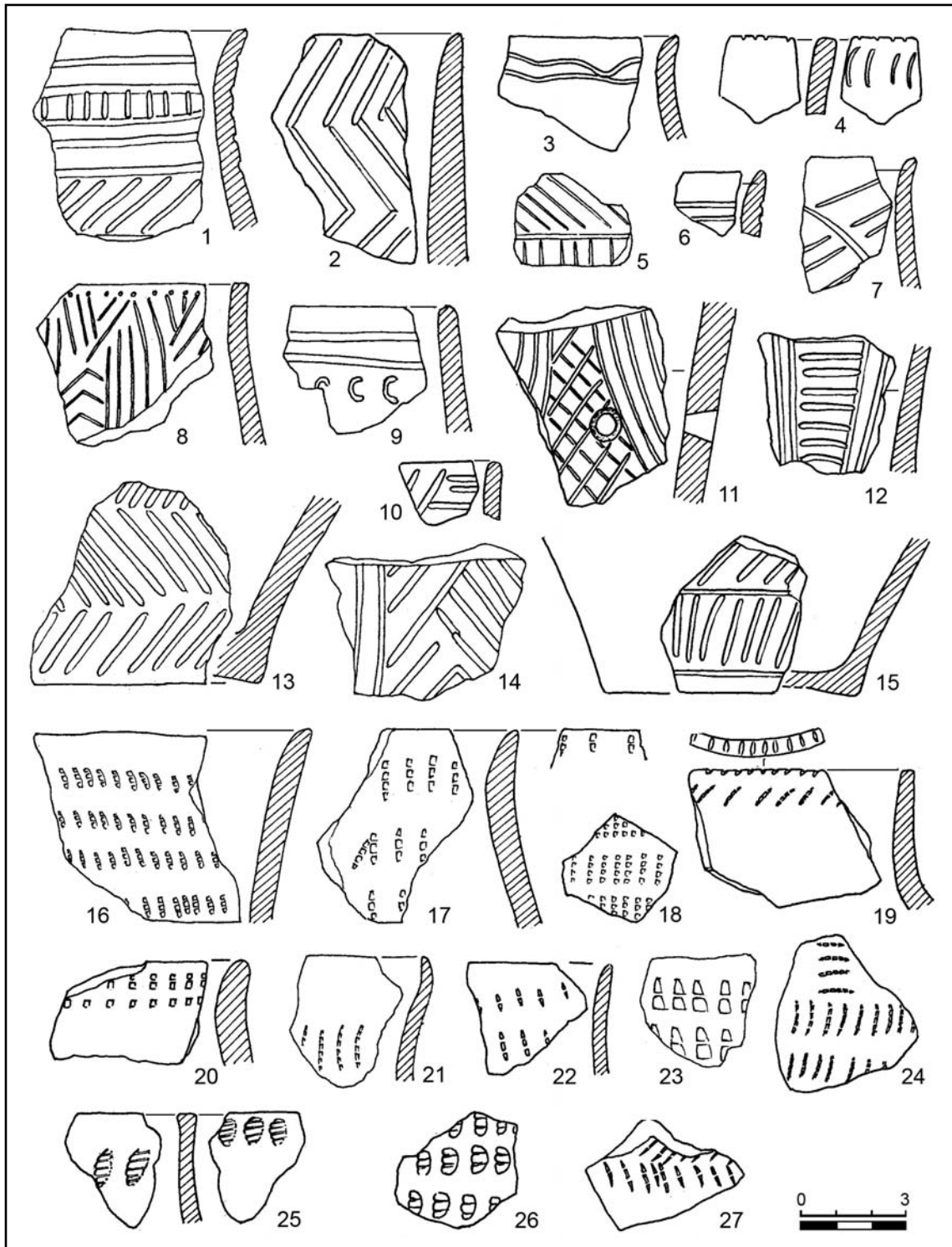

Рис. 21. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1в.

Fig. 21. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1b subgroup.

вые формы посуды, в частности, банки и миски. Распространяются сосуды с утолщенным в виде воротничка, желобчатым и гофрированным венчиками. Произошли изменения в орнаментации: больше не используются пальцевые защипы, исчезают ленточные композиции, орнаментируется внутренний край

венчика. Широко используется гребенчатый орнамент.

По форме и орнаментации керамика первой группы имеет многочисленные аналогии среди соседних поздненеолитических поселений Гард 3, Гард 4, Пугач 1, Пугач 2, Лидина Балка (укр. Лідина Балка) и др. Вследствие воз-

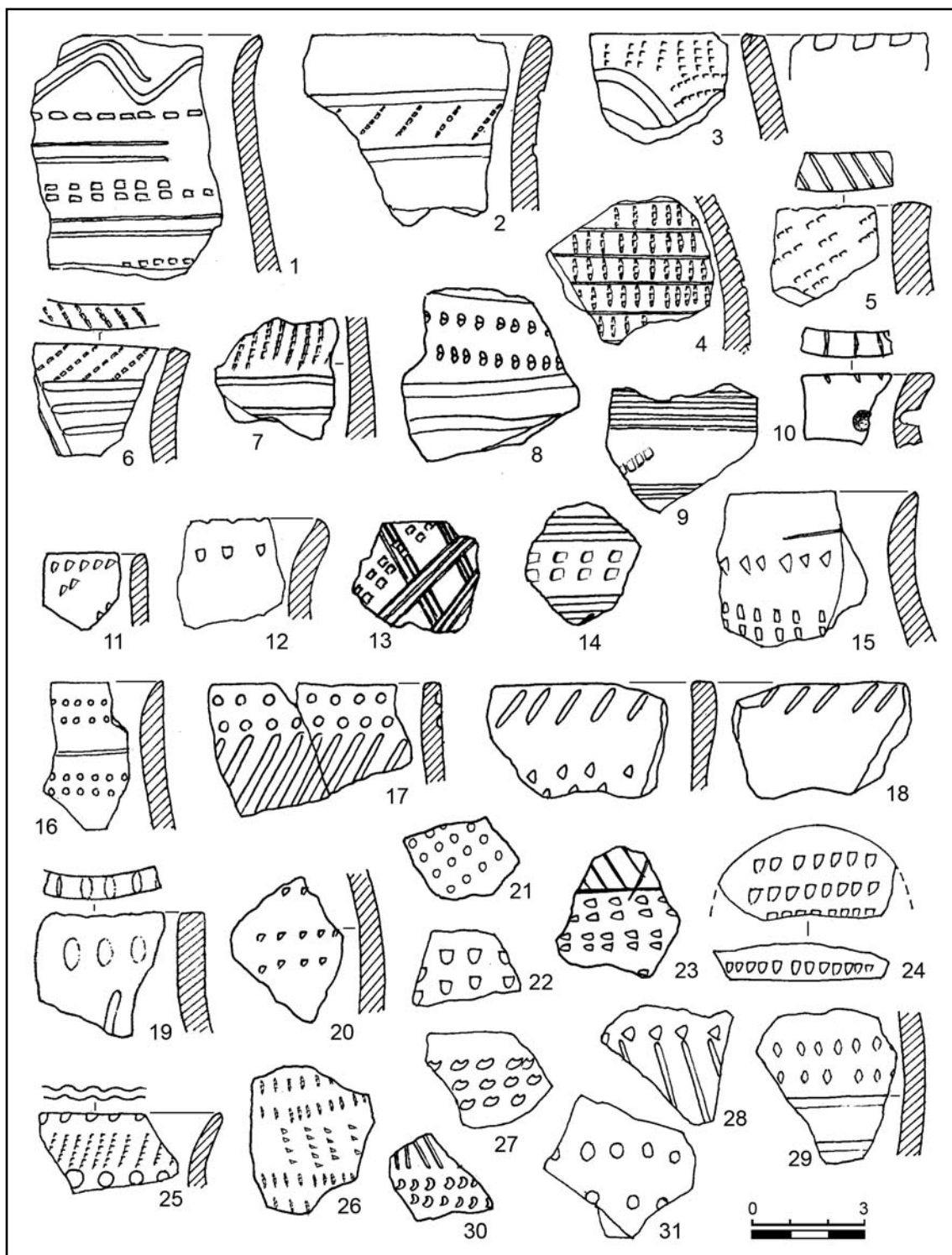

Рис. 22. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика подгруппы 1в.

Fig. 22. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 1в subgroup.

действий со стороны населения Надпорожья и Среднего Поднепровья она имеет определенную специфику. В целом же, это так называемая савранская керамика, характерная для всей БДК позднего периода.

Ко второй группе относится так называемая кардиумная (кардиальная) керами-

ка, которая по составу формовочных масс радикально отличается от остальной поздненеолитической посуды и в орнаментации которой, наряду с другими штампами, использованы отпечатки морской ракушки *Cardium*. Кроме исследуемого поселения, такая керамика достаточно широко рас-

пространена на позднеолитических поселениях Гардовской группы (Пугач 1 и 2, Гард 3 и Гард 4), где она составляет от 4,4 до 11,5%, и кроме того, по одному фрагменту обнаружено вне Степного Побужья на поздних буго-днепровских поселениях Саврань, Новорозановка (укр. Новорозанівка) 1 и в азово-днепровском слое Каменной Могила (укр. Кам'яна Могила) (Товкайло 2012: 27). Это посуда, изготовленная из глиняной массы, перенасыщенной раковинами мелких ракушечных раков *Ostracoda* и их обломками, содержащая также незначительные примеси песка и растительности. Раковины *Ostracoda*, размером около 1 мм, можно наблюдать только под биноклем. Масса пористая. Поверхность с обеих сторон заглажена, иногда подлощена извне, от бурого до красного цветов. Толщина стенок 0,7—1,1 см. На изломе черепок с внешней стороны преимущественно красно-коричневого цвета, изнутри — от черного, темно-серого до темно-коричневого цветов. Другим признаком, отличающим посуду второй группы от остальной позднеолитической посуды, являются отпечатки по сырой глине волнистого края створки морской раковины семейства *Cardium*.

По форме выделяются банковидные сосуды с воротничковым утолщением венчика (рис. 23: 13) и горшки, которые имеют высокие, прямые и несколько утолщенные венчики (рис. 23: 1, 2, 7). Реконструирована форма большого горшка с невысоким прямым и несколько утолщенным венчиком (рис. 23: 14). Диаметр венчика и высота достигает 30 см, диаметр дна — 10 см.

Орнаментацию из отпечатков волнистого края створки морской раковины семейства *Cardium* имеет лишь часть посуды. Для орнаментации остальной керамики использовались гребенка и другие штампы. Отпечатки волнистого края раковины *Cardium* нанесены как под тупым углом к поверхности посуды (тогда, если поверхность посуды не затертая, их можно хорошо разглядеть), или под острым углом к поверхности (в таком случае они просматриваются очень плохо и их можно принять за отпечатки гребенчатого штампа).

Отпечатки волнистого края раковины *Cardium* образуют горизонтальные ряды (рис. 23: 1—3, 6, 12) и могут быть обрамленными с двух сторон такими же отпечатками, сложенными в одну линию (рис. 23: 2), или сочетаться с полосой линий, нанесенных тем же волнистым краем раковины (рис. 23: 1). В одном случае отпечатки волнистого края

створки ракушки *Cardium* образуют елочную композицию в сочетании с такими же отпечатками ракушки, сложенными в несколько длинных линий (рис. 23: 4). Отпечатки гребенчатого штампа также образуют горизонтальные ряды (рис. 23: 5) или сочетаются с линейным орнаментом (рис. 23: 14). В ряде случаев, на наружную поверхность посуды нанесены горизонтальные ряды подтреугольных, круглых или овальных наколов (рис. 23: 8—11). Орнаментами подлежали внутренний край (рис. 23: 1, 2) и срез (рис. 23: 7, 13) венчика.

В 2008 г. по образцу керамики с остракодами в Киевской радиоуглеродной лаборатории М. М. Ковалюх получил дату: Ki-147936400 ± 90 BP (табл. 3).

Анализируя кардиумную керамику Степного Побужья, я пришел к выводу о ее позднеолитическом возрасте, то есть она существовала одновременно с посудой основной группы, изготовленной по традиционной технологии (Товкайло 2012: 30). Очевидно, что такая керамика возникла вне местной традиции и, более того, учитывая отсутствие в регионе перенасыщенного остракодами сырья, — вне Степного Побужья. Конечно, производить такую керамику могло население, которое было носителем культурной традиции импрессо, имело доступ к соответствующему сырью (залежей остракод и морских ракушек *Cardium*), имело тесные связи с позднеолитическими жителями Степного Побужья и в определенной степени находилось под их влиянием. По моему мнению, оно должно было проживать по соседству, на прилегающей с юга к Степному Побужью территории, вдоль лиманов Северного Причерноморья и морского побережья. Хотя ни одного неолитического поселения с кардиумной керамикой там еще не обнаружено (Товкайло 2012: 31, 34).

Третья группа керамики немногочисленна. Эта тонкостенная (0,3—0,6 см) керамика изготовлена с примесью песка. Внешняя поверхность заглажена, серого и серо-коричневого цвета. На внутренней поверхности следы полосчатого сглаживания. Реконструирован горшок с короткими и немного отклоненными венцами. Поочередные насечки из внутреннего и внешнего края венчика придают ему гофрированный вид. Верхняя часть горшка сплошь покрыта диагональными полосами, состоящими из нескольких рядов подтреугольных наколов, которые чередуются с такими же полосами проглаженных линий. Еще два ряда глубоких наколов нанесены тем же штампом на шейке (рис. 24: 1). Диаметр венчика — 16,5 см.

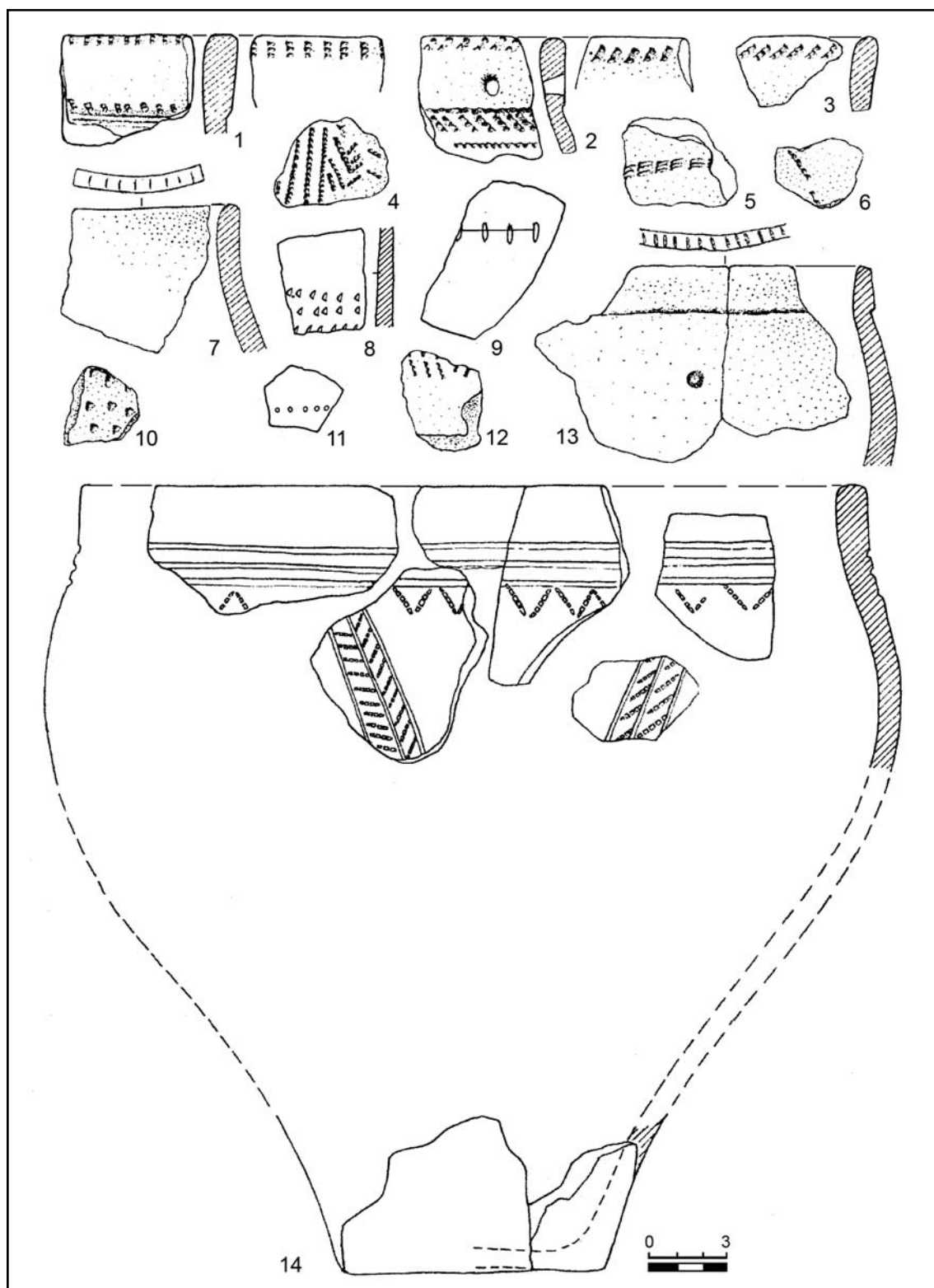

Рис. 23. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика группы 2 (кардиумная).

Fig. 23. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 2 group (cardial).

В орнаментации посуды использовались проглаженные линии и наколы подтреугольной, округлой и каплевидной формы (рис. 24: 5—9), обычным является сочетание накольчатого и линейного элементов орнамента,

образующих сложные композиции (рис. 24: 2—4). Единичные фрагменты посуды, относенные к третьей группе, изредка встречались и на других поздненеолитических поселениях Степного Побужья.

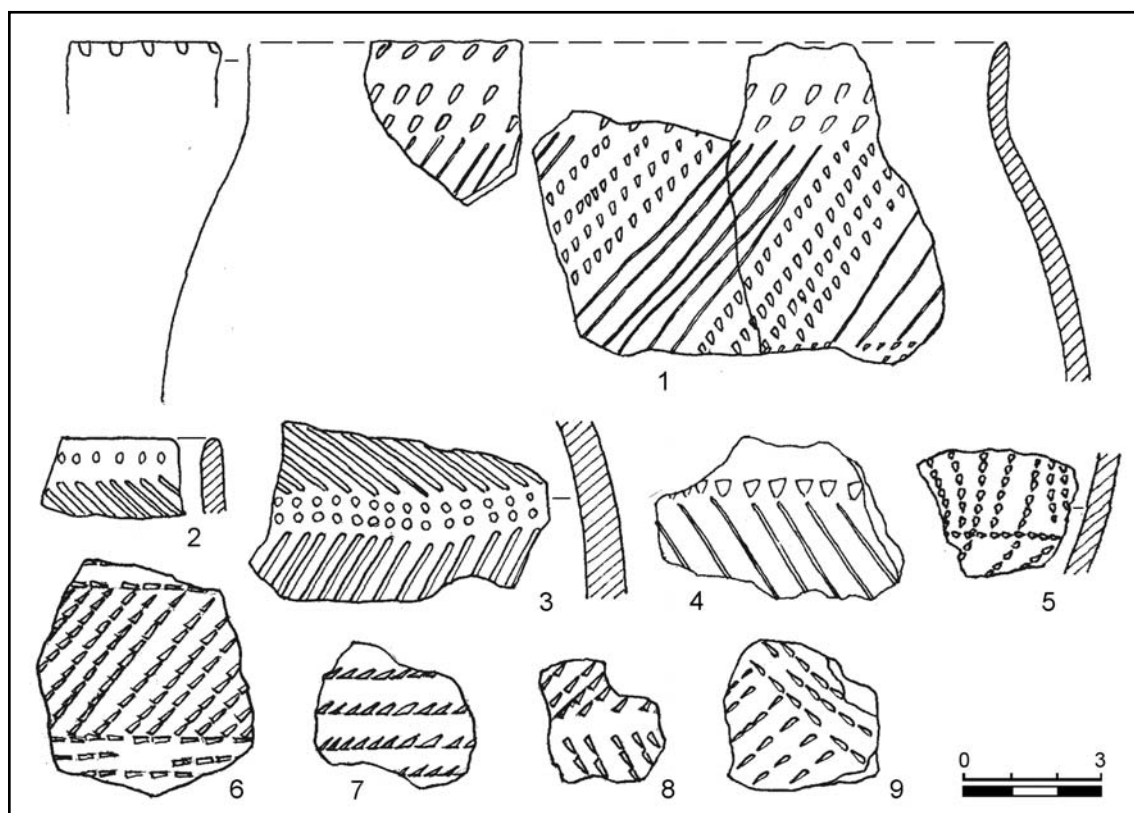

Рис. 24. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Буго-днестровская керамика группы 3.

Fig. 24. Gard. Late Neolithic layer. Bug-Dniester pottery of 3 group (1—9).

В буго-днестровской среде такая керамика распространена лишь в Степном Побужье. Очевидно, ее распространение здесь можно рассматривать как свидетельство связей с населением Надпорожья, где подобная керамика распространена, в частности, в нижнем слое Стрильча Скеля, Никольском (укр. Микільском) могильнике и Среднем Стоге 1. В. Н. Даниленко относил ее ко второму этапу АДК, Д. Я. Телегин — к этапу 2 ДДК.

4.6. Раннетрипольская керамика

Для ряда неолитических памятников региона (Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4, Лидина Балка, Ташлык 2) характерно совместное залегание в одном слое савранских и раннетрипольских материалов типа Сабатиновка (укр. Сабатинівка) 2. Эти материалы, как и керамика раннетрипольских поселений Гайворон, Сабатиновка 2, Гребенюков Яр (укр. Гребенюків Яр), легли в основу доказательств синхронности и взаимодействия буго-днестровской и раннеотрипольской культур (Товкайло 2005). Поэтому приобщаем к анализу и раннетрипольскую керамику поселения Гард. По технологическим признакам она делится на две группы: условно кухонную

и столовую. Это типичная для самых древних на Южном Буге раннетрипольских поселений керамика, ближайшие аналоги которой находим в Гайвороне и Сабатиновке 2.

Посуда первой группы (2172 обломка керамики, количество сосудов трудно определить) изготовлена из грубой комковатой массы с примесью песка и шамота, а также, в отдельных случаях, с примесью графита. Обжиг неравномерный. Толщина стенок 0,5—1,4 см. Внешняя поверхность неровная, со следами сглаживания пальцами, внутренняя — сглаженная и залощенная; снаружи сглаживались только шейка и придонная часть сосудов (рис. 25; 26).

Самым употребительным типом кухонной посуды является плоскодонный горшок средних размеров с диаметром венчика 24—25 см (рис. 25: 1), доньшка — 8 см (рис. 26: 22). Орнаментация посуды достаточно однообразна. Это, зачастую, один, реже — два или три ряда пальцево-ногтевых защипов на плечиках (рис. 25: 2—8; 26: 11, 12, 19—21) или, вместо них, округлых ямок (рис. 25: 5, 10, 11; 26: 16), подтреугольных (25: 9; 26: 10) или продолговатых (25: 1, 16; 26: 15) оттисков, нанесенных каким-то острым предметом, а также декоративное сглаживание пальцами по сы-

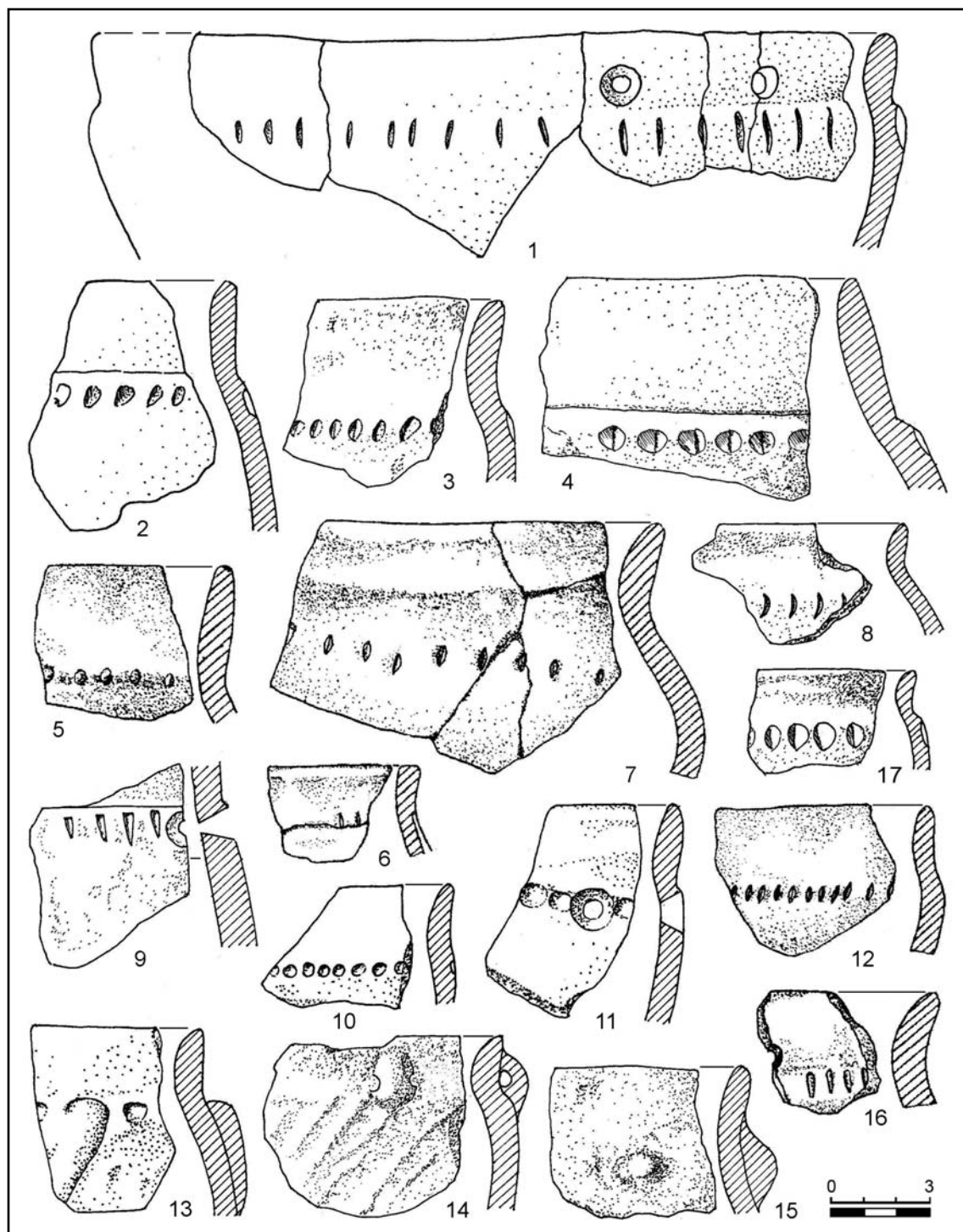

Рис. 25. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 1-й группы.

Fig. 25. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 1 group.

рой глине (рис. 25: 14). Используется и пластический орнамент в виде конических выступов-налепов, ручек, расположенных на плечиках (рис. 25: 13—15; 26: 13, 14).

Довольно часто находим обломки керамики с высверленными коническими отверстиями, появление которых можно объяснить потребностями ремонта посуды (рис. 25: 1, 11).

Реже встречаются миски, которые украшались тем же способом, что и горшки (рис. 26: 1—8). Для мисок также характерен рельефный орнамент (рис. 26: 6, 8, 9).

Один из горшков орнаментирован косыми проглаженными линиями на плечиках (рис. 26: 17, 18), что является проявлением влияния буго-днестровской культуры.

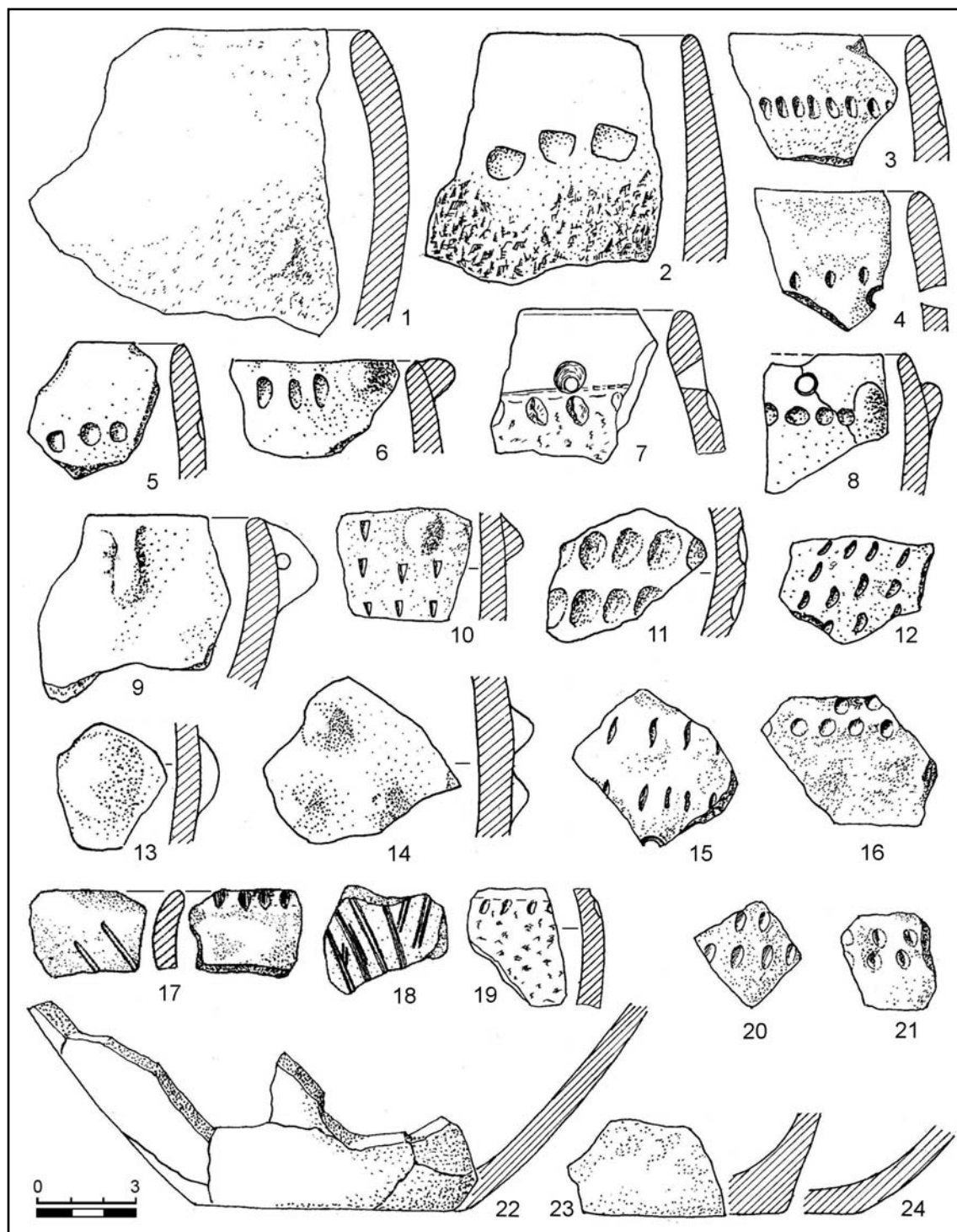

Рис. 26. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 1-й группы.

Fig. 26. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 1 group.

Посуда второй группы (1336 обломков керамики) изготовлена из хорошо вымешанной глины с примесью мелкоструктурного шамота. Почти треть посуды, кроме указанной, имеет примесь графита. Масса плотная. Посуда хорошо обожжена. Толщина стенок 0,25—0,7 см. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов заглажена и залощена,

черного, темно-серого и коричневого цвета (рис. 27; 28).

Количественно преобладают небольшие плоскодонные горшки с короткими (0,7—2 см) прямыми, немного отклоненными венчиками и округлым туловом (рис. 27: 1—17). Небольшие доньшки плоские или немного вогнутые (рис. 28: 12, 22—26). Реже

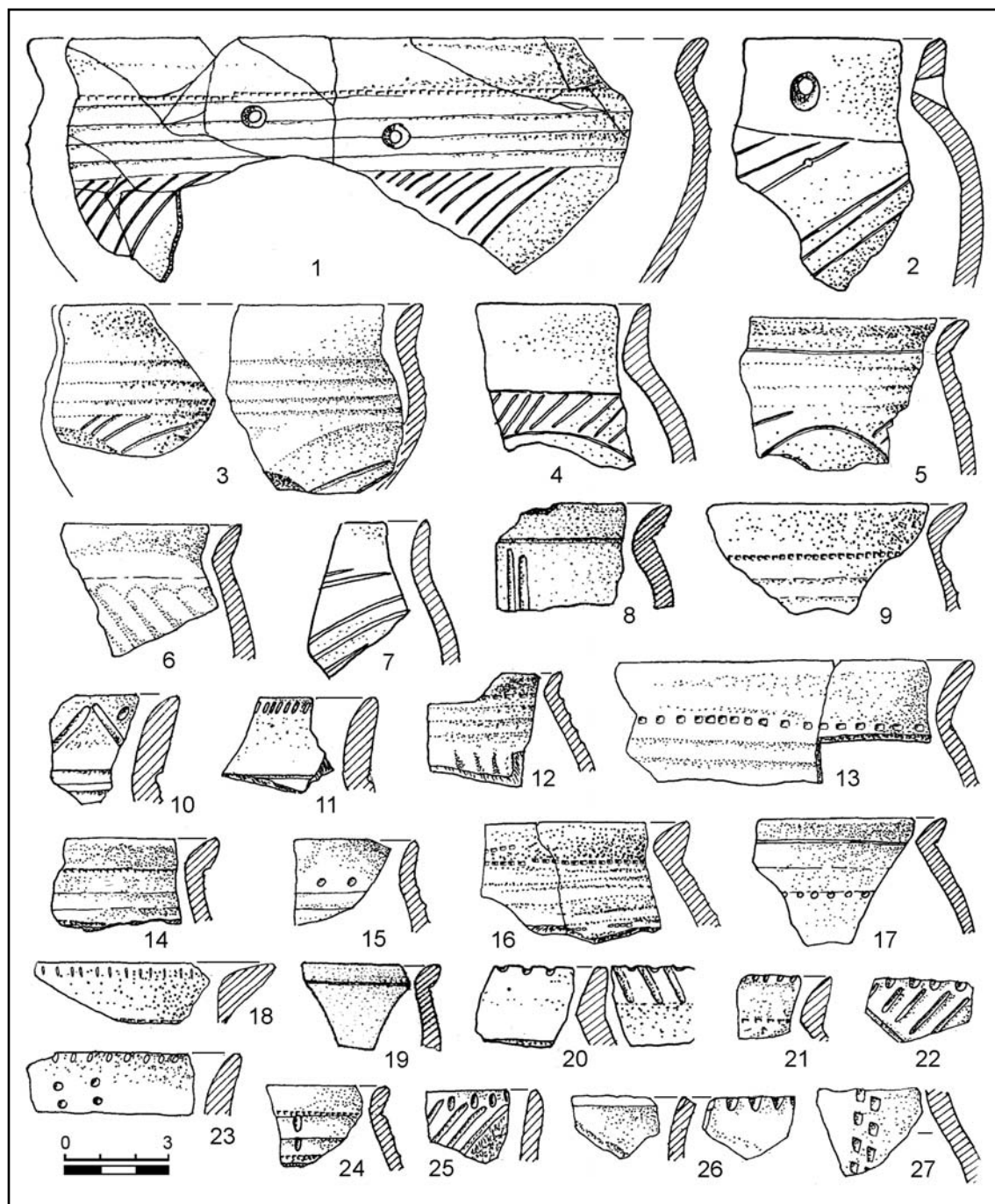

Рис. 27. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 2-й группы.

Fig. 27. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 2 group.

встречаются миски (рис. 28: 1, 2) и кувшины (рис. 28: 3, 5).

Посуда второй группы орнаментирована преимущественно узкими каннелюрами на шейке и плечиках, часто дополненными оттисками гребенчатого и накольчатого штампов (рис. 27: 1—3, 5, 6, 8, 12—17, 24; 28: 3—6, 10, 11, 15—17), насечками по внешнему краю венчика (рис. 27: 18, 21—23; 28: 2, 4), врезанными линиями, в т. ч. в виде лент (рис. 27: 4;

28: 24—26), лучей (рис. 27: 1), оттисками гребенчатого или накольчатого штампов, опоясывающих горшки в основании шейки или в придонной части (рис. 27: 1, 9, 14, 16, 21, 24; 28: 3—8, 23), фестонов (рис. 27: 3) или заштрихованных угловых композиций (рис. 27: 1; 28: 10), сосцевидными налестками (рис. 28: 15). Широко употребляется ямочный орнамент (рис. 27: 23; 28: 13, 20). В виде ручек сделаны рельефные налестки округлой формы

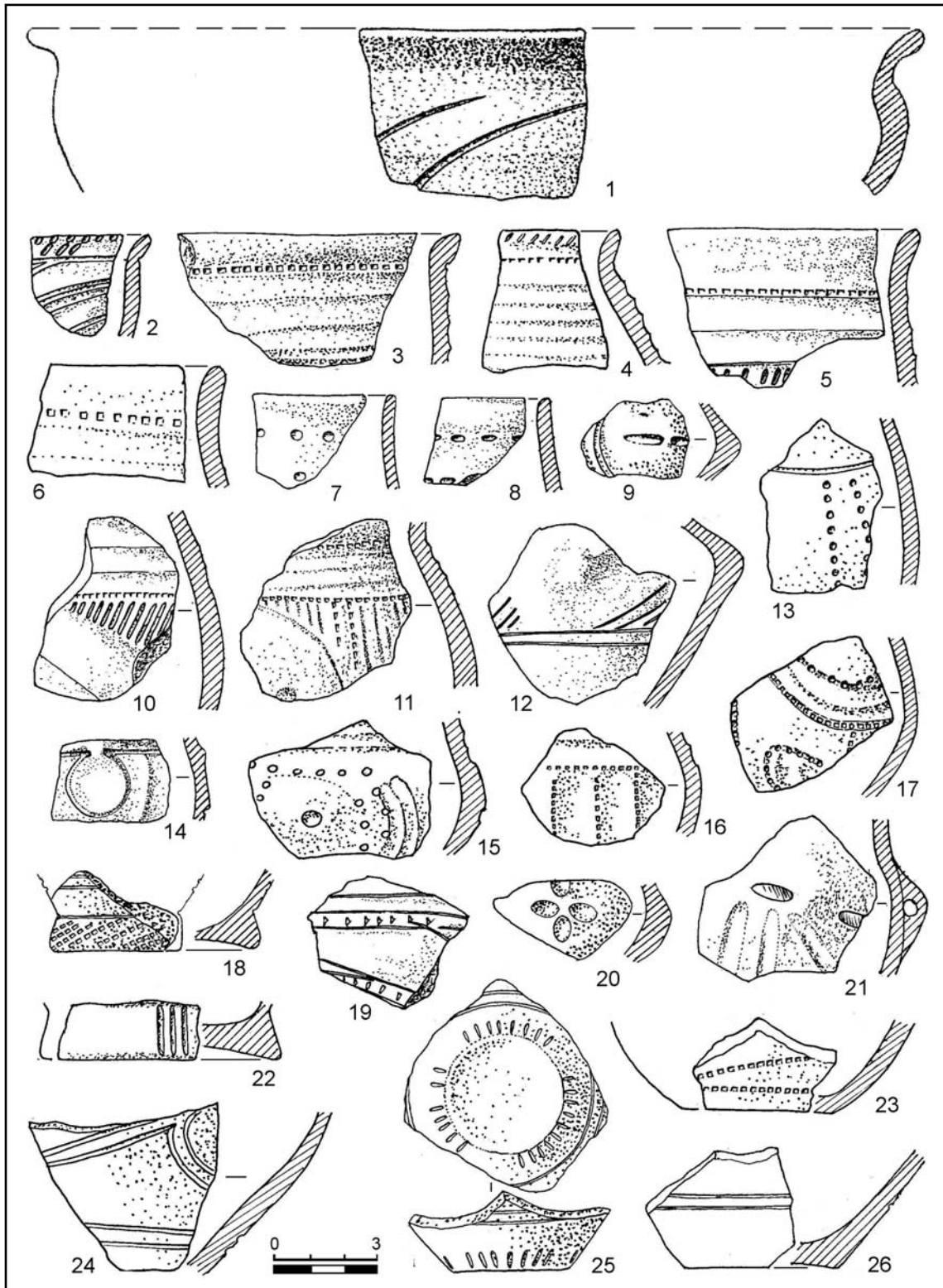

Рис. 28. Гард. Поздненеолитический культурный слой. Раннетрипольская керамика 2-й группы.

Fig. 28. Gard. Late Neolithic layer. Early Tripolian pottery of 2 group.

с проколотыми по горизонтали отверстиями (рис. 28: 21) или имитацией таких проколов (28: 9, 14).

Два фрагмента керамики, происходящие от различных сосудов, сформированы и ор-

наментированы несвойственным для раннего Триполья способом. В частности, первый из них происходит от горшка со слабо отогнутым наружу венчиком, край которого прямосрезанный и скошенный наружу, изну-

три он орнаментирован глубокими округлыми оттисками круглого штампа (рис. 27: 26). Такой способ часто используется при орнаментации буго-днестровской посуды на позднем этапе развития. Другой фрагмент горшка украшен парной полосой оттисков накольчатого штампа, расположенных по вертикали, что также свойственно буго-днестровской традиции (рис. 27: 27). Использование буго-днестровских мотивов в орнаментации посуды зафиксировано и на раннетрипольских поселениях Южного Буга. Особенно отчетливо это прослеживается в керамике раннетрипольских поселений Гайворон, Сабатиновка 2 и Гребенюков Яр (Товкайло 2004б: рис. 4: 5; 2005: рис. 75: 1—13). Выше говорилось о буго-днестровской посуде, которая при сохранении традиционной технологии ее изготовления (примеси растительности и графита) приобретает несвойственные ей раннетрипольские черты, проявляющиеся как в форме сосудов, так и в их орнаментации (рис. 20: 1—5). Подобную посуду раньше находили на поселениях Пугач 1, горизонт «б», и Пугач 2 (Товкайло 2005: рис. 47: 5, 15; 48: 10; 50: 4, 11). Итак, материалы Гарда также подтверждают сделанные ранее выводы о синхронности и взаимоотношении поздней буго-днестровской и раннетрипольской культур (Товкайло 2004а; 2005; 2008).

5. Дискуссия

Еще В. Н. Даниленко, рассматривая процесс становления неолита Северо-Западного Причерноморья, отмечал, что он имел характер сращивания гребениковских и кукрекских форм развития (Даниленко 1969: 61, 159). Совместное участие носителей кукрекской и гребениковской культур в формировании БДК отмечали и другие исследователи (Залізник 1998: 183, 213; Котова 1997: 162; Гаскевич 2002: 98).

Конечно, многократное повторение керамических и кремневых комплексов с набором одних и тех же признаков не может быть случайным. Очевидно, такие комплексы отражают этап развития местных финально-мезолитических групп населения, которые стали на путь неолитического развития. Однако не все так просто, ведь рядом с этими ранне-неолитическими памятниками со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем в регионе отмечены такие же синкретические памятники, но без керамики. К ним относят поздне-мезолитические стоянки Мирное (укр. Мирне), Зализничное (укр. Залізничне) и Фрумушику (Борзьяк 1997: 24; Смынтына

2001—2002: 463; 2012: 207; Сапожников, Сапожникова 2005: 91). Из них первые два расположены на побережье Черного моря, а Фрумушика — в Среднем Поднестровье, то есть в районе распространения кришских и ранних буго-днестровских поселений с керамикой. От понимания особенностей взаимоотношений кукрекской и гребениковской культур зависит наше понимание процессов неолитизации Среднего Поднестровья, Побужья и Северо-Западного Причерноморья.

Между тем определить характер взаимоотношений кукрекской и гребениковской культур, как и их соотношение между собой и синкретическими памятниками по существующим данным довольно проблематично. Если отсутствие ранне-неолитической керамики в Мирном и Зализничном еще можно объяснить тем, что в раннем неолите черноморское побережье оставалось вне зоны распространения керамических новаций, то отсутствие такой керамики во Фрумушике может свидетельствовать о ее более древнем времени, по сравнению с ранне-неолитическими буго-днестровскими памятниками с керамикой, расположенными в Побужье и Поднестровье. Итак, факт наличия поселений со смешанным кукрекско-гребениковским инвентарем и керамикой заставляет говорить о хронологической неоднородности поздне-мезолитических поселений региона.

Гребениковская и кукрекская культуры отнесены большинством исследователей к позднему мезолиту (Телегин 1982; Станко 1991; Борзьяк 1997; Коваленко, Цой 1999; Залізник 2005). Контакты между обеими группами населения существовали с самого начала, свидетельством чего было наличие гребениковского кремневого инвентаря на кукрекских поселениях, и наоборот, кукрекского — на гребениковских. Даже в Гребениках, являющихся эпонимным памятником, который относится некоторыми исследователями к раннему мезолиту, ощущимо постороннее влияние, в частности, в коллекции кремневого инвентаря присутствуют кукрекские вкладыши, микропластины с притупленным краем и карандашевидные нуклеусы, соотношение которых с плоскими составляет 4:3 (Коваленко, Цой 1999: 259). Долгое время сосуществования на одной территории кукрекского и гребениковского населения привело к их смешиванию (Залізник 1998: 183; 2005: 113; Коваленко, Цой 1999: 259, 262). Археологическим проявлением этого явления являются так называемые «синкретические» памятники. Едва ли не все исследователи мезолита отмечают, что «синкретические» памятники типа Мирного явля-

ются более поздними по отношению к «чистым» гребениковским (Борзияк 1997: 23—24; Сапожников, Сапожникова 2005: 89; 2011: 91, 94 и др.).

Абсолютное большинство памятников с гребениковским и кукрекским инвентарем в Северо-Западном Причерноморье представлено коллекциями кремня, собранными на поверхности, поэтому их состав может иметь вполне случайный характер, а сами материалы — разновременную и разнокультурную принадлежность. Поэтому до сих пор не создано единой убедительной хронологической шкалы позднемезолитических памятников, причиной чего является также малое количество датированных материалов, и те противоречивые. Например, по данным палинологии (Пашкевич 1982; Станко 1982: 100—101) и четырех новых радиоуглеродных дат (Біаджі, Станко, Кіосак 2008: 34—35, табл. 1), Мирное датируется бореалом, хотя еще одна полученная раньше дата указывает на атлантический период его существования (Станко, Свеженцев 1988: 119).

Молдавские археологи в развитии позднего мезолита Республики Молдова выделяют два этапа (Борзияк 1997; Коваленко, Цой 1999), хотя их взгляды на культурно-исторические процессы в позднем мезолите региона не совпадают. В частности, И. А. Борзияк считал, что уже с начала позднего мезолита носители традиций анетовской (кукрекской) и гребениковской культур вступили в непосредственный контакт, а их дальнейшее совместное развитие привело к возникновению синкретических комплексов (Фрумушика, Мирное) и созданию долговременных поселений с элементами производящего хозяйства. На заключительном этапе, который фиксируется памятниками Сороки 2, слой 3, Лазо 5 и Лазовск 13, уже распространяются инновации, характерные для процесса неолитизации (Борзияк 1997: 3—24). Выделяют также «памятники переходного типа» (Ларина и др. 1997: 84, 93; Коваленко, Бодян 1999: 47), которые, сохраняя хронологическую близость к финальному мезолитическим, отмечаются определенными неолитическими чертами. К таковым, прежде всего, относят Цариград 2, небольшие раскопки которого дали значительную коллекцию кремневого инвентаря и 6 обломков керамики с растительной примесью. Заключение о датировке поселения рубежом мезо-неолитической эпохи сделано на основе анализа кремневого инвентаря (Ларина и др. 1997: 93). Впрочем, наличие керамики (к сожалению, не стратифицированной и культурно не определенной) позволяет исследова-

телям говорить даже о раннеолитическом возрасте памятника (Ларина и др. 1997: 93). Кстати, Л. Л. Зализняк, сопоставив кремневые комплексы Добрянки 2 и Цариграда 2, пришел к выводу о сходстве последнего и добрянских раннеолитических стоянок (Зализняк, Панченко 2007: 10—12).

Развернутую периодизацию памятников мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья, в которой часть гребениковских памятников датирована ранним мезолитом, другая часть — поздним мезолитом и даже ранним неолитом, предложил И. В. Сапожников (Сапожников, Сапожникова 2005: 89, 91, 92; 2011: 98—100). Некоторые положения этой схемы, в частности, датировка всего кремневого инвентаря и керамики стоянок Гиржево (укр. Гиржеве) и Карпово (укр. Карпове) ранним неолитом, вызывает сомнения.

Мезо-неолитическая стоянка Гиржево, вокруг которой идет больше всего научных дискуссий, является одной из наиболее исследованных в Северо-Западном Причерноморье (Станко 1965; 1966; 1967). Она стратифицированная. По данным В. Н. Станко, нижний мезолитический слой залегал в толще делювиального суглинка, верхняя часть которого была разрушена пахотой, а верхний неолитический слой, содержащий керамику самчинского типа и часть кремневых изделий, в том числе и трапеции со строгаными спинками, залегал в почве и подпочве (Станко 1966: 97, 102). Зато В. Ф. Петрунь, исследовавший стратиграфию стоянки, первоначальное заселение стоянки мезолитическими охотниками связывал с началом формирования голоценового грунта (Петрунь 1967). Как и на большинстве гребениковских памятников, здесь присутствует относительно небольшая кукрекская примесь (3 карандашевидных нуклеуса, 1 кукрекский вкладыш и серия пластинок с притупленным краем) (Станко 1966: 97, 100, 102, рис. 1 и 2). Нижний культурный слой В. Н. Станко отнес к мезолитической гребениковской культуре; неолитическую керамику верхнего слоя и высокие трапеции, часть которых оформлена крутой притупляющей ретушью, а другая часть — плоской ретушью, заходящей на спинку, а также трапеции со строганой спинкой исследователь отнес к самчинской фазе БДК (Станко 1965: 7; 1966: 102; 1967: рис. 2: 77—99; 10: 1—7; 1982: 109). К гребениковской культуре относит нижний слой стоянки и большинство других специалистов (Телегин 1982; Зализняк 2005; Смольянинова 1990; Нужный 2008).

Культурную и хронологическую неоднородность кремневого инвентаря стоянки дока-

зал Д. Ю. Нужный, изучая геометрические микролиты. Основную группу трапеций он отнес к гребениковской культуре, а меньшую — к поздне-неолитическому времени (Нужный 2008: 63). Анализируя трапеции из Гиржево, к таким же выводам пришла С. П. Смольянинова (2003—2004). Среди 224 трапеций и их обломков она выделила две типологические группы, отличающиеся между собой по характеру обработки, размерам и форме. К первой из них она отнесла абсолютное большинство изделий, оформленных преимущественно мелкой притупляющей ретушью, которые продатирует мезолитом. Вторая группа, состоящая из 6 трапеций со строгаными спинками и еще 10 изделий, оформленных крупной приостряющей ретушью, продатируется финальной частью неолита. От мезолитических микролитов они отличаются не только характером обработки, но и своими большими размерами и большей симметрией (Смольянинова 2003—2004: 264—265).

Отнесение Гиржево к раннему неолиту И. В. Сапожниковым основывается на нескольких радиоуглеродных датах, полученных по образцам керамики (табл. 3) и находках трапеций со строгаными спинками. Между тем, В. Даниленко однозначно указывал, что неолитическая керамика стоянки типологически принадлежит к кругу памятников самчинского типа. Также самчинским временем датирует эту керамику Д. Л. Гаскевич (2010: 229). Поэтому, в соответствии с общей периодизацией БДК, она может датироваться средним, но не ранним неолитом. Я же хочу обратить внимание на сходство керамики Гиржево и поздне-неолитических савранских памятников Степного Побужья и не исключаю возможной датировки этой керамики савранским периодом БДК. К примеру, соотношение савранской керамики и трапеций со строгаными спинками зафиксировано для верхнего слоя Гарда, поздне-неолитических поселений Пугач 1, Гард 3, Миколина Брояка (Товкайло 2005: 26) и верхнего слоя Добрянки 3 (Залізняк и др. 2013: рис. 21, 19, 20). Такие трапеции появляются только в позднем неолите (Даниленко 1969: 154—155; Нужный 2008: 73). Их распространение в степной зоне Южного Буга, то есть на восточной периферии БДК, сопровождалось углублением связей с населением Среднего Приднепровья и Надпорожья и усилением влияния со стороны поздней сурской и ранней азово-днепровской культур, в кремневых комплексах которых трапеции со строгаными спинками занимают почетное место (Товкайло 1990: 49—54; 1998).

Итак, в случае с Гиржево налицо противоречие между хронологическими данными, полученными на основе типологического и физического методов. При таких обстоятельствах, по моему мнению, приоритет следует отдавать данным археологической науки.

Что касается стоянки Карпово, то она известна по сборам на поверхности микролитического кремня, насчитывающего 1464 изделия, находками двух невыразительных, вероятно, неолитических фрагментов керамики с растительной примесью, керамики трипольского времени и поздней бронзы (Красковский 1976; 1978: 57—58; Сапожников, Сапожникова 2005; 2011; Киосак 2013). Прежде всего, замечу, что стратиграфия стоянки фактически не исследована, соотношение кремневого инвентаря и неолитической керамики не прослежено, керамика же является маловыразительной, ее культурная принадлежность и датировка не установлены. Кремневый инвентарь стоянки неоднородный, какая-то его часть отличается от основной массы и, возможно, не относится к основному комплексу памятника (Киосак 2013: 286—287). Нуклеусы призматические, плоские и карандашевидные. Набор геометрических микролитов состоит из симметричных и нескольких асимметричных трапеций, двух трапеций со строгаными спинками, параллелограмма, двух сегментов, треугольника. Среди негеометрических микролитов выделяются пластинки и микропластинки с притупленным краем, микроострия со скошенным концом (Сапожников, Сапожникова 2011: 100), микрорезцы и пластинки со скошенным ретушью концом. Среди других изделий с вторичной обработкой распространены микроскрёбки на пластинках и отщепках, овальные, округлые, подокруглые, концевые и боковые скрёбки на отщепках, концевые скрёбки и боковые на пластинках, ножевидные пластинки с ретушью, проколки, пластинчатые резцы и пластинки с выемками.

Между тем, в условиях отсутствия четкой стратиграфии и выразительных критериев разделения поздне-мезолитических и ранне-неолитических памятников на базе кремневого инвентаря, маловыразительности керамики, когда ее культурную принадлежность и датировку невозможно определить, было предпринято несколько попыток интерпретации этого памятника. В. И. Красковский датировал его поздним мезолитом (Красковский 1976: 161; 1978: 58). В. Н. Станко и Д. Я. Телегин относили Карпово к гребениковской культуре (Станко 1982; Телегин 1982: 92). Впоследствии В. Н. Станко выделил ее в особый

мезо-неолитический тип памятников (Stanko, Kiosak 2010: 71; Киосак 2013: 290). И. В. Саожников относит кремневый инвентарь Карпово и Гиржево к гребениковской культуре, но уже «неолитической» фазы развития, и рассматривает эти памятники в рамках раннего периода степного варианта БДК (Саожников, Саожникова 2011: 49, 99—101). По его убеждению, кремневый инвентарь всех памятников степного варианта сформирован на базе гребениковских традиций (Саожников, Саожникова 2011: 101). Д. В. Киосак относит стоянку к позднему мезолиту и раннему неолиту, но при этом сопоставляет ее с поздне-неолитическими поселениями Степного Побужья, такими, как Гард, Гард 4, Пугач (Киосак 2013: 290).

В последнее время количество памятников мезо-неолитического времени в степной зоне возросло. Все они расположены к востоку от Днестра на малых степных реках Кучурган (левый приток Днестра), Малый Куяльник и Свиная (обе впадают в Хаджибейский лиман). Прежде всего, это исследованные при слиянии Большого и Малого Куяльников и опубликованные И. В. Пиструилом стоянки Катаржино (укр. Катаржине) 1 и 2 с кремнем смешанного гребениковско-кукрекского типа и немногочисленными маловыразительными находками керамики. Архаический вид керамики обеих стоянок позволил исследователю связать ее с кремневыми комплексами (Пиструил 2011: 175, 177; 2013: 155). Отдельные обломки керамики вместе с кремнем микролитического типа найдены недавно в долине р. Кучурган и Свиной (Киосак 2011; 2013). По мнению Д. В. Киосака, материалы «степного неолита» могут составлять особую мезо-неолитическую группу памятников, подобную памятникам Цариград II и Биличений Векъ XII, расположенным в лесостепной части Республики Молдова (Киосак 2013: 292—293).

Конечно, дальнейшие исследования смогут прояснить характер мезо-неолитических памятников, расположенных в междуречье Днестра, Малого Куяльника и Хаджибейского лимана. Как представляется, большая часть кремневого комплекса Гиржево, Карпово, Катаржино 1 и 2 датируется поздним мезолитом, о чем свидетельствует также расположение этих памятников на высоких террасах, далеко от русел рек, тогда как все известные ранне-неолитические поселения Поднепровья и Побужья расположены у воды, на низких надпойменных террасах или островах крупных рек. Расселяться на малые реки и осваивать верхние ярусы рельефа, а именно, приво-

дораздельные участки высокого коренного берега, неолитические поселенцы начали только на позднем периоде своего развития (Товкайло 2005: 14). Поэтому меньшая часть кремневого инвентаря Гиржево и Карпово, что включает в себя трапеции со строгаными спинками, может иметь отношение именно к позднему, савранскому периоду БДК и датироваться не ранним, а поздним неолитом. И пусть нас не вводят в заблуждение ранние даты керамики Гиржево, которые следует признать ошибочными. Итак, стоянки Гиржево и Карпово являются многослойными памятниками, которые заселялись или посещались в разные исторические периоды — в эпоху позднего мезолита, позднего неолита, энеолита и поздней бронзы. На атрибуцию культурных отложений неолитического времени прямо указывает часть кремневого комплекса этих памятников и керамика Гиржево — это поздне-неолитические памятники буго-днестровской культуры на позднем, савранском этапе их развития. Они возникли в результате расселения поздне-неолитического населения из Степного Побужья в степную зону Хаджибейско-Днестровского региона. Вероятно, это касается и Катаржино 1, 2, и других памятников, известных по сборам микролитического кремня и невыразительных фрагментов неолитической керамики.

Территория между Карпатами и Днестром (румунская Молдова и Пруто-Днестровское междуречье) в раннем неолите стала крайней северо-восточной периферией большой этнокультурной общности Караново I—II — Старчево — Кёреш — Криш. Возникнув в узком ареале, эти культуры быстро распространились в разных направлениях и в первой половине VI тыс. до н. э. охватили широкие области Балкан, Среднего и Нижнего Подунавья, Трансильванию, а на востоке Румынии вышли за пределы Карпатской дуги (Quitta 1971: 54, 55; Lazarović 1979; Srejić 1988: 15, 17; Титов 1996: 193), причем распространение этой первой неолитической цивилизации между Карпатами и Днестром произошло уже на позднем этапе ее развития (Ursulescu 2000: 139).

На территории Румынии памятники культуры Криш хорошо исследованы: открыто более 50 местонахождений, многие из них раскопаны стационарно (Валя Лупулуй, Сучава, Трестиана и др.). Менее исследованы кришские памятники в междуречье Прута и Днестра, где носители культуры Старчево-Криш вступили во взаимодействие с местными финально-мезолитическими племенами Поднепровья и Побужья.

Результатом этого процесса стало распространение в Буго-Днестровском междуречье новых прогрессивных форм хозяйствования и образования раннеолитической буго-днестровской культуры. Из открытых в лесостепной зоне Республики Молдова более 10 поселений культуры Криш (Маркевич 1973: 22; Борзияк, Дергачев 1980: 36—37; Ларина и др. 1997: 70—73), наиболее исследованным является эпонимное поселения Сакаровка 1 (Dergachev, Sherratt, Larina 1991; Larina 1994a; 1994b; Дергачев 1999).

На территории между Карпатами и Днестром исследователи отмечают три варианта культуры Криш: южнотрансильванский, северотрансильванский и восточнотрансильванский (последний располагается между Прутом и Днестром), возникшие в результате неоднородности процесса неолитизации этого региона (Ursulescu 2000: 139—140). По мнению молдавских ученых, группа Сакаровка является синкретическим явлением, возникшим в результате смешения культурных традиций (и, соответственно, носителей этих традиций) пришельцев с запада и местного населения при ведущей роли «кришского» элемента (Ларина 1999: 98; Larina 1994: 51—66), а происхождение этих памятников связывают с переселением группы носителей кёрешско-кришских традиций из Трансильвании и верховьев Тисы (Дергачев 1999: 175).

В развитии культуры Старчево-Криш на территории Молдовы румынские ученые выделяют три фазы (I—III), которые соответствуют подфазам IIIb, IVa и IVb общей периодизационной системы В. Милойичича, адаптированной для Румынии Г. Лазаровичем (Milojčić 1949: 70—71; Lazarović 1979: 39—56, tab. 6; Ursulescu 2000: 210). В течение подфазы IIIb (фаза Глэвэнештий Векь по Е. Комше), общины этой культуры распространились на всю территорию Молдовы, а в зоне между Прутом и Днестром они установили прямые контакты с населением II (соколецкой) фазы БДК, что привело к смешению восточных буго-днестровских и западных кришских элементов, при преобладании первых из них (Comşa 1971: 385—386; 1978: 34—35; 1987: 28—30; Ursulescu 2000: 93, 136, 210; 2001: 62—63).

Подфаза IVa (фаза Валя Лупулуй по Е. Комше) — это время расцвета и распространения культуры Старчево-Криш на территории Молдовы (Ursulescu 2000: 94, 136, 210) и, одновременно, сильного влияния этой культуры в Поднепровье. Это время существования Сакаровки 1 и большинства поселений этого типа в Пруто-Днестровском междуре-

чье. На Днестре с ними синхронизируются буго-днестровские поселения третьей фазы, на Южном Буге — памятники печерской фазы (Comşa 1971: 386; 1978: 34, 35; 1987: 30; Ursulescu 2000: 94, 136, 210; 2001: 63).

Подфазой IVb, или финальным этапом фазы Валя Лупулуй (Comşa 1978: 31), которая синхронизируется с IV (самчинской) фазой БДК, эволюция культуры Старчево-Криш в Молдове завершается (Comşa 1971: 386; 1978: 31; Ursulescu 2000: 94, 211; Ларина 1999: 105).

Расселение кришских неолитических общин в Пруто-Днестровское междуречье началось еще в третьей фазе культуры Старчево-Криш (Вишоара), однако большинство памятников этого региона, в том числе и Сакаровка 1, которую исследователи сопоставляют с румынским поселением Валя Лупулуй, отнесено к финальной, четвертой фазе этой культуры.

Сравнение кришской и буго-днестровской керамики показывает, что возникновение керамического производства БДК произошло под непосредственным влиянием культуры Криш, ведь, кроме следов кришских воздействий, на всех раннеолитических поселениях Днестра (Сороки 1, слой 1б; Сороки 2, слой 1; Сороки 3) и многих поселениях лесостепного Побужья (Печера, Сокольцы 1, 2, 6, Митьков Остров и др.) обнаружено большое количество кришских керамических импортов, которые и стали основанием для синхронизации этих культур. Также, буго-днестровская посуда обнаружена и на кришских поселениях (Сакаровка 1 и др.). Понятно, что в зоне контактов культуры Криш и БДК зафиксировано наибольшее количество свидетельств их взаимопроникновения, что в свое время отмечал и В.И. Маркевич (1974: 134, табл. 2), и чем дальше на восток и запад от Днестра, таких свидетельств будет все меньше, примером чему является отсутствие кришской импортной посуды на наиболее удаленных от Днестра раннеолитических поселениях Гард и Добрянка 1—3 (Товкайло 2010).

Сложнее обстоит дело с каменной индустрией. Как объяснить то, что во времени формирования керамического производства в Поднепровье и Побужье мы имеем различные типы кремневой индустрии? Ведь, как показывают материалы нижнего слоя Сороки 2, становление бескерамического неолита в Поднепровье происходило на синкретической гребениковско-кукрекской основе, но на стадии раннего неолита с керамикой (этапы 2 и 3) кукрекская составляющая уже не прослеживается. Такая ситуация вызвала различ-

ную трактовку генезиса сорокской группы памятников. Их происхождение В. И. Маркевич связывал с исследованными А. П. Чернышом (1975) на Среднем Днестре мезолитическими памятники Атаки 6 и Оселевка (укр. Оселівка) (Маркевич 1974: 131). На необоснованность такого утверждения указал Д. Я. Телегин, который находил генетические истоки сорокских докерамических и керамических стоянок среди фрумушикской группы мезолитических стоянок (Телегин 1977: 91). Но и такое сопоставление не было продуктивным, поскольку Фрумушика содержит значительную кукрекскую составляющую, чего нельзя сказать о раннеолитических памятниках Днестра. Позже в качестве генетической подоплеки днестровского варианта БДК стали рассматривать верхнеднестровские памятники типа Раделичи (укр. Раделичі) 4 (Конопля 1996: 21), которые по составу кремневого инвентаря мало чем отличаются от гребениковских. Эту версию поддержали Д. Гаскевич (2002: 98) и Л. Зализняк (2005: 95, 127). Очевидно, ответ на этот вопрос следует искать в характере взаимоотношений культуры Криш и местного мезолита, Криш и БДК, учитывая глобальные процессы неолитизации, охватившие Юго-Восточную Европу, в том числе и Северо-Западное Причерноморье, Поднестровье и Побужье, в VIII—VI тыс. до н. э.

6. Процессы неолитизации в Среднем Поднестровье, Побужье и Северо-Западном Причерноморье

Исследователи культуры Криш в Румынии допускают возможное участие в ее образовании местных тарденуазских объединений, хотя изучение типичных изделий Криш не выявляет никаких элементов традиции тарденуазцев (Comşa 1978: 32—33; Ursulescu 2000: 102). При отсутствии следов контактов между тарденуазскими и кришскими общностями, Е. Комша пришел к выводу, что территория между Прутом и Восточными Карпатами должна была обжита населением, которое отличалось от предшествующего, а неолит Молдавии не был плодом какого-то долгого процесса, а скорее результатом быстрого становления в этой провинции объединений, принадлежавших пришлой неолитической культуре (Comşa 1978: 32—33). Не прослежена генетическая связь между гребениковской и кришской культурами и на поселении Саратены в Нижнем Попрутье, где, кроме гребениковских, залегали и материалы культуры Криш (Коваленко, Кетрару 1997: 58).

Так же, в кремневом инвентаре кришских поселений Пруто-Днестровского междуречья отсутствуют и признаки кукрекских воздействий. Возможно, причиной отсутствия следов взаимоотношений между позднемезолитическими и кришскими раннеолитическими жителями на территории между Днестром и Прутом являются очень быстрые темпы процессов неолитизации. Ведь, как показывают новейшие радиоуглеродные даты, полученные с раннеолитических поселений Трансильвании, неолитизация Балканского полуострова произошла быстро и без каких-либо очевидных препятствий — широкую территорию, от долины Вардара в Македонии и Струмы в Болгарии до Великой Венгерской равнины и Трансильвании в Румынии, первые земледельцы пересекли достаточно быстро, в течение последних двух веков VII — первого века VI тыс. cal. BC (Biagi, Shennan, Spataro 2005: 45, fig. 5a, 5b). Перевалив через Восточные Карпаты, в течение следующих нескольких веков они не только достигли долины Днестра, но и втянули в орбиту своего влияния финально-мезолитическое (прото-неолитическое) население Поднестровья и Побужья, ускорив, таким образом, неолитизационные процессы в этом регионе и обеспечив окончательный переход к неолиту (Товкайло 2010: 217—218).

Еще В. И. Маркевич, сравнивая бескерамические комплексы сорокской группы и мезолитических памятников гребениковского и кукрекского типов Днестро-Прутского междуречья и прилегающих территорий, отмечал значительные различия и отсутствие генетических связей между ними, хотя и признавал слабое кукрекское влияние, которое он наблюдал в кремневом инвентаре нижнего слоя Сороки 3 (Маркевич 1974: 131, 156—157). Зато исследователь предполагал родство сорокского комплекса с мезолитическими памятниками типа Атаки-Оселевка (Маркевич 1974: 131, 157). Вместе с тем, существование на юге Балканского полуострова раннеолитических комплексов без керамики, сходство бескерамических комплексов днестровского варианта БДК с материалами бескерамического слоя пещеры Цервена Стена и открытых в районе Железных ворот на Дунае, как первоначально считалось, прото-неолитических поселений типа Лепенский Вир, позволили В. И. Маркевичу (1974: 132—133, 157) высказаться в пользу существования связей между ними и сделать предположение, что неолитическое влияние проникло в Днестро-Прутский регион с Балканского полуострова.

Концептуально основные положения процесса неолитизации Северо-Западного Причерноморья разработаны в ряде работ Л. Л. Зализняка, часть которых написана в соавторстве с коллегами. Суть этой концепции заключается в следующем. Неолитизация Европы началась с распространения в VIII тыс. до Р.Х. на территории Греции, побережье и островах Восточного Средиземноморья протонеолитической совершенной отжимной техники обработки кремня, которой свойственны правильные пластинки, серии трапеций и пластинки с глубокими выемками (анкоши). В течение следующих VII—VI тыс. до н.э., она охватила все побережье Западного Средиземноморья (капсийская культура Алжира и Марокко, мезолит Каталонии и Прованса). Как минимум в середине VII тыс. до н.э. эта технология расщепления кремня распространилась и на территорию Северо-Западного Причерноморья вместе с населением поздне-мезолитической гребениковской культуры, генетические корни которой Л. Л. Зализняк находит в Балкано-Дунайском регионе. Здесь гребениковские мигранты смешались с автохтонным кукрекским населением, и именно на этой синкретической основе уже в VI тыс. до н.э. под влиянием культуры Криш возникает буго-днестровская неолитическая культура.

Еще до распространения керамики эта протонеолитическая миграционная волна середины VII тыс. до н.э. с Балкано-Дунайского региона достигла Подунавья (Лепенский Вир), территории Румынии (Рипичень, Извор, Лапош), Нижнего (Гребеники), Среднего (докерамические слои Сорок) и Верхнего Днестра (Раделича, Мшана 10) и даже Приазовья (Каменная Могила, Матвеев Курган близ Таганрога). Совершенная техника отжима правильных пластинок с уплощенных нуклеусов и многочисленные трапеции характерны и для докерамического неолита Фессалии (Аргисса, Сескло, Неа Никомедия). Она также присуща раннекерамическому неолиту Балкано-Дунайского региона второй половины VII — начала VI тыс. до н.э. (культуры Старчево, Криш, Кёрёш, Караново).

Вслед за протонеолитической гребениковской накатилась новая волна уже неолитических мигрантов — культура Криш, которая существенно повлияла на формирование БДК (Зализняк 1998: 183; Зализняк, Манько 2004: 145; Зализняк 2005: 94—95, 104; Зализняк, Товкайло, Журавльов 2005: 103—104; Зализняк, Товкайло 2007: 151—153; Зализняк и др. 2013: 250, 251, 253).

Следовательно, становление ранне-неолитических обществ в Северо-Западном При-

черноморье, Поднестровье и Побужье вписывается в общую картину процесса неолитизации Юго-Восточной Европы. В середине — второй половине VII тыс. до н.э. на территорию Северо-Западного Причерноморья вместе с населением поздне-мезолитической гребениковской культуры распространяется протонеолитическая совершенная отжимная техника обработки кремня. Здесь гребениковские мигранты смешались с автохтонным кукрекским населением, в результате чего появились так называемые «синкретические» памятники типа Мирное, со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем. Впоследствии именно на этой синкретической основе, также под влиянием протонеолитического населения с Балкано-Дунайского региона, появляются памятники бескерамического неолита, которые от предыдущего времени отличаются первыми признаками производящего хозяйства — использованием домашних животных, стационарными поселениями с жилищами, расположенными вблизи рек на надпойменных террасах. Такими поселениями на Днестре являются, прежде всего, Сороки 2, слой 3, на Южном Буге — Зяньковці (укр. Заньківці).

Во второй четверти — середине VI тыс. до н.э. территорию между восточными отрогами Карпат и Днестром заселяют раннеземледельческие племена культуры Криш, которые в Поднестровье сталкиваются с местным протонеолитическим населением. В результате взаимоотношений между обеими группами населения, при доминирующем влиянии культуры Криш, в Днестро-Бугском междуречье возникает керамическое производство, значительные изменения претерпевает кремневый комплекс и распространяются новые формы производящего хозяйства. Очень быстро, уже во второй четверти — середине VI тыс. до н.э., неолитизационные процессы достигают Степного Побужья (Гард) и верховьев Синюхи (Добрянка 1—3).

Поскольку Днестр стал восточной границей расселения кришских общин, эти изменения наиболее чувствительными были в Поднестровье, менее выразительны же они в Лесостепном Побужье и еще в меньшей степени прослеживаются в Степном Побужье. Это очень отчетливо проявляется на керамике: по мере удаления от Днестра, зоны непосредственных контактов между буго-днестровскими и кришскими общинами, количество импортной кришской посуды уменьшается, а на наиболее удаленных от Днестра ранне-неолитических поселениях Гард и Добрянка 1—3 такая посуда вообще от-

сутствует. По моему мнению, этим можно объяснить и исчезновение кукрекских черт в кремневом инвентаре днестровских памятников одновременно с возникновением первой керамики. Зато в Лесостепном и Степном Побужье смешанный кукрекско-гребениковский инвентарь бытует и в дальнейшем, в течение всего раннеолитического периода (скибинецкая, соколецкая и печерская фазы по Даниленко) и теряет свои кукрекские черты лишь во время перехода к самчинской фазе. Такую поэтапность изменений кремневого инвентаря буго-днестровских памятников по мере удаления от Днестра наблюдал и Д. Л. Гаскевич, объясняя это постепенностью процесса неолитизации, распространявшегося с запада на восток (Гаскевич 2005: 33—34).

7. Хронология и периодизация памятников

Прежде всего, кратко остановлюсь на существующих периодизационных схемах БДК, созданных разными авторами. Первую из них предложил в 1960-х годах В. Н. Даниленко, который в развитии БДК выделил семь культурно-хронологических фаз: заньковецкую (бескерамический неолит), скибинецкую и соколецкую (ранний неолит), печерскую и самчинскую (развитый неолит), савранскую и хмельникскую (поздний неолит) (Даниленко 1962: 23—24; 1969: 149—157, 216—218).

В. И. Маркевич в развитии БДК Поднестровья выделил пять последовательных хронологических фаз, соответствующих скибинецкой, соколецкой, печерской, самчинской и савранской фазам БДК Южного Буга. Отсутствие на Днестре памятников, которые бы соотносились со скибинецкой и хмельникской фазами, В. И. Маркевич объяснял особенностями местного неолита, период существования которого он определял в хронологических рамках середины VI — конца V тыс. до н.э. (Маркевич 1974: 131—141).

Свой взгляд на периодизацию БДК выразила Р. Трингхем, которая выделила три периода, синхронизируя их с культурами Криш, КЛЛК и Прекукутень III — Триполье А (Tringham 1971: 97, 98, 101, 167—168).

С критикой периодизационных схем В. Н. Даниленко и В. И. Маркевича выступил также Д. Я. Телегин, который, отрицая хронологическое членение досамчинских памятников на две (Маркевич) или три (Даниленко) фазы и выделение хмельникской фазы, предложил свою схему из трех основных этапов: раннего (досамчинского), среднего (сам-

чинского) и позднего (савранского) (Телегин 1977: 90).

После исследований в степной зоне Южного Буга я также предложил периодизацию позднеолитических памятников этого региона с выделением трех последовательных этапов (Товкайло 2005: 36—44).

В 1998 г. Киевской лабораторией Института геохимии и физики минералов НАН Украины по образцам из кости и рога было проведено изотопное датирование буго-днестровских комплексов с территории Украины, на основании которого время существования памятников БДК на Южном Буге определено хронологическими рамками середины VII — середины VI тыс. до н.э. (Видейко, Ковалюх 1998: 65—66). Опираясь на новые радиоуглеродные даты и собственное понимание стратиграфии Базькова Острова, Н. С. Котова предложила разделить БДК на два периода, из них первый период продатиrowала 6400—5900 гг. до н.э., второй — 5900—5300 гг. до н.э. (Котова 2002: 9—24). Первый период (памятники типа Печеры) исследовательница синхронизирует с III—II слоями поселения Донья Браньевина, вторым слоем Гура Бачулуй и слоем 3-а Лепенского Вира, а второй период, то есть памятники типа Самчинцы (Самчынцы) и Саврань — с культурой Криш-Старчево-Керёш (Котова 2002: 39), что противоречит имеющимся археологическим данным. Ведь раннеолитические памятники Южного Буга являются синхронными памятникам III-й и IV-й фаз культуры Старчево-Криш в Молдове, но в любом случае они не могут быть более ранними, как это утверждает Н. С. Котова. По Н. С. Котовой получается, что бугские памятники с кришскими чертами, которые, по ее определению, датируются 6400—5900 гг. до н.э., являются более ранними, чем ранний расписной и монохромный периоды культуры Старчево, или более ранними, чем культуры Пресескло и Импрессо А. Конечно, этого не может быть, ведь пальцевые зацепы и отпечатки ногтя, которые являются одним из определяющих признаков культур Старчево-Криш, в неолите материковой Греции впервые фиксируются в Пресескло (Титов 1969: 112, рис. 48: 7; Srejović 1988: 15, 17), тогда как в бассейн Днестра и Южного Буга эти элементы орнамента попали значительно позже в процессе расселения кришских общин на территорию Пруто-Днестровского междуречья. В результате имеем несоответствие новых радиоуглеродных дат БДК с датами для кришской, линейно-ленточной и раннетрипольской культур. Формальное применение новых радиоуглеродных дат без учета

всего комплекса археологических данных породило и другую проблему, которая заключается в противоречии этих дат данным хронологии, полученным на основе традиционных археологических методов, в частности, относительной хронологии. Хронологические построения Н.С. Котовой и ее концепция неолитизации Украины не были восприняты многими специалистами по неолитической проблематике и вызвали заслуженную критику (Телегин, Титова, Пустовалов 2005; Товкайло 2004а; 2004б; 2005; Гаскевич 2005; 2007; 2012; Залізник 2005; Залізник, Панченко 2007; Залізник, Товкайло 2007 и др.).

В середине 1990 годов в Лаборатории радиоуглерода Института физики в г. Гливице (Польша) были получены даты для ранне-неолитического поселения Сороки 3, которые также выходят за рамки хронологии неолита Пруто-Днестровья (Ларина и др. 1997: 109).

Впоследствии по образцам керамики и кости было получено несколько дат Добрянки 3 (Залізник, Манько 2004), по образцам керамики — Гиржево (Манько 2006).

В 2008 г. в Киевской радиоуглеродной лаборатории по образцам керамики, кости и грунта из поселения Гард Н. Ковалюх получил ряд новых дат (Товкайло 2010). Отобранные на анализ образцы керамики происходят из нижнего и верхнего неолитических слоев поселения и принадлежат к разным типологическим группам: Ki-14790 — к первой группе, а Ki-14789 — ко второй группе ранне-неолитической керамики; Ki-14791 — к группе 1а, Ki-14792 — к группе 1в, Ki-14793 — ко второй группе поздне-неолитической керамики. Образцы Ki-14794 и Ki-14795 относятся к кухонной и столовой керамике культуры Прекукутень III-Триполье А, материалы которой залегают в верхнем неолитическом слое. Еще две даты (Ki-14796 и Ki-14797), вероятно, относятся к могильнику, залегающему под ранне-неолитическим слоем (табл. 3). Новые даты Гарда поставили под сомнение радиоуглеродное датирование буго-днестровских памятников, проведенное в этой же лаборатории ранее, по которому синхронные ранне-неолитическому горизонту Гарда памятники (Базьков Остров, Соколыца, Печера, Добрянка и др.) выглядят старше на полтысячи и более лет. С другой стороны, они более-менее коррелируют с датировкой культур Старчево-Криш, КЛЛК и Прекукутень III-Триполье А. Поэтому появление новых радиоуглеродных дат БДК свидетельствует о начале преодоления существующих хронологических противоречий.

Сейчас по образцам кости, угля и керамики проведено изотопное датирование 17 ком-

плексов буго-днестровской культуры и получено 48 радиоуглеродных дат (табл. 3).

Последняя из периодизационных схем неолита Северо-Западного Причерноморья принадлежит И.В. Сапожникову (Сапожников, Сапожникова 2005: 89, 91, 92; 2011: 98—100). Хочу высказать несколько замечаний к представленной этим исследователем хронологии памятников, которая также основывается на недостоверных и крайне противоречивых радиоуглеродных датах Киевской лаборатории и некоторых утверждениях Н.С. Котовой. К периоду докерамического или бескерамического неолита он отнес хорошо выраженные кукрекские памятники без керамики Абузова Балка, Траповка (укр. Трапівка), Конецполь (укр. Кінєцьпіль), Синюхин Брод (укр. Синюшін Брід) и др., хотя и оговорился, что некоторые из них могут оказаться и более ранними, то есть мезолитическими (Сапожников, Сапожникова 2011: 45), на том основании, что в кремневом инвентаре Абузовой Балки определены трасологически вкладыши серпов, а вкладыши к охотничьему оружию составляют всего 4,6—4,7% от общего состава выделенных на стоянке орудий труда, тогда как на Мирном, более раннем, чем Абузова Балка, их насчитывается 21,4% (Сапожников, Сапожникова 2011: 95). При этом делается вывод о том, что «для докерамического и ранних керамических фаз бугско-го варианта БДК присущ кукрекский кремневый инвентарь с незначительным включением трапеций, среди которых преобладают асимметричные, которых нет в ранних гребениковских памятниках» (Сапожников, Сапожникова 2011: 97). Прежде всего, отмечу, что Мирное исследовано стационарными раскопками, тогда как на Абузовой Балке материалы собраны на поверхности в разное время и разными исследователями, поэтому здесь выборка тех или иных категорий инвентаря может иметь вполне случайный характер, а сами орудия — разновременную и разнокультурную принадлежность, чего не исключает и сам автор (Сапожников, Сапожникова 2011: 134). Во-вторых, утверждение о преобладании в докерамической фазе асимметричных трапеций не соответствует действительности — все трапеции единственного в Побужье бескерамического слоя Зяньковцев и бескерамического слоев Сороки 1 и 2 являются симметричными (Даниленко 1969: рис. 48; Маркевич 1974: рис. 8: 7, 8, 10—14; 33: 1—4; 41: 1—4). Что касается ранних керамических фаз, то и здесь абсолютно преобладают симметричные трапеции, ярким примером чего является ранне-неолитический слой поселения Гард (Товкайло

Таблица 3.

Абсолютные даты буго-днестровской культуры

Памятник	Индекс	BP	cal. BC	Материал	Источник
Даты, полученные до 1998 г.					
Сороки 2, слой 1	Bln-586	6825±150	5693±134	Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 2, слой 2	Bln-587	7420±80	6262±92	Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 2, слой 3	Bln-588	7515±120		Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 5	Bln-589	6495±100	5409±89	Уголь	Долуханов, Тимофеев 1972
Сороки 3	Gd-11297	8430±90	7510— 7410	Ракушка <i>Unio</i>	Ларина и др. 1997
Пугач 2	Ki-3030	5920±61	4790±80	Уголь	Телегин 2004
Даты, полученные в 1998 г. и после					
Гард 3	Ki-6687	6640±50	5531±41	Кость	Telegin et al. 2000
Гард 3	Ki-6655	6930±55	5761±68	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6678	6520±60	5465±62	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6679	6560±50	5473±41	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6657	6810±60	5644±47	Кость	Telegin et al. 2000
Пугач 2	Ki-6656	6895±50	5728±57	Кость	Telegin et al. 2000
Саврань	Ki-6653	6920±50	5748±62	Кость	Telegin et al. 2000
Саврань	Ki-6654	6985±60	5806±77	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, верхний слой	Ki-8169	6580±80	5498±58	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, верхний слой	Ki-8168	6720±70	5581±59	Кость	Telegin et al. 2000
Миколина Бряка	Ki-8171	6520±70	5439±75	Кость	
Базьков Остров, нижний слой	Ki-6696	7215±55	6033±61	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, нижний слой	Ki-8167	7270±70	6089±66	Кость	Telegin et al. 2000
Базьков Остров, нижний слой	Ki-8166	7410±65	6253±86	Кость	Telegin et al. 2000
Митьков Остров, нижний слой	Ki-6695	7375±60	6144±85	Кость	Telegin et al. 2000
Пещера, нижний слой	Ki-8164	7205±70	6032±70	Кость	Котова 2002
Пещера, нижний слой	Ki-6692	7260±65	6078±64	Кость	Telegin et al. 2000
Пещера, нижний слой	Ki-6693	7305±50	6108±53	Кость	Telegin et al. 2000
Сокольцы 1, нижний слой	Ki-8165	7260±80	6081±73	Кость	Telegin et al. 2000
Сокольцы 2, нижний слой	Ki-6698	7405±55	6242±81	Кость	Telegin et al. 2000
Сокольцы 2, нижний слой	Ki-6697	7440±60	6287±68	Кость	Telegin et al. 2000
Зяньковцы 2, нижний слой	Ki-6694	7540±65	6336±76	Кость	Telegin et al. 2000
Добрянка 1	Ki-9830	6530±140	5620— 5365	Керамика	Манько 2006
Добрянка 1	Ki-9834	63600±150	5480— 5080	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11103	7030±120	6010— 5790	Кость	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11104	7320±130	6220— 5990	Кость	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11105	7400±130	6395— 6105	Кость	Манько 2006

Таблица 3 (окончание).

Памятник	Индекс	BP	cal. BC	Материал	Источник
Добрянка 3	Ki-11106	7070±150	6065— 5775	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11107	7050±170	6055— 5740	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	Ki-11108	7260±170	6370— 5920	Керамика	Манько 2006
Добрянка 3	OxA- 222—33	7227±40		Человеческая кость	Залізняк та ін. 2013
Гиржево	Ki-11241	7280±170	6375— 5930	Керамика	Манько 2006
Гиржево	Ki-11243	7200±220		Керамика	Манько 2006
Даты, полученные в 2008 г.					
Гард, могильник?	Ki-14796	7640±90	6590— 6400	Кость	Товкайло 2010
Гард, могильник?	Ki-14797	6980±80	5920— 5770	Грунт	Товкайло 2010
Гард, нижний слой	Ki-14790	6630±90	5630— 5480	БДК, керамика 1-й группы	Товкайло 2010
Гард, нижний слой	Ki-14789	6480±80	5520— 5360	БДК, керамика 2-й группы	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14791	6710±80	5720— 5540	БДК, керамика подгруппы 1а	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14792	6520±80	5560— 5460	БДК, керамика подгруппы 1б	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14793	6400±90	5480— 5300	БДК, кардиумная керамика (2-я группа)	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14794	6360±80	5470— 5260	Триполье А, кухонная керамика	Товкайло 2010
Гард, верхний слой	Ki-14795	6170±80	5260— 4990	Триполье А, столовая керамика	Товкайло 2010

2010). И, в-третьих, памятники бескерамического неолита характеризуются несколькими чертами, а именно, стационарными поселениями с жилищами, расположенными вблизи рек на надпойменных террасах, развитым рыболовством и первыми признаками производящего хозяйства — примитивным животноводством и вкладышами для жатвенных ножей (Маркевич 1974: 128, 136). Из перечисленного здесь комплекса признаков в Абузовой Балке есть только вкладыши серпов. Более того, возникает вопрос: а что же случилось с поздне-мезолитическим населением, представленным во всем регионе «синкретическими» памятниками типа Мирного, разве оно не принимало никакого участия в неолитизации Северо-Западного Причерноморья? Ведь материалы бескерамического периода Днестра и ранне-неолитического периода Побужья, наоборот, указывают на участие смешанного кукурекско-гребениковского населения в неолитизацион-

ных процессах. Итак, отнесение к бескерамическому периоду неолита некоторых мезолитических стоянок, таких, как Абузова Балка, Траповка, Концеполь, Синохин Брод и др. (Сапожников, Сапожникова 2011), считаю преждевременным, поскольку это не подтверждается археологическими материалами.

К раннему неолиту отнесены ранний комплекс Саврани, Гиржево, Карпово и ранний комплекс Гарда (Сапожников, Сапожникова 2011: 49) и сделан вывод о том, что «кремневый инвентарь всех памятников степного варианта сформирован на базе гребениковских традиций» (Сапожников, Сапожникова 2011: 101), чем оспорен предыдущий вывод о формировании бескерамического и ранних керамических фаз на кукурекской основе. Если ранний неолит формируется на гребениковской основе, то возникает вопрос: а что же произошло с памятниками предыдущего бескерамического периода с базовой

индустрией кукрекского типа? Они что, прекратили свое развитие и не переросли в керамический неолит, как того следовало бы ожидать? Но, прежде всего, удивляет выборочный подход к подбору памятников: для анализа привлечен нижний, самчинский горизонт Саврани и, в то же время, проигнорирован очень выразительный, действительно ранне-неолитический комплекс Мельничной Кручи, расположенный всего в нескольких километрах от Саврани, но на противоположном берегу Южного Буга (Даниленко 1969: 107—111, рис. 77 и 78; Гаскевич 2012: рис. 1: 2, 5—7). Кстати, в верхнем горизонте Мельничной Кручи В.Н. Даниленко (1969: 107—108, рис. 73) выделял и самчинский культурный слой, аналогичный нижнему горизонту Саврани. Итак, вывод об отсутствии в Северо-Западном Причерноморье памятников ранних фаз БДК (Сапожников, Сапожникова 2011: 97) не соответствует действительности, ведь таковыми являются та же Мельничная Круча и нижний слой Гарда. С самчинским слоем Савранского поселения исследователь, вслед за Н.С. Котовой (2002: 181, рис. 57: 12), связывает и кукрекский вкладыш (Сапожников, Сапожникова 2011: 102). Однако дело в том, что этот вкладыш не имеет и, в принципе, не может иметь никакого отношения ни к самчинскому, ни, тем более, к савранскому слоям Саврани. Во-первых, как убедительно доказал Д.Л. Гаскевич, он найден на поверхности на значительном расстоянии от скоплений находок самчинского и савранского периодов, в той части поселения, где материалы являются переложенными (Гаскевич 2005: 34), а во-вторых, ко времени перехода к памятникам самчинской фазы в составе кремневого инвентаря происходят значительные изменения, которые особенно отчетливо прослеживаются в наборе микролитов: если в составе микронабора памятников ранне-неолитического периода важное место занимали пластинки с притупленным краем и вкладыши кукрекского типа, то на самчинской фазе такие изделия полностью выходят из употребления (Гаскевич 2002: 98; 2003: 5; 2005: 32; Товкайло 2003: 195; 2005: 48).

О Гиржево и Карпово я уже высказывался выше. Таким образом, в одной хронологической группе оказались разнотипичные, разновременные и, можно сказать, разнокультурные памятники, из которых достоверно ранне-неолитическим является лишь Гард, представленный нижним слоем.

К среднему неолиту И.В. Сапожников отнес поздний комплекс Саврани, Гард 3 и Пугач 2, а к позднему — Миколину Брояку,

поздний комплекс Гарда, поселение КЛЛК Майнова Балка, отдельные находки линейно-ленточной керамики на Новосельском городище и культуры Боян — на городище Каргал-Посад (Сапожников, Сапожникова 2011: 49, 23). Отрицание вызывает искусственное, ничем не аргументированное разделение на средне- и поздне-неолитические однотипных поселений Гардовской группы, относящихся к позднему периоду БДК (Товкайло 2003; 2005). Так же, исключительно поздним неолитом, датируется и верхний культурный слой Саврани, давшим название савранской фазе развития БДК. И это утверждал не только В.Н. Даниленко (см. Даниленко 1969 и другие его работы), но и практически все исследователи буго-днестровской культуры. Да и сам И.В. Сапожников признает, что «вид материалов Саврани в целом совпадает с характеристикой памятников Степного Побужья (Миколина Брояка, Великий Остров, Гард, Гард III—IV, Пугач II и др.). ...Существующая публикация материалов не дает возможности отличить Саврань от этих и других памятников степного варианта буго-днестровской культуры...» (Сапожников, Сапожникова 2011: 102). Высказано четко и конкретно, но дальше следует вывод, перечеркивающий все сказанное ранее: «Впрочем, опубликованные даты Миколиной Брояки, Гарда III, Пугача II (от 6,9 до 6,5 ТЛ), позволяют говорить об их более позднем времени, чем сама Саврань, датированная около 7,0—6,9 ТЛ» (Сапожников, Сапожникова 2011: 102).

Таким образом, представленная И.В. Сапожниковым хронологическая схема неолитических памятников, построенная на формальном использовании радиоуглеродных дат, наполнена внутренними противоречиями. Она не отвечает, более того, противоречит археологическим данным и поэтому не может быть принята. В очередной раз пришлось убедиться, что использование в хронологических построениях радиоуглеродных дат без их критического анализа не достигает поставленной цели.

Предлагая собственную схему хронологического разделения БДК, я исхожу из данных хорошо стратифицированных поселений, какими являются Сороки 1 и 2, Гард, Гард 3 и 4, Пугач 1 и 2 и др., а также типологического анализа и тех радиоуглеродных дат, которые согласуются и не противоречат археологическим данным. Исходя из этого, к бескерамическому неолиту можно отнести слои 3 и 2 Сороки 2, слой 2 Сороки 1 и нижний слой Зяньковцов 2 (табл. 4). Судя по материалам нижнего слоя Сороки 2 и Зяньковцов, они воз-

Таблица 4.

Периодизация памятников буго-днестровской культуры

Периоды		Поднепровье	Лесостепное Побужье	Степное Побужье
Поздний неолит	3 этап	Гиржево; Цикиновка (укр. Цикінівка)	Жакчик; Зяньковцы 2, верхний слой	Гард, верхний слой; Гард 3; Миколина Брояка; Пугач 1, горизонт «б»
	2 этап	Сороки 5	Саврань, верхний слой; Владимировка; Базьков Остров, верхний слой; Митьков Остров, верхний слой; Сокольцы 6, верхний слой	Пугач 2; Пугач 1, горизонт «б»; Гард 4; Новорозановка 1 и 2
	1 этап		Чернятка; Ладыжин 1	Пугач 1, горизонт «а»; Великий Остров
Средний/развитый неолит		Сороки 1, слой 1, горизонт «а»	Самчинцы 2; Шурильцы; Жакчик; Завалля; Ладыжин 2; Саврань, нижний слой; Мельничная Круча, верхний слой	
Ранний неолит		Сороки 3; Сороки 1, слой 1, горизонт «б»; Тэтэрэука Ноуэ 14 (?)	Базьков Остров, нижний слой; Митьков Остров, нижние слои; Сокольцы 1, 2, 6, нижние слои; Печера, нижний слой; Мельничная Круча, нижний слой; Гайворон-Полижок и др.; Добрянка 1, 2, 3, нижние горизонты	Гард, нижний слой; Семеновка
Бескерамический неолит		Сороки 1, слой 2; Сороки 2, слой 2; Сороки 2, слой 3	Зяньковцы 2	

никают на основе «синкретических» памятников со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем под влиянием прото-неолитического населения с Балкано-Дунайского региона. Не прибегая к их полной характеристике, отмечу, что от предыдущего времени они отличаются развитым рыболовством и первыми признаками производящего хозяйства: использованием домашних животных, вкладышей жатвенных ножей и наличием стационарных поселений, расположенных вблизи крупных рек на надпойменных террасах, с жилищами типа полуземлянок в Поднепровье и наземными жилищами в Побужье. По двум датам из Сороки 2 и Зяньковцов, этот период датируется серединой — второй половиной VII тыс. до н.э.

К раннему неолиту относятся нижние слои/горизонты поселений, которые В.Н. Даниленко датировал скибинцевкой, соколецкой и печерской фазами, В.И. Маркевич — второй и третьей фазами, а также нижний слой Гарда и нижние горизонты Добрянки 1, 2 и 3 (табл. 4). Конкретные проявления тех или иных раннеолитических черт в инвентаре отдельных памятников зависят от удаленности этих памятников от зоны непосредственного контакта населения культуры Криш и БДК, поэтому мы имеем значительные различия в инвентаре днестровских и бугских памятников, что и стало основанием для выделения В.И. Маркевичем двух вариантов буго-днестровской культуры. Общим для всей

территории БДК является топография поселений, микролитический характер кремневой индустрии, а также распространение двух групп раннеолитической буго-днестровской керамики с выразительными чертами культуры Криш.

Поселения расположены в поймах, на краю надпойменных террас вблизи речных русел и на островах. В Поднепровье продолжают бытовать жилища — полуземлянки с очагами и появляются первые наземные жилища легкой конструкции, в Побужье — в дальнейшем бытуют наземные жилища с очагами. Развивается скотоводство и возникают зачатки земледелия. Под влиянием культуры Криш кремневый инвентарь днестровских памятников теряет кукрекские черты, в Побужье он существенно не изменился. На всей территории БДК распространяется раннеолитическая буго-днестровская керамика с выразительными чертами культуры Криш — это преимущественно плоскостенные горшки с овально-вытянутым туловом. Характерные для культуры Криш горшки шарообразных форм широко применяются в Поднепровье и меньше распространены в Побужье. Встречаются остродонные сосуды. Орнамент исключительно углубленный: это разнообразные проглаженные линии, иногда дополненные наколами, пальцево-ногтевые защипы, парные или одиночные отпечатки ногтя. Используются и пластические налепы: ручки, шишечки и валики. Чаши кришского типа распространены

в Поднестровье, но в Лесостепном Побужье они встречаются реже и не на всех памятниках, а в Степном Побужье и Буго-Днепровском междуречье неизвестны. Набор костяных орудий не меняется. На днестровских памятниках появляются характерные для культуры Криш каменные шлифованные топоры. В Степном Побужье (Гард) присутствует каменная посуда, удостоверяющая существование взаимоотношений с сурской культурой. В конце раннего периода неолита возникают первые контакты с носителями КЛЛК, которые в это время заселяют территорию Пруто-Днепровского междуречья и Запрутской Молдовы.

Несмотря на наличие значительного количества радиоуглеродных дат, для абсолютного датирования раннего периода БДК мы можем использовать только те, которые коррелируют с датировкой культур Старчево-Криш. Как уже говорилось выше, расселение кришских неолитических общин по территории между Прутом и Днестром началось во время третьей фазы бытования культуры Старчево-Криш, однако большинство памятников этого региона, в том числе и Сакаровка 1, исследователи отнесли к финальной, четвертой фазе этой культуры. В течение последнего десятилетия количество абсолютных дат культуры Старчево-Криш значительно пополнилось, в основном за счет румынских поселений, которые лишь уточняют предварительные датировки этих культур, а не пересматривают их, как в свое время было сделано в Украине для буго-днестровской культуры. По этим данным, кришские памятники фазы IIIa и IIIb датируются в пределах двух столетий — серединой VI тыс. BC (cal.), а памятники фазы IV — в пределах середины VI тыс. BC (cal.) (Biagi, Spataro 2005: 37, fig. 5; Biagi, Shennan, Spataro 2005: 42, fig. 2). Памятники типа Сакаровка датируют второй четвертью — серединой VI тыс. до н.э., чему не противоречит единственная радиоуглеродная дата Сакаровки 1: (Bln 2425): 6650±50 BP/5480—5440 cal. BC (Larina 1994: 51; 1994б; Ларина 1999: 98; Дергачев 1999: 174—175). В этот хронологический отрезок укладываются несколько дат ранне-неолитических керамических слоев поселений Сороки 2 (5693±134 cal. BC), Гард (5630—5480 cal. BC; 5520—5360 cal. BC) и Добрянка 1 (5620—5365 cal. BC) (табл. 3). Итак, по современным данным, ранний период БДК может быть датирован второй четвертью — серединой VI тыс. cal. BC.

В то же время, как показывают материалы Гарда, возможно, уже в конце раннего неолита в среде БДК возникают первые контак-

ты с населением начального этапа КЛЛК в Карпато-Поднестровье, под воздействием которого эволюция культуры Старчево-Криш в румынской Молдове и Пруто-Днепровском междуречье завершается (Comşa 1971: 386; 1978: 31; Ursulescu 2000: 94, 211; Ларина 1999: 105). Для украинских поселений неолитического периода КЛЛК — Большовцы (укр. Більшівці) (Котова, Ковалюх 2002: табл. 10), Гольшев (укр. Голишів) (Ковалюх и др. 2007: табл. 2) и Майнова Балка (Гаскевич 2007: 131, табл. 6) — Н.Н. Ковалюх получил серию дат, последовательность которых почти полностью охватывает вторую половину VI тыс. до н.э. Между тем, согласно общепринятым представлениям о возрасте КЛЛК Центральной Европы, в Украине, ее нотный период начинается не ранее 5350/5200 гг. до н.э. Абсолютный возраст КЛЛК в Республике Молдова, взаимоотношения между которой и БДК продолжают в течение среднего и позднего неолита, определяется последней четвертью VI — началом V тыс. до н.э. (Ларина 1999: 104; Wechler 2001: 218).

К среднему (развитому) неолиту относятся памятники, которые В.Н. Даниленко датировал самчинской а В.И. Маркевич — IV фазой (табл. 4). В Степном Побужье отдельные культурные слои этого времени не прослеживаются, в то же время керамика с чертами самчинской фазы обнаружена на всех раскопанных поселениях поздне-неолитического периода. Переход к среднему неолиту сопровождался значительными изменениями в материальной культуре. Главные признаки этих изменений такие: кремневый инвентарь полностью теряет кукурекские черты и приобретает унифицированный вид как на Днестре, так и в Побужье, а также радикальные изменения претерпевает керамика, которая теряет кришские черты (плоскодонность, чаши кришского типа, защипы и отпечатки ногтя, пластический орнамент). На смену плоскодонной посуде, которая теперь встречается реже, приходят круглодонные широкогорлые сосуды S-образного профиля. Меняется состав формовочных масс, керамика приобретает жесткость за счет большего добавления дресвы и песка, впервые появляется примесь графита. Происходят изменения и в способах орнаментации посуды, главным признаком которых становится повсеместное распространение оттисков зубчатых и гребенчатых штампов. Такие резкие изменения в керамике В.Н. Даниленко и В.И. Маркевич объясняли проникновением в регион носителей днепродонецкой культуры. Продолжаются контакты с носителями КЛЛК. Хотя расположение по-

селений не изменилось, бытуют только наземные жилища.

Вопрос абсолютного возраста среднего периода БДК также является сложным и неоднозначным. Есть только две калиброванные даты Киевской лаборатории для верхнего слоя Базьковского Острова, со смешанными самчинскими и савранскими материалами: 5498 ± 58 и 5581 ± 59 (табл. 3), — которые тяготеют к середине VI тыс. до н.э. Для их проверки воспользуемся датировкой памятников типа Валя Лупулуй, относящихся к финальному этапу культуры Старчево-Криш Молдовы (субфаза IVB Милойчича-Лазаровича). По мнению румынских исследователей, эти памятники сформировались в результате значительных воздействий со стороны днепродонецкой культуры, поэтому они синхронизируются с IV (самчинской) фазой БДК (Comşa 1971: 386; Ursulescu 2000: 94, 211). По новым данным (Biagi, Spataro 2005; Biagi, Shennan, Spataro 2005), они датируются серединой — третьей четвертью VI тыс. до н.э. Принимая во внимание датирование КЛЛК, контакты с которой сохраняются, средний период БДК можно датировать не ранее середины — третьей четверти VI тыс. до н.э.

Поздний период БДК относится уже к переходной нео-энеолитической эпохе, когда продолжают существовать старые неолитические культуры и в то же время на территории Юго-Восточной Европы возникают первые энеолитические культуры, знаменующие начало новой фазы исторического развития, связанной со значительными сдвигами во всех сферах общественно-экономической жизни древнего населения. Характерной чертой этого периода было повышение роли миграций и интенсификация взаимоотношений между населением смежных и отдаленных территорий.

К позднему неолиту относятся поселения, датированные В.Н. Даниленко савранской, а В.И. Маркевичем — пятой фазой, а также все поселения гардовской группы, в том числе верхний слой Гарда, верхний горизонт Добрянки 3, верхний горизонт Гиржево и недавно открытое поселение Лидина Балка (Фоменко, Требух 2010: 94—95) (табл. 4). Характеризуя поздний неолит, В.Н. Даниленко и В.И. Маркевич отмечали, с одной стороны, наследственность основных черт предыдущего периода (главными признаками этого являются микролитический кремь, сохранение состава керамической массы и остродонных форм посуды, гребенчатая и накольчатая орнаментация), а с другой — восстановление традиционных черт культуры (широкое

применение плоскодонной посуды и абсолютное преимущество линейно-проглаженного орнамента), происходивших в новых условиях возрождения балкано-дунайской ориентации культурно-экономических связей. В частности, в начале периода усиливаются взаимоотношения с КЛЛК, сопровождающиеся продвижением населения этой культуры на территорию БДК, о чем свидетельствует исследованное ранее в верховьях Тилигула поселение КЛЛК Майнова Балка и недавно открытое в среднем течении Южного Буга поселение Камяне-Завалье (укр. Кам'яне-Завалля) (Бруяко и др. 2012).

Интенсивностью взаимоотношений между населением смежных и отдаленных территорий отличалось Степное Побужье, которое на рубеже неолитической и энеолитической эпох послужило контактной зоной для ряда культур Северо-Западного и Северного Причерноморья. Жители Степного Побужья в это время поддерживают отношения и ведут активный обмен с непосредственными и отдаленными соседями: общинами культуры линейно-ленточной керамики и Триполье А на западе и юго-западе; днепродонецкой этнокультурной общности, сурской, азово-днепровской и нижнедонской — на востоке и северо-востоке. Поэтому материальный комплекс памятников Степного Побужья, в отличие от других регионов БДК, сформировался в результате сильных воздействий, с одной стороны, раннетрипольского населения Южного Буга, а с другой — неолитического и раннеэнеолитического населения Среднего Поднепровья и Надпорожья.

В развитии позднего неолита этого региона удалось выделить три последовательных этапа. На первом этапе кремневая индустрия в определенной мере еще сохраняет черты развитого периода БДК и отмечается микролитическим характером изделий, количественным преобладанием аморфных и призматических нуклеусов, сравнительно высоким процентом пластинок. Среди орудий преобладают ножевидные пластинки, встречаются ромбиды. Керамика в большинстве своем имеет уже вполне сформированный позднеэнеолитический вид. Небольшие поселения площадью до 0,2 га располагались на островах и надпойменных террасах главного течения Южного Буга, на высоте в 4—9 м над летним уровнем воды вблизи порогов и переправ.

Второй этап в целом характеризуется обновлением традиционных черт буго-днепровской культуры и усилением ее культурно-бытовой однородности. Расширяется география поселений, которые теперь, кроме

главного течения Южного Буга, размещаются на его небольших притоках у бродов и перевозов. Рядом с поселениями с традиционной топографией возникают поселения на краю плато (45—55 м над уровнем воды в реке). Значительно возрастают размеры самих поселений. Такие изменения в топографии и размерах памятников обусловлены, очевидно, как демографическими, так и хозяйственными причинами. Продолжают бытовать наземные жилища легкой конструкции, построенные с использованием камней, дерева и других недолговечных материалов, с очагами как внутри, так и за пределами жилищ. Происходят изменения в обработке кремневого сырья и номенклатуре кремневых изделий. Растет количество отщеповых заготовок, а основным типом нуклеуса становится конический, с круговой огранкой или односторонний. Используются симметричные и асимметричные трапеции, возникают неизвестные ранее вкладыши — пластинки подпрямоугольной формы с концевой и краевой ретушью. Появляются шлифованные кремневые топоры. Среди изделий из других пород камня распространены гранитные отбойники, песты, зернотерки и сланцевые тесла. Костяные орудия представлены роговыми и костяными мотыгами, проколками, ножами и лопатками. Буго-днестровская керамика характеризуется богатством форм и типов, доминирующими среди которых являются плоскодонные горшки S-образного профиля, хотя встречаются остродонные и круглодонные сосуды. В орнаментации совершенно преобладает линейно-проглаженный орнамент. Возникает неизвестная ранее кардиумная керамика, существующая и в течение следующего третьего этапа. На втором этапе Степное Побужье становится контактной зоной между БДК и ранним Трипольем, поэтому часть буго-днестровской керамики отмечена раннетрипольским воздействием. То же самое касается и раннетрипольской, древнейшей на Южном Буге керамики, отражающей начало проникновения в регион раннетрипольского населения. Сохраняются традиционные связи с культурами днепродонецкой этнокультурной области, сурской, азово-днепровской и линейно-ленточной керамики.

На третьем, заключительном этапе продолжается освоение новых территорий в восточном и южном направлении. Возникают новые поселения на таких притоках Южного Буга, как Синюха (Владимировка (укр. Володимирівка)), Черный Ташлык (Миколина Брояка), Ингул (Новорозановка 1 и 2), а также

на малых реках Днестровско-Хаджибейского региона (Гиржево и Карпово). Топография поселений остается такой же, но продолжают расти размеры поселений, расположенных на краю плато. Продолжают строить наземные жилища легкой конструкции с очагами и мастерские для обработки кремня. Появляются ямы для хранения припасов.

На третьем этапе в технике обработки кремня сохраняется тенденция к увеличению отщеповых заготовок и пирамидальных нуклеусов. Используются те же типы кремневых орудий, а среди трапеций появляются образцы «со строгаными спинками». Традиционными остаются изделия из других пород камня, в частности, гранитные отбойники, песты, скребки, зернотерки и сланцевые тесла. Богат и разнообразен набор костяных и роговых орудий: мотыги, проколки, лопатки и т. п.

Значительные изменения происходят в керамике. В результате взаимовлияния буго-днестровской и раннетрипольской культур возникает синкретическая керамика. Значительный рост количества раннетрипольской керамики свидетельствует о постоянном притоке в регион раннетрипольского населения и его доминирующей роли в межкультурных взаимоотношениях. С другой стороны, усиливаются влияния из области Приднепровья, особенно азово-днепровской культуры, что привело к резкому уменьшению линейно-проглаженного и многократному росту гребенчатого и накольчатого элементов орнамента. Все эти изменения в материальной культуре отражают процессы ослабления культурно-бытовой однородности буго-днестровского этноса, вытеснения его части за пределы региона и постепенной ассимиляции.

Как уже отмечалось, для позднего неолитического памятника имеем значительное количество противоречивых радиоуглеродных дат, буквальное применение которых не приведет к достижению цели — датировке позднего периода БДК. Казалось бы, для этого было бы достаточно использовать те из них, которые не противоречат датировке синхронных культур КЛЛК и Прекукутень III — Триполье А. Но дело в том, что радиоуглеродные даты этих культур также являются противоречивыми. В частности, абсолютный возраст КЛЛК в Пруто-Днестровском междуречье и между Карпатами и Прутом, взаимоотношения между носителями которой и БДК продолжают и в течение позднего неолита, определяется последней четвертью VI — началом V тыс. до н. э. (Ларина 1999: 104;

Wechler 2001: 218). Основанием для такой датировки послужили, в частности, две даты для поселения Тырпешть в Румынии (Bln 800—4220±100 BC; Bln 801—4295±100 BC), которые после калибровки показали 5100—5000 гг до н.э. (Ларина 1999: 104). Между тем, полученные в Киевской лаборатории серии дат поселений нотного периода Большовцы (Котова, Ковалюх 2002: табл. 10), Гольшев (Ковалюх и др. 2007: табл. 2) и Майнова Балка (Гаскевич 2007: 131) почти полностью охватывают вторую половину VI тыс. до н.э. Но, согласно общепринятым представлениям о возрасте КЛЛК Центральной Европы, в Украине нотный период КЛЛК начинается не ранее 5350/5200 гг. до н.э. Не менее спорными являются и определения для Прекукутень — Триполья А, которая на территории Румынии датируется 5050—4600 гг до н.э. (Mantu 1998: 119—180), а на территории Республики Молдова — первой половиной V тыс. до н.э. (Черныш 1982: 174, табл. 10; Бурдо, Видейко 1998: 24, 25, табл. 3). Однако с этими данными не согласуются даты Киевской лаборатории для украинских памятников культуры Триполье А — вторая половина VI — начало V тыс. до н.э. (Бурдо, Ковалюх 1998: 60—61, табл. 2).

Стоит также обратить внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, судя по стратиграфии поселения Гард, между ранним и поздним неолитическими слоями был хронологических промежутков, возможно, соответствующий самчинской фазе, отдельные культурные слои которой прослежены в лесостепной части Южного Буга и Днестра, но не обнаружены в Степном Побужье. С другой стороны, часть керамики верхнего слоя Гарда и других позднелиолитических памятников Степного Побужья сохраняет самчинские черты. Так что, вполне возможно, она может синхронизироваться с поздними кришскими памятниками Пруто-Днестровского междуречья и румынской Молдовы, датируемые серединой VI — третьей четвертью VI тыс. до н.э.

Итак, имея такой разноразной с датами БДК и синхронных ей линейно-ленточной и ранне-трипольской культур, определить абсолютный возраст позднего неолита сегодня достаточно проблематично. Учитывая все обстоятельства, считаю возможным датировать поздний период буго-днестровского неолита последней третью VI — первой третью V тыс. до н.э. Это подтверждается несколькими датами верхнего слоя поселения Гард и других позднелиолитических поселений (табл. 3).

8. Выводы

Становление раннеолитических обществ в Юго-Западной Украине вписывается в общую картину процесса неолитизации Юго-Восточной Европы. В середине — второй половине VII тыс. до н.э. на территорию Северо-Западного Причерноморья вместе с населением позднемезолитической гребениковской культуры распространяется протонелиолитическая совершенная отжимная техника обработки кремня. Здесь гребениковские мигранты смешались с автохтонным кукрекским населением, в результате чего появились так называемые «синкретические» памятники типа Мирного, со смешанным кукрекско-гребениковским кремневым инвентарем. Впоследствии именно на этой синкретической основе, также под влиянием протонелиолитического населения с Балкано-Дунайского региона, появляются памятники бескерамического неолита. Во второй четверти — середине VI тыс. до н.э. территорию между восточными отрогами Карпат и Днестром заселяют раннеземледельческие племена культуры Криш, которые в Поднестровье сталкиваются с местным финальномезолитическим (протонелиолитическим) населением. В результате взаимоотношений между обеими группами населения, при доминирующем влиянии культуры Криш в Днестро-Бугском междуречье возникает керамическое производство, значительные изменения претерпевает кремневый комплекс и распространяются новые формы производящего хозяйства. Очень быстро, уже во второй четверти — середине VI тыс. до н.э., неолитизационные процессы достигают Степного Побужья и верховьев Синюхи.

Таким образом, раннеолитическая буго-днестровская культура с начала ее формирования была прямо и непосредственно связана с неолитом Балкано-Дунайского региона, а ее развитие продолжалось параллельно с развитием распространенных здесь и на территории между восточными отрогами Карпат и Днестром культурами неолита — ранне-го энеолита: Старчево-Криш, Хаманджия, линейно-ленточной керамики, а также ранних фаз Прекукутень-Триполье А. С ними неолитические общины БДК поддерживают отношения и ведут активный обмен на протяжении всего неолита. Уже на начальных этапах БДК возникают взаимоотношения с восточными соседями, сначала с общинами сурской, а позже — азово-днепровской культуры и днепро-днепровской этнокультурной общи-

сти, которые наиболее ощутимы в восточном ареале культуры. Поэтому материальный комплекс памятников Степного Побужья, в отличие от других регионов БДК, сформировался в результате сильных воздействий, с одной стороны, раннетрипольского населения Южного Буга, а с другой — неолитического и раннеэнеолитического населения Среднего Поднепровья и Надпорожья. Впоследствии

постоянный приток раннетрипольского населения и его доминирующая роль в межкультурных взаимоотношениях, а также усиливающиеся влияния из области Приднепровья, особенно со стороны азово-днепровской культуры, привели к ослаблению культурно-бытовой однородности буго-днепровского этноса, вытеснению его части за пределы региона и постепенной ассимиляции.

Литература

- Біаджі П., Станко В.Н., Кіосак Д.В. 2008. Нові радіоуглецеві дати поселення Мирне. *Наукові праці* 96 (83), 33—37.
- Борзьяк И.А. 1997. Мезолит Молдовы: общий обзор. *ДСПК VI*, 19—24.
- Борзьяк И.А., Дергачев В.А. 1980. Новый тип неолитических памятников в Молдавии. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *Археологические исследования на Украине в 1976—1979 гг. Тез. докл.* Днепропетровск, 36—37.
- Борисковский П.И. 1966. Вопросы мезолита Чехословакии и Румынии. *МИА* 126, 132—136.
- Борисковский П.И. 1975. Мезолитическая стоянка Казанка близ Кривого Рога. В: Кожин П.М., Кольцов Л.В., Зимина М.П. (отв. ред.). *Памятники древнейшей истории Евразии*. Москва: Наука, 55—62.
- Бруяко и др. 2012: Бруяко І., Денисюк В., Кіосак Д. 2012. Поселення культури лінійно-стрічкової кераміки на Південному Бузі. В: Гуржуй О.І. (ред.). *Архасівські читання*. Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 41—43.
- Відейко М.Ю., Ковалюх М.М. 1998. Ізотопне датування пам'яток буго-дністровської (БДК) культури. *АВУ 1997—1998*, 65—66.
- Гаскевич Д.Л. 2002. Дослідження крем'яного інвентарю неолітичних культур України. *АВУ 2000—2001*, 98—105.
- Гаскевич Д.Л. 2003. *Крем'яний інвентар неолітичних культур України*. Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Київ.
- Гаскевич Д.Л. 2005. Крем'яні вироби кукурецької культурної традиції в інвентарі буго-дністровських пам'яток Побужья. *Археологія* (3), 24—37.
- Гаскевич Д.Л. 2007. Синхронізація буго-дністровського неоліту та неоліту Центральної Європи: Проблема радіоуглецевих дат. В: Gierlach M., Bakalarska L. (red.). *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań s Dokumentacji Zabytków, 115—147.
- Гаскевич Д.Л. 2010. Северо-Понтийское импресо: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы. *Stratum plus* (2), 213—251.
- Гаскевич Д.Л. 2012. Поселение Каменная Могила I и начало неолитизации Северного Причерноморья: гипотезы, аргументы, факты. *Stratum plus* (2), 45—62.
- Даниленко В.М. 1949. *Звіт про дослідження неолітичних та ранньотрипольських пам'яток на Південному Бузі в 1949 році*. НА ИА НАНУ. 1949/25.
- Даниленко В.М. 1957. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі. *Археологія* 10, 36—49.
- Даниленко В.Н. 1962. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. *КСИА АН УССР* 12, 23—27.
- Даниленко В.Н. 1969. *Неолит Украины: главы древней истории Юго-Восточной Европы*. Киев: Наукова думка.
- Дворянинов С.А. 1972. К проблеме кукурецької культури: по материалам позднеэнеолитических стоянок Южного Буга. В: Баран В.Д. (відп. ред.). *Результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України*. Тези пленарних і секційних доповідей XV наукової конференції Інституту археології АН УРСР. Одеса, 80—82.
- Дергачев В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднепровья. *Stratum plus* (2), 169—221.
- Долуханов П.М., Тимофеев В.И. 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии. В: Колчин Б.А. (ред.). *Проблемы абсолютного датирования в археологии*. Москва: Наука, 28—75.
- Залізняк Л. 1998. *Передісторія України X—V тис. до н.е.* Київ: Бібл. українця.
- Залізняк Л.Л. 2002. Дослідження кукурецької стоянки Добрянки на Черкащині. *АДУ 2001*, 123—126.
- Залізняк Л. 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. *КДУ 8*.
- Залізняк Л.Л. 2005а. Чорноморський потоп та його археологічні наслідки. *Археологія* (3), 3—15.
- Залізняк Л.Л., Манько В.О. 2004. Стоянки біля с. Добрянки на р. Тікич та деякі проблеми неолітизації Середнього Подніпров'я. *КДУ 5*, 137—168.
- Залізняк Л.Л., Панченко Ю.В. 2007. Неолітизація Правобережної України: Балкани чи «Східний імпульс»? *МДАСУ 7*, 6—14.
- Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Журавльов О.П. 2005. Стоянка Добрянки 3 на р. Чорний Тікич та її місце у неоліті Буго-Дністровського межиріччя. *КДУ 7*, 96—116.
- Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Кухарчук Ю.В. 2005. Дослідження стоянок біля с. Добрянки на Черкащині археологічною експедицією НАУКМА у 2001, 2003, 2004 рр. *Magisterium* 20, 6—17.
- Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т. 2007. Проблеми неолітизації Правобережної України за матеріалами розкопок стоянки Добрянки 3 у 2006 році. *КДУ 10*, 148—167.
- Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Степанчук В.М., Ветров Д.О. 2007. Результати досліджень археологічної експедиції НАУКМА у 2006 році. *Magisterium* 27, 4—14.
- Залізняк та ін. 2013: Залізняк Л.Л., Товкайло М.Т., Манько В.О., Сорокун А.А. 2013. Стоянки біля хутора Добрянки та проблема неолітизації Буго-Дніпровського межиріччя. В: Залі-

- няк Л.Л., Степанчук В.М., Кухарчук Ю.В., Товкайло М.Т., Матвіїшина Ж.М., Манько В.О., Ветров Д.О., Беленко М.М., Озеров П.І., Хоптинець І.М., Нездолій О.І., Дорошкевич С.П., Сорокун А.А., Шевченко Т.О. Найдавніше минуле Новомиргородщини. *КДУ* 15, 194—257.
- Киосак Д.В. 2011. Новые материалы каменного века из долины р. Кучурган. *МАСП* 12, 252—277.
- Киосак Д.В. 2013. Предварительные итоги археологических разведок памятников каменного века на Раздельнянской равнине и проблема «степного неолита» Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (2), 283—296.
- Коваленко С.И., Кетрару Н.А. 1997. Новые данные о мезолитической стоянке Саратены в Нижнем Попрутье. In: Dergaciov V. (red. resp.). *Vestigii arheologice din Moldova*. Chişinău: Tipografia Academiei de Ştiinţe din RM, 36—59.
- Коваленко С., Бодян С. 1999. Цариград II — поселение раннего неолита на р. Реут в Молдове. *Stratum plus* (2), 141—147.
- Коваленко С.И., Цой В.Б. 1999. К вопросу о развитии позднемезолитических индустрий в Карпато-Днестровском регионе. *Stratum plus* (1), 257—262.
- Ковалюх М.М., Котова Н.С., Охрименко Г.В. 2007. Новые данные о хронологии неолитических памятников Вольни. *МДАСУ* 7, 15—17.
- Козубовський Ф.А. 1933. *Археологічні дослідження на території Богесу 1930—1932 рр.* Київ: ВУАН.
- Конопля В. 1996. Дослідження пізньомезолітичного поселення Раделичі-4. В: В. Конопля (відп. ред.). *Археологічні дослідження на Львівщині у 1995 р.* Львів: ФІРА-люкс, 18—21.
- Котова Н.С. 1997. Неолітична епоха. В: Березанська С.С., Гладилін В.М., Гладких М.І., Котова Н.С., Круц В.О. *Давня історія України 1. Первісне суспільство*. Київ: Наукова думка, 157—224.
- Котова Н.С. 2002. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях.
- Котова Н.С., Ковалюх Н.Н. 2002. Каталог радиоуглеродных дат неолитических памятников Украины (Приложение 1). В: Котова Н.С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 85—105.
- Красковский В.И. 1976. Карпово — новый памятник каменного века в долине р. Свинной. *МАСП* 8, 157—161.
- Красковский В.И. 1978. *Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Ларина О.В. 1999. Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. *Stratum plus* (2), 10—140.
- Ларина и др. 1997: Ларина О.В., Вехлер К.-П., Дергачев В.А., Коваленко С.И., Бикбаев В.М. 1997. Новые полевые исследования памятников мезолита и неолита Молдовы. In: Dergaciov V. (red. resp.). *Vestigii arheologice din Moldova*. Chişinău: Tipografia Academiei de Ştiinţe din RM, 62—110.
- Манько В.О. 2006. Неоліт Південно-Східної України. *КДУ* 9.
- Маркевич В.И. 1973. Памятники эпохи неолита и энеолита. *Археологическая карта МССР 2*. Кишинев: Штиинца.
- Маркевич В.И. 1974. *Буго-днестровская культура на территории Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Нужный Д.Ю. 2008. *Розвиток мікролітичної техніки у кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців*. Київ: КНТ.
- Пашкевич Г.А. 1982. Палеоботаническая характеристика поселения Мирное. В: Станко В.Н. *Мирное. Проблема мезолита Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 132—138.
- Петренко В.Г. 2012. Гиржево: некоторые новые и малоизвестные данные. В: Пригарин А.А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре 2*. Одесса: СМІЛ, 228—239.
- Петрунь В.Ф. 1967. Петрографо-минералогическое определение материалов из Гиржевской стоянки. *ЗОО II*, 168—173.
- Піструїл І.В. 2011. Дослідження стоянок кам'яного віку Катаржино 1 та Катаржино 2 на Одещині. *КДУ* 14, 172—181.
- Пиструил И.В. 2013. Некоторые проблемы изучения мезолита Северо-Западного Причерноморья. В: Тоццев Г.М., Михайлов Я.Б., Заматаева О.В., Пеньова О.В. (ред. кол.). *Матеріали міжнародної наукової конференції «Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку — енеоліту». До 100-річчя від дня народження В.М. Даниленка*. Мелітопіль, 154—158.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2005. Хронологія поселень та культурна послідовність мезоліту й неоліту Північно-Західного Причорномор'я. *КДУ* 7, 87—95.
- Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. 2011. Каменный век Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (1), 15—149.
- Смолянинова С.П. 1990. *Палеолит и мезолит Степного Побужья*. Киев: Наукова думка.
- Смолянинова С.П. 2003—2004. О некоторых группах изделий с вторичной обработкой ряда мезолитических стоянок Северо-Западного Причерноморья. *Stratum plus* (1), 248—266.
- Смынгына Е.В. 2001—2002. Поселение Зализничное и проблема сложения позднемезолитической культуры в Нижнедунайском регионе. *Stratum plus* (1), 452—463.
- Смынгына Е.В. 2012. Палеогеография и обитатели поднеолитической стоянки Зализничное в свете неолитизации Украинского Нижнего Подунавья. В: Пригарин А.А. (отв. ред.). *Человек в истории и культуре 2*. Одесса: СМІЛ, 206—210.
- Станко В.Н. 1965. Гиржево — новая тарденуазская стоянка на Одещине. *КС ОГАМ* 1963, 3—8.
- Станко В.Н. 1966. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области. *СА* (2), 96—103.
- Станко В.Н. 1967. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья: по материалам стоянки Гиржево. *ЗОО II* (35), 155—168.
- Станко В.Н. 1977. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья. *КСИА* 149, 46—53.
- Станко В.Н. 1982. *Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Станко В.Н. 1991. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, 5—17.
- Станко В.Н., Петрунь В.Ф., Максимюк Т.И. 1981. Позднемезолитическое местонахождение кукрекского типа на Южном Буге. В: Карышковский П.О.

- (ред.). *Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 5—12.
- Станко В. Н., Свеженцев Ю. С. 1988. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья. *БКИЧП* 57, 116—120.
- Степанчук В. М. 2000. Новые памятники мезолитического времени на юге Черкасской области. *АВУ* 1994—1996, 145—146.
- Телегин Д. Я. 1977. Рецензия на: Маркевич В. И. Бугоднестровская культура на территории Молдавии. *Археология* 23, 89—91.
- Телегин Д. Я. 1982. *Мезолітичні пам'ятки України*. Київ: Наукова думка.
- Телегин Д. Я. 1984. К вопросу о территории распространения памятников сурской культуры. В: Телегин Д. Я. (отв. ред.). *Материалы каменного века на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 36—43.
- Телегин Д. Я. 2004. О хронологии и периодизации культур неолита и медного века Юго-запада Восточной Европы. Понятие о нео-энеолитическом времени региона. В: Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. (отв. ред.). *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 106—121.
- Телегин Д. Я., Титова О. М., Пустовалов С. Ж. 2004. Рецензия на книгу Н. С. Котовой «Неолитизация Украины» (Луганск: Шлях, 2002, 123 с.). В: Титова О. М. (гол. ред.). *Праці центру пам'ятокознавства* 5. Київ: Бізнесполіграф, 304—314.
- Титов В. С. 1996. *Неолит Карпатского бассейна*. Москва: Наука.
- Товкайло Н. Т. 1990. О восточных связях бугоднестровской культуры (по материалам поселения Пугач). В: Неприна В. И. (ред.). *Каменный век на территории Украины. Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей*. Киев: Наукова думка, 47—54.
- Товкайло М. Т. 2003. Крем'яний інвентар пізньонеолітичних пам'яток Степового Побужжя. *КДУ* 2, 187—205.
- Товкайло М. Т. 2004а. До проблеми взаємин населення буго-дністровської та ранньотрипільської культур. *Археологія* (1), 30—42.
- Товкайло М. Т. 2004б. До проблеми датування бугодністровського неоліту. *КДУ* 5, 236—246.
- Товкайло М. Т. 2005. Неоліт Степового Побужжя. *КДУ* 6.
- Товкайло М. Т. 2007. Репресована стаття П. В. Харламповича 1931 року — перша наукова праця з неоліту Побужжя. *КДУ* 10, 222—234.
- Товкайло М. Т. 2008. Неолітичний Гард за даними нових досліджень. *КДУ* 11, 144—156.
- Товкайло М. Т. 2010. Ранньонеолітичний горизонт поселення Гард і проблема неолітизації Північно-Західного Надчорномор'я та Побужжя. *КДУ* 13, 208—228.
- Товкайло М. Т. 2012. Неолітична кераміка з домашньою черепашкових рачків Ostrakoda (до проблеми походження кардіумної кераміки в Україні). *Археологія* (3), 27—36.
- Тубольцев О. В. 2013. Типи знарядь з некрем'яних порід на поселеннях сурської культури. В: Тоцев Г. М., Михайлов Я. Б., Заматаєва О. В., Пеньова О. В. (ред. кол.). *Матеріали міжнародної наукової конференції «Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку — неоліту» (до 100-річчя від дня народження В. М. Даниленка)*. Мелітопіль: смт. Мирне, 194—200.
- Фоменко и др. 2007: Фоменко В. М., Товкайло М. Т., Требух О. О. 2007. Дослідження Миколаївської експедиції на Південному Бузі. *АДУ* 2005—2007, 405—408.
- Фоменко и др. 2009а: Фоменко В. М., Товкайло М. Т., Требух О. О. 2009. Охоронно-рятівні археологічні дослідження на Південному Бузі. *АДУ* 2006—2007, 354—356.
- Фоменко и др. 2009б: Фоменко В. М., Товкайло М. Т., Требух О. О. 2009. Дослідження Миколаївської експедиції в зоні добудови Ташлицької ГАЕС. *АДУ* 2006—2007, 445—448.
- Фоменко В. М., Требух О. О. 2010. Багатошарове поселення Лідина Балка на Південному Бузі. В: Піскульова І. М. (голова ред. кол.). *VIII Миколаївська обласна конференція. «Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження»*. Миколаїв: Можливості Кімерії, 93—95.
- Черниш О. П. 1975. *Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту*. Київ: Наукова думка.
- Biagi P., Shennan S., Spataro M. 2005. Rapid Rivers and Slow Seas? New Data for the Radiocarbon Chronology of the Balkan Peninsula. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education*. Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 41—50.
- Biagi P., Spataro M. 2005. New Observations on the Radiocarbon Chronology of the Starčevo-Criș and Körös Cultures. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education*. Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 35—40.
- Brdiu M. 1974. *Paleoliticul superior și epipaleoliticul din Moldova*. București: Oficiul de informare și documentare în științele sociale și politice.
- Comșa E. 1971. Unele date privind raporturile dintre culturile neolitice timpurii din estul României cu cele din sud-vestul U. R. S. S. *SCIV* 22 (3), 377—386.
- Comșa E. 1978. Contribution à l'étude de la Culture Cris en Moldavie (le site de Glavanestii Vechi). *Dacia* NS XXII, 9—36.
- Comșa E. 1987. *Neoliticul pe teritoriul României. Considerații*. București: EARPR.
- Dergachev V., Sherratt A., Larina O. 1991. Recent results of Neolithic research in Moldova (USSR). In: *Oxford Journal of Archaeology* 10 (1), 1—16.
- Larina O. 1994a. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 41—66.
- Larina O. 1994b. *Culturi din epoca neolitică*. Chișinău: Știința.
- Lazarovici Gh. 1979. *Neoliticul Banatului*. Cluj-Napoca.
- Marinescu-Bîlcu S. 1983. În legătură cu câteva opinii privind originea și evoluția neoliticului și eneoliticului pe teritoriul Moldovei. *SCIV* 34 (2), 116—128.
- Milojčić V. 1949. *Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*. Berlin: Verlag Gebr. Mann.
- Păunescu I. 1970. *Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României*. București: EARPR.
- Quitta H. 1971. Der Balkan als Mittler zwischen Vorderen Orient und Europa. In: Schlette F. (Hrsg.). *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa*. Berlin: Akademie Verlag, 38—63.
- Srejović D. 1988. The Neolithic of Serbia: A Review of Research. In: Srejović D., Kostić V. (eds.). *The Neolithic of Serbia. Archaeological Research 1948—1988*. Belgrade: University of Belgrade, 5—19.
- Stanko V. N., Kiosak D. 2010. The Late Mesolithic Settlement of South-Western Ukraine. *Atti della Società*

- per la Preistoria e Protoistoria della regione Friuli-Venezia-Giulia XVII, 27—100.
- Telegin et al. 2000: Telegin D. Ja., Kovalyukh N. N., Potekhina I. D., Lillie M. 2000. Chronology of Mariupol type cemeteries and subdivision of the Neolithic-Copper Age Cultures into periods for Ukraine. In: *Radiocarbon and Archaeology* 1 (1), 59—74.
- Tringham R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe: 6000—3000 B. C.* London: Hutchinson and Co. Ltd.
- Ursulescu N. 1984. *Evoluția culturii Starčevo-Criș pe teritoriul Moldovei*. Suceava: Muzeul Județean Suceava.
- Ursulescu N. 2000. *Contribuții privind neoliticul și eneoliticul din regiunile est-carpătice ale României* 1. Iași: Editura Universității “Al.I. Cuza”.
- Ursulescu N. 2001. Local variants of the Starčevo-Criș culture in the Carpato-Nistrea area. In: Drașovean Fl. (ed.). *Festschrift für Gheorghe Lazarovici. Zum 60. Geburtstag*. Timișoara: Editura Mirton, 59—67.
- Wechler K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. *Ärchaologie in Eurasien* 12. Mainz: von Zabern.

References

- Biadzhi, P., Stanko, V. N., Kiosak, D. V. 2008. In *Naukovi pratsi (Scientific works)* 96 (83), 33—37 (in Ukrainian).
- Borziac, I. A. 1997. In *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the steppe zone in Northern pontic and Crimea)* VI, 19—24 (in Russian).
- Borziac, I. A., Dergachev, V. A. In *Arkheologicheskie issledovaniia na Ukraine v 1976—1979 gg. (Archaeological researches in Ukraine in 1976—1979)*. Dnepropetrovsk, 36—37 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1966. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 126, 132—136 (in Russian).
- Boriskovsky, P. I. 1975. In *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii (Monuments of the oldest history of Eurasia)*. Moscow: Nauka, 55—62 (in Russian).
- Bruyako, I., Denisyuk, V., Kiosak, D. 2012. In *Arkasivs'ki chytannya (Arkasov readings)*. Nikolaev: MNU, 41—43 (in Ukrainian).
- Videyko, M. Yu., Kovalyukh, M. M. 1998. In *Arkheolohichni vidkrytya v Ukraini 1997—1998 (Archaeological investigations in Ukraine in 1997—1998)*, 65—66 (in Ukrainian).
- Gaskevich, D. L. 2002. In *Arkheolohichni vidkrytya v Ukraini 2000—2001 (Archaeological investigations in Ukraine 2000—2001)*, 98—105 (in Ukrainian).
- Gaskevich, D. L. 2003. *Krem'yanij inventar neolitychnykh kul'tur Ukrainy (Flint inventory of the Neolithic cultures in Ukraine)*. Kiev (in Ukrainian).
- Gaskevich, D. L. 2005. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 24—37 (in Ukrainian).
- Gaskevich, D. L. 2007. In *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań s Dokumentacji Zabytków, 115—147 (in Ukrainian).
- Gaskevich, D. L. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 213—251 (in Russian).
- Gaskevich, D. L. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 45—62 (in Russian).
- Danilenko V. M. 1949. *Zvit pro doslidzhennya neolitychnykh ta rann'otrypil's'kykh pam'yatok na Pivdennomu Buzi v 1949 rotsi (Report on the investigations of Neolithic and early Tripolye sites in Southern Bug area in 1949)*. Naukovii arkhiv IA NANU (Scientific archive of IA NASU), 1949/25 (in Ukrainian).
- Danilenko, V. M. 1957. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 10, 36—49 (in Ukrainian).
- Danilenko, V. N. 1962. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk Ukrainskoi SSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukrainian SSR)* 12, 23—27 (in Russian).
- Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy: glavy drevnei istorii Iugo-Vostochnoi Evropy (Neolithic of Ukraine: chapters from the ancient history of South-Eastern Europe)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Dvoryaninov, S. A. 1972. In *Rezultaty pol'ovyykh arkheolohichnykh doslidzhen' 1970—1971 rokiv na terytorii Ukrainy (Results of field archaeological investigations from 1970—1971 on the territory of Ukraine)*. Odesa, 80—82 (in Russian).
- Dergachev, V. A. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 169—221.
- Dolukhanov, P. M., Timofeev, V. I. 1972. In *Problemy absolutnogo datirovaniia v arkheologii (Problems of absolute dating in archaeology)*. Moscow: Nauka, 28—75 (in Russian).
- Zaliznyak, L. 1998. *Peredistoriya Ukrainy X—V tys. do n. e. (The prehistory of Ukraine in the X – V millennia BC)*. Kiev: Biblioteka ukrains'kyia (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L. 2002. In *Arkheolohichni doslidzhennya v Ukraini 2001 (Archaeological investigations in Ukraine 2001)*, 123—126 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. 2005. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 8 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L. 2005a. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 3—15 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L., Manko, V. O. 2004. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 5, 137—168 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L., Panchenko, Yu. V. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohii Skhidnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 6—14 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Zhuravliov, O. P. 2005. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 7, 96—116 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Kukharchuk, Yu. V. 2005. In *Mahisterium (Magisterium)* 20, 6—17 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T. 2007. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 10, 148—167 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Stepanchuk, V. M., Vetrov, D. O. 2007. In *Mahisterium (Magisterium)* 27, 4—14 (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L. L., Tovkaylo, M. T., Manko, V. O., Sorokun, A. A. 2013. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 15, 194—257 (in Ukrainian).
- Kiosak, D. V. 2011. In *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 12, 252—277 (in Russian).
- Kiosak, D. V. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* 2, 283—296 (in Russian).
- Covalenco, S. I., Chetaru, N. A. 1997. In *Vestigi arheologice din Moldova*. Chișinău: Tipografia Academiei de Științe din RM, 36—59 (in Russian).
- Covalenco, S., Bodian, S. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 141—147 (in Russian).
- Covalenco, S. I., Tsoi, V. B. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* 1, 257—262 (in Russian).
- Kovalyukh, M. M., Kotova, N. S., Okhrimenko, G. V. 2007. In *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohii Skhidnoi Ukrainy (Materials and researches in the archaeology of Eastern Ukraine)* 7, 15—17 (in Russian).
- Kozubovsky, F. A. 1933. *Arkheolohichni doslidzhennya na terytorii Bohesu 1930—1932 rr. (Archaeological researches on the territory of Bohes in 1930—1932)*. Kiev: VUAN (in Ukrainian).
- Konoplya, V. 1996. In *Arkheolohichni doslidzhennya na L'vivshchyni u 1995 r. (Archaeological researches in Lvov region in 1995)*. Lviv: FIRA-Ilyuks, 18—21 (in Ukrainian).
- Kotova, N. S. 1997. In *Davnya istoriya Ukrainy (Ancient history of Ukraine)* 1. *Pervisne suspil'stvo (Prehistoric society)*.

- Kiev: Naukova dumka, 157—224 (in Ukrainian).
- Kotova, N. S. 2002. *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: Shliakh (in Russian).
- Kotova, N. S., Kovalyukh, N. N. 2002. In *Neolitizatsiia Ukrainy (Neolithisation of Ukraine)*. Lugansk: Shliakh, 85—105 (in Russian).
- Kraskovskiy, V. I. 1976. In *Materialy po arkhologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on the archaeology of Northern Pontic area)* 8, 157—161 (in Russian).
- Kraskovskiy, V. I. 1978. *Pamiatniki paleolita i mezolita Severno-Zapadnogo Prichernomor'ia (Paleolithic and Mesolithic sites in the North-western Pontic area (an archaeological map))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Larina, O. V. 1999. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (2), 10—140 (in Russian).
- Larina, O. V., Vekher, K.-P., Dergachev, V. A., Covalenco, S. I., Bikbaev, V. M. 1997. In *Vestigi arheologice din Moldova. Chişinău: Tipografia Academiei de Ştiinţe din RM*, 62—110 (in Russian).
- Manko, V. O. 2006. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 9 (in Ukrainian).
- Markevich, V. I. 1973. In *Arkheologicheskaia karta MSSR (Archaeological map of Moldavian SSR)* 2. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Markevich, V. I. 1974. *Bugo-dnestrovskaia kul'tura na territorii Moldavii (Bug-Dniester culture on the territory of Moldavia)*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Nuzhnyi, D. Yu. 2008. *Rozvytok mikrolitychnoi tekhniki u kam'yanomu vitsi: udoskonalennya zbroi pervisnykh myslyvtiv (The development of microlithic technique in the Stone Age: u kam'yanomu viji: improvement of weapons of prehistoric hunters)*. Kiev: KNT (in Ukrainian).
- Pashkevich, G. A. 1982. In *Mirnoe. Problema mezolita Severnogo Prichernomor'ia (Mirnoe. The problem of the Mesolithic of the steppes of the Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka, 132—138 (in Russian).
- Petrenko, V. G. 2012. In *Chelovek v istorii i kul'ture (The man in history and culture)* 2. Odessa: SMIL, 228—239 (in Russian).
- Petrin, V. F. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkhelogicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* II, 168—173 (in Russian).
- Pistruil, I. V. 2011. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 14, 172—181 (in Ukrainian).
- Pistruil, I. V. 2013. In *Materialy mizhnarodnoi naukovoï konferentsii «Pivnichne Pryazov'ya v epokhu kam'yanoho viku — eneolitu». Do 100-richchya vid dnya narodzhennya V. M. Danylenka (Materials of the international scientific conference „Northern Pontic region in Stone and Copper Age“. To the anniversary of 100 years from the birth of V.N. Danilenko)*. Melitopol, 154—158 (in Russian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, H. V. 2005. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 7, 87—95 (in Ukrainian).
- Sapozhnikov, I. V., Sapozhnikova, G. V. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 15—149.
- Smolyaninova, S. P. 1990. *Paleolit i mezolit Stepnogo Pobuzh'ia (Paleolithic and Mesolithic of Steppe Bug region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Smolyaninova, S. P. 2003—2004. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 248—266 (in Russian).
- Smyntyna, E. V. 2001—2002. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (1), 452—463 (in Russian).
- Smyntyna, E. V. 2012. In *Chelovek v istorii i kul'ture (Man in history and culture)* 2. Odessa: SMIL, 206—210 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Odesskogo gosudarstvennogo arkhelogicheskogo muzeia 1963 (Brief reports on the field archaeological investigations of Odessa State Archaeological Museum in 1963)*, 3—8 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1966. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 96—103 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkhelogicheskogo obshchestva (Writings of the Odessa Archaeological Society)* II (35), 155—168 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 149, 46—53 (in Russian).
- Stanko, V. N. 1982. *Mirnoe. Problema mezolita stepei Severnogo Prichernomor'ia (Mirnoe. The problem of the Mesolithic of the steppes of the Northern Pontic area)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Stanko, V. N. 1991. In *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e — kontaktnaia zona drevnikh kul'tur (North-West Pontic region — a contact zone between ancient cultures)*. Kiev: Naukova dumka, 5—17 (in Russian).
- Stanko, V. N., Petrun, V. F., Maksimiyuk, T. I. 1981. In *Pamiatniki drevnikh kul'tur Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Sites of ancient cultures from the North-Western Pontic region)*. Kiev: Naukova dumka, 5—12 (in Russian).
- Stanko, V. N., Svezhentsev, Yu. S. 1988. In *Biulleten' Komissii po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period)* 57, 116—120 (in Russian).
- Stepanchuk, V. M. 2000. In *Arkheologicheskie viddokrytyia v Ukraini 1994—1996 (Archaeological investigations in Ukraine in 1994—1996)*, 145—146 (in Russian).
- Telegin, D. Ya. 1977. In *Arkheologiya (Archaeology)* 23, 89—91 (in Ukrainian).
- Telegin, D. Ya. 1982. *Mezolithichni pam'yatky Ukrainy (Mesolithic sites of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Telegin, D. Ya. 1984. In *Materialy kamennogo veka na territorii Ukrainy (Stone Age materials on the territory of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 36—43 (in Russian).
- Telegin, D. Ya. 2004. In *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Problems of chronology and ethno-cultural interactions in the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 106—121 (in Russian).
- Telegin, D. Ya., Titova, O. M., Pustovalov, S. Zh. 2004. In *Pratsi tsentru pam'iatkoznavstva (Works of the centre for research of sites)* 5. Kiev: Biznespoligraf, 304—314.
- Titov, V. S. 1996. *Neolit Karpatskogo basseina (Neolithic of Carpathian Basin)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Tovkaylo, N. T. 1990. In *Kamennyi vek na territorii Ukrainy. Nekotorye aspekty khoziaistva i etnokul'turnykh svyazei (Stone Age on the territory of Ukraine. Some aspects of economy and ethno-cultural connections)*. Kiev: Naukova dumka, 47—54 (in Russian).
- Tovkaylo, M. T. 2003. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 2, 187—205 (in Ukrainian).
- Tovkaylo, M. T. 2004a. In *Arkheologiya (Archaeology)* (1), 30—42 (in Ukrainian).
- Tovkaylo, M. T. 2004b. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 5, 236—246 (in Ukrainian).
- Tovkaylo, M. T. 2005. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 6 (in Ukrainian).
- Tovkaylo, M. T. 2007. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 10, 222—234 (in Ukrainian).
- Tovkaylo, M. T. 2008. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 11, 144—156 (in Ukrainian).
- Tovkaylo, M. T. 2010. In *Kam'yana doba Ukrainy (Stone Age of Ukraine)* 13, 208—228 (in Ukrainian).
- Tovkaylo, M. T. 2012. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 27—36 (in Ukrainian).
- Tuboltsev, O. V. 2013. In *Materialy mizhnarodnoi naukovoï konferentsii «Pivnichne Pryazov'ya v epokhu kam'yanoho viku — eneolitu» (do 100-richchya aid dnya narodzhennya V. M. Danylenka)*. Melitopol: smt. Myme, 194—200 (in Ukrainian).
- Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 2007. In *Arkheologicheskie doslidzhennya v Ukraini 2005—2007 (Archaeological researches in Ukraine in 2005—2007)*, 405—408 (in Ukrainian).
- Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 2009. In *Arkheologicheskie doslidzhennya v Ukraini 2006—2007 (Archaeological researches in Ukraine in 2006—2007)*, 354—356.
- Fomenko, V. M., Tovkaylo, M. T., Trebukh, O. O. 2009. In *Arkheologicheskie doslidzhennya v Ukraini 2006—2007*

№2. 2014

- (*Archaeological researches in Ukraine in 2006—2007*), 445—448 (in Ukrainian).
- Fomenko, V. M., Trebukh, O. O. 2010. In *VIII Mykolaiv's'ka oblasna konferentsiya. «Istoriya. Etnohrafiya. Kul'tura. Novi doslidzhennya» (VIII Nikolaev regional conference „History. Ethnography. Culture. New investigations“)*. Nikolaev: Mzhlyvosti Kimerii, 93—95 (in Ukrainian).
- Chernysh, O. P. 1975. *Starodavnye naselelyna Podnistrov'ya v dobu mezolitu (Prehistoric population of the Dniester region in Mesolithic)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Biagi, P., Shennan, S., Spataro, M. 2005. Rapid Rivers and Slow Seas? New Data for the Radiocarbon Chronology of the Balkan Peninsula. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education*. Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 41—50.
- Biagi, P., Spataro, M. 2005. New Observations on the Radiocarbon Chronology of the Starčevo-Criș and Körös Cultures. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education*. Reports of Prehistoric Research Projects 6—7, 35—40.
- Brudiu, M. 1974. *Paleoliticul superior și epipaleoliticul din Moldova*. București: Oficiul de informare și documentare în științele sociale și politice.
- Comșa, E. 1971. Unele date privind raporturile dintre culturile neolitice timpurii din estul României cu cele din sud-vestul U. R. S. S. *SCIV* 22 (3), 377—386.
- Comșa, E. 1978. Contribution à l'étude de la Culture Cris en Moldavie (le site de Glavanestii Vechi). *Dacia* NS XXII, 9—36.
- Comșa, E. 1987. *Neoliticul pe teritoriul României. Considerații*. București: EARPR.
- Dergachev, V., Sherratt, A., Larina, O. 1991. Recent results of Neolithic research in Moldova (USSR). In: *Oxford Journal of Archaeology* 10 (1), 1—16.
- Larina, O. 1994a. Neoliticul pe teritoriul Republicii Moldova. *Thraco-Dacica* XV (1—2), 41—66.
- Larina, O. 1994b. *Culturi din epoca neolitică*. Chișinău: Știința.
- Lazarovici, Gh. 1979. *Neoliticul Banatului*. Cluj-Napoca.
- Marinescu-Bîlcu, S. 1983. În legătură cu câteva opinii privind originea și evoluția neoliticului și eneoliticului pe teritoriul Moldovei. *SCIV* 34 (2), 116—128.
- Milojčić, V. 1949. *Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas*. Berlin: Verlag Gebr. Mann.
- Păunescu, I. 1970. *Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României*. București: EARPR.
- Quitta, H. 1971. Der Balkan als Mittler zwischen Vorderen Orient und Europa. In: Schlette F. (Hrsg.). *Evolution und Revolution im Alten Orient und in Europa*. Berlin: Akademie Verlag, 38—63.
- Srejović, D. 1988. The Neolithic of Serbia: A Review of Research. In: Srejović D., Kostić V. (eds.). *The Neolithic of Serbia. Archaeological Research 1948—1988*. Belgrade: University of Belgrade, 5—19.
- Stanko, V.N., Kiosak, D. 2010. The Late Mesolithic Settlement of South-Western Ukraine. *Atti della Società per la Preistoria e Protoistoria della regione Friuli-Venezia-Giulia* XVII, 27—100.
- Telegin, D. Ja., Kovaliukh, N.N., Potekhina, I.D., Lillie, M. 2000. Chronology of Mariupol type cemeteries and subdivision of the Neolithic-Copper Age Cultures into periods for Ukraine. In: *Radiocarbon and Archaeology* 1 (1), 59—74.
- Tringham, R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe: 6000—3000 B. C.* London: Hutchinson and Co. Ltd.
- Ursulescu, N. 1984. *Evoluția culturii Starčevo-Criș pe teritoriul Moldovei*. Suceava: Muzeul Județean Suceava.
- Ursulescu, N. 2000. *Contribuții privind neoliticul și eneoliticul din regiunile est-carpătice ale României* 1. Iași: Editura Universității “Al. I. Cuza”.
- Ursulescu, N. 2001. Local variants of the Starčevo-Criș culture in the Carpato-Nistean area. In: Drașovean Fl. (ed.). *Festschrift für Gheorghe Lazarovici. Zum 60. Geburtstag*. Timișoara: Editura Mirton, 59—67.
- Wechler, K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Ärchäologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.

Статья поступила в номер 1 ноября 2013 г.

Mykola Tovkaylo (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences¹.

Mykola Tovkaylo (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Товкайло Микола Тихонович (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: Mukolatovkaylo@ukr.net

Address: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine